

№
3046.

№ 21
Всего Управленія
дѣламъ печати.

3000

28

Издательство „НИЖЕГОРОДСКИЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“
Г. И. СЕРГѢЕВА и В. Е. ЧЕШИХИНА.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ и ГОЛОДЪ.

СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ч. ВЪТРИНСКАГО.

Доброта украшаетъ жизнь, разрѣшая всѣ
противорѣчія, запутанное дѣлаетъ яснымъ,
трудное — легкимъ, мрачное — радостнымъ.

Левъ Толстой.

Весь чистый доходъ отъ изданія поступаетъ въ распоряженіе Ниже-
городскаго Отдѣла Русскаго Общества охраненія народнаго здравія
о о о на устройство столовыхъ для голодающихъ. о о о

Издательство „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“
Г. И. СЕРГѢЕВА и В. Е. ЧЕШИХІНА.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ и ГОЛОДЪ.

СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКШЕЙ

Ч. ВЪТРИНСКАГО.

- I. Статьи Л. Н. Толстого о голодѣ 1873, 1891—92 и 1898 гг.
II. Письма Л. Н. Толстого. Воспоминанія и др. матеріалы.

Съ двумя портретами и 5-ю иллюстраціями.

Весь чистый доходъ отъ изданія поступаетъ въ распоряженіе
Нижегородскаго Отдѣла Русскаго Общества охраненія народ-
наго здравія на устройство столовыхъ для голодающихъ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

1912.

1303

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Цѣль настоящаго сборника—собрать посильныя средства для помощи голодающимъ нижегородской губерніи. Весь чистый доходъ будетъ полностью переданъ въ распоряженіе Нижегородскаго Отдѣла Высочайше утвержденнаго Русскаго Общества охраненія народнаго здравія на устройство столовыхъ для голодающихъ. О крайней необходимости устройства цѣлой сѣти такихъ столовыхъ даетъ понятіе читателю предпосланная сборнику замѣтка о неурожаяхъ 1911 г. въ нижегородской губ.

Мысль—связать изданіе въ пользу голодающихъ съ именемъ Л. Н. Толстого—напрашивалась сама собой: дѣятельность Л. Н-ча въ голодные годы въ свое время производила огромное впечатлѣніе на общество и, быть можетъ, напоминаніе о ней будетъ также не безплодно для новаго возбужденія въ русскомъ обществѣ движенія на борьбу съ голодомъ.

Въ первой части сборника сгруппированы письма и статьи Л. Н-ча, напечатанныя имъ во время голодовокъ, при чемъ данъ возможно полный текстъ ихъ, за исключеніемъ, однако, мелочныхъ замѣтокъ съ цифровыми данными, такъ какъ имѣлось въ виду лишь въ общихъ чертахъ напомнить дѣятельность и настроеніе Л. Н-ча въ голодные годы.

Во вторую часть вошли письма Л. Н-ча, имѣющія отношеніе къ періодамъ голодовокъ, въ томъ числѣ нѣсколько новыхъ, а также воспоминанія и др. матеріалы, какъ бывшіе въ печати, такъ и появляющіеся впервые. Объ исчерпывающей полнотѣ ихъ, конечно, не могло быть и рѣчи, какъ въ виду того, что сборникъ составленъ весьма спѣшно, такъ и потому, что вообще освѣщеніе жизни Толстого и накопленіе матеріаловъ о ней дѣлаютъ только первые шаги. Общій обзоръ собраннаго матеріала, также отчасти новаго, даетъ вводная замѣтка редактора сборника.

Кромѣ портретовъ Л. Н-ча (съ fotogr. В. Г. Черткова) и снимка въ с. Бѣгичевкѣ въ 1891—2 г. (съ fotogr. П. Θ. Самарина, предоставленной Н. В. Давыдовымъ), сборникъ иллюстрированъ воспроизведеніемъ картинъ голоднаго 1891—2 года въ нижегородской губ. Эти снимки сдѣланы съ фотографій М. П. Дмитріева, составившихъ альбомъ, поднесенный въ свое время отъ членовъ нижегородскаго губернскаго Благотворительнаго Комитета и губернской Продовольственной Комиссіи Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору. Съ разрѣшенія губернатора Н. М. Баранова альбомъ былъ изданъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ подъ заглавіемъ «Неурожайный 1891—2 годъ въ нижегородской губерніи». Альбомъ, хотя и имѣетъ мѣстный характеръ, воспроизводитъ такія же картины, какія окружали Л. Н-ча въ годы голода.

Въ заключеніе издательство считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить искреннѣйшую признательность всѣмъ авторамъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, и др. лицамъ, оказавшимъ ему свое сочувственное содѣйствіе.

Редакторъ, наконецъ, приносить глубокое извиненіе двумъ авторамъ, статьи которыхъ, хотя и были предварительно анонсированы въ газетахъ, не могли войти въ нѣсколько разросшійся сборникъ.

Отчетъ объ изданіи будетъ представленъ Нижегород. Отдѣлу О-ва охран. нар. здравія и помѣщенъ въ газетахъ.

20 февраля 1912 г., г. Н.-Новгородъ.

Ч. Вѣтринскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НЕУРОЖАѢ ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Неурожай 1911 г., охватившій болѣе трети Европейской Россіи и часть Западной Сибири, не миновалъ и нижегородской губерніи. Правда, не вся губернія оказалась во власти этого страшнаго гостя, но въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ея онъ нанесъ тяжелое потрясеніе населенію, которое еще не успѣло оправиться отъ послѣдствій плохого урожая предшествоващаго года.

Несмотря на значительное развитіе мелкой и крупной промышленности, населеніе нижегородской губерніи по преимуществу занимается сельскимъ хозяйствомъ, въ частности—земледѣліемъ. Можно считать, что отъ земли кормится около $\frac{7}{10}$ населенія, способнаго къ труду.

Понятно поэтому, что урожай въ экономической жизни нижегородскаго крестьянина играетъ доминирующее значеніе. Уродился хлѣбъ—есть возможность свести концы съ концами, постигъ неурожай—хозяйство распадается, люди идутъ по міру, болѣютъ и нерѣдко умираютъ съ голоду.

Зависимость населенія отъ урожая особенно сильна въ южныхъ, чисто земледѣльческихъ уѣздахъ, гдѣ подсобные—кустарные и отхожіе—промыслы мало развиты и гдѣ все благополучіе населенія исключительно зиждется на земледѣльческомъ трудѣ. Какъ разъ эти уѣзды—сергачскій и лукояновскій, а также арзамасскій и княгининскій, оказались пострадавшими отъ неурожая.

Пользуясь матеріалами губернской земской управы, частью разработанными въ докладахъ земскому собранію, частью еще неопубликованными, мы до извѣстной степени можемъ выяснитъ характеръ и размѣры неурожая.

Съ осени 1910 г. ничто не предвѣщало для земледѣльцевъ нижегородской губерніи дурного: сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ происхо-

диль своевременно, при хорошей погодѣ, всходы достаточно окрѣпили и ушли подъ снѣгъ въ удовлетворительномъ видѣ.

Но весна оказалась чрезвычайно неблагоприятной. Съ самаго начала и до конца мая стояла необыкновенно холодная и сухая погода и лишь въ началѣ іюня наступило тепло и стали выпадать дожди. Во многихъ случаяхъ, однако, эти благоприятныя условія уже не могли исправить озимыхъ посѣвовъ.

По отзыву корреспондентовъ земской управы, крестьянскіе посѣвы мѣстами погибли сплошь, мѣстами же представляли чрезвычайно пеструю картину. «Въ теченіе 65 лѣтъ моей жизни, пишетъ одинъ корреспондентъ изъ сергачскаго уѣзда, такой пестроты я не помню». «У кого урожай, у кого голодный годъ», сообщаетъ другой корреспондентъ изъ арзамасскаго уѣзда.

Яровые пришлось сѣять въ сухую землю, а холода и засуха погубили яровые всходы.

Въ результатѣ—значительный недоборъ хлѣбовъ. «Урожай хлѣбовъ нынѣшняго года, пишетъ корреспондентъ изъ сергачскаго у., самый скудный: у нѣкоторыхъ крестьянъ не собрано ржи на обѣщаніе поля, у другихъ отъ сѣмянъ осталось 3, 5, 10 мѣръ. У самыхъ зажиточныхъ крестьянъ (отрубниковъ) хватить хлѣба только до января».

Приведемъ цифры, которыя характеризуютъ положеніе уѣздовъ, гдѣ оказались мѣстности съ недоборомъ противъ средняго урожая ржи—главнаго продовольственнаго хлѣба.

У ѣ з д ы.	Чистый сборъ при нормальномъ урожаѣ (въ пудахъ).	Чистый сборъ въ 1911 г. (въ пудахъ).	Недоборъ по сравненію съ нормальнымъ чист. сборомъ.
Сергачскій	1.861.292	451.184	1.410.108
Лукояновскій	2.732.998	873.548	1.859.450
Арзамасскій	746.820	245.517	501.243
Княгининскій	1.130.120	641.984	488.136
Васильскій	377.754	158.522	219.232
	6.848.984	2.370.815	4.478.169

Недоборъ одной лишь ржи въ указанныхъ уѣздахъ составляетъ почти $4\frac{1}{2}$ мил. пудовъ.

Что населенію не хватаетъ на продовольствіе своего хлѣба до новаго урожая—это обычное явленіе для $\frac{2}{3}$ нижегородской губ., и не только въ годы средняго, но и хорошаго сбора. Для уѣздовъ, гдѣ имѣются посторонніе подсобные заработки, недостатокъ своего хлѣба еще не составляетъ большой бѣды, но для уѣздовъ чисто земледѣльческихъ, какъ напр., сергачскаго и лукояновскаго, гдѣ, обыкновенно, населеніе не только кормится своимъ хлѣбомъ, но и вывозитъ его на продажу, недостатокъ своего хлѣба составляетъ уже истинное бѣдствіе.

«По самому умѣренному разсчету» земской управы недостатокъ ржи на продовольствіе исчисленъ въ $3\frac{1}{2}$ мил. пуд.

Изъ яровыхъ значительный недоборъ падаетъ на овесъ и пшеницу—наиболѣе распространенныя яровыя растенія въ нижегородской губерніи. Изъ другихъ яровыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ арзамасскаго, сергачскаго и лукояновскаго уѣздовъ гречи и чечевицы не собрано даже сѣмянъ, а между тѣмъ онѣ здѣсь высѣваются въ значительномъ количествѣ.

По подсчету управы необезпеченность населенія пострадавшихъ мѣстностей яровыми сѣменами къ веснѣ 1912 г. составитъ свыше 700 тысячъ пудовъ. Да и подсчетъ то этотъ основанъ на предположеніи, что половина населенія въ мѣстностяхъ, гдѣ оказался недостаточный урожай, сумѣетъ сохранить необходимое количество сѣмянъ для посѣва яровыхъ полей. Но сохранить-ли?

Что же касается урожая травъ, то лишь въ балахнинскомъ и семеновскомъ уѣздахъ сборъ сѣна приблизился къ среднему, во всѣхъ же остальныхъ уѣздахъ онъ оказался значительно ниже. Въ уѣздахъ, официально признанныхъ пострадавшими отъ неурожая хлѣбовъ, сборъ сѣна приходится признать совсѣмъ недостаточнымъ. Особенно плохъ урожай травъ въ южныхъ уѣздахъ—сERGачскомъ и лукояновскомъ.

Не трудно представить себѣ, какъ печально долженъ отразиться неурожай на населеніи. Вѣсти съ мѣстъ рисуютъ нерадостныя картины.

«Нынѣшній 1911 г. для крестьянъ крайне трудный, пишетъ корреспондентъ изъ дер. Новоселки б.-арской вол. лукояновскаго у., хлѣба не уродилось достаточно, корму скоту мало, заработковъ нѣтъ». «Въ настоящее время у крестьянъ с. Маресева и въ окрестныхъ селеніяхъ ощущается недостатокъ хлѣба, а въ скоромъ времени ожидается совершенный голодъ, какъ людямъ, такъ

и скоту». «У насъ (ново-слоб. вол.) самый голодный годъ, скотъ продають за безцѣнокъ».

Въ такомъ же духѣ вѣсти и изъ сергачскаго уѣзда. «Въ виду неурожая хлѣбовъ жители нашего селенія (кечасовская вол.) въ паникѣ: грозить голодная смерть». «Всѣ крестьяне беспокоятся: не знаютъ, какъ этотъ голодный годъ пережить».

Безотрадныя картины будущаго вселяють въ людяхъ злобу и уныніе. Такъ одинъ изъ корреспондентовъ лукояновскаго уѣзда пишетъ: «Нынѣшній годъ народъ упалъ духомъ, такъ что поглядишь на другого—поблѣднѣлъ и сдѣлался скупымъ и страшнымъ. Ну, и правда, многіе помирать будутъ отъ голода: продать нечего, взять негдѣ, побираться не смѣтъ».

Положеніе населенія ухудшается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ уѣздахъ, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1911 году, въ предыдущемъ году былъ также значительный недоборъ хлѣбовъ. По этому поводу корреспондентъ изъ княгининскаго у. (ичалковская в.) пишетъ: «Урожай прошлаго года сдѣлалъ много измѣненій въ нашей мѣстности: всѣ крестьяне подбились въ обуви и одеждѣ, а нынѣшній годъ еще хуже прошлаго».

Но и въ тѣхъ уѣздахъ, которые официально не признаны пострадавшими отъ неурожая, во многихъ мѣстностяхъ оказался неурожай, сулящій населенію самыя печальныя послѣдствія. «Нынѣшній годъ, дѣлится своими впечатлѣніями корреспондентъ изъ ардатовскаго у., для обывателей нашего села (Кузятова)—самый тяжелый. Крестьянскій скотъ продають за безцѣнокъ». «Положеніе населенія, пишутъ изъ того же уѣзда, въ этомъ году очень тяжелое: хлѣба хватить на полъ-зимы». И еще: «Въ нашей мѣстности народъ совсѣмъ палъ духомъ». «Не знаю, какъ Богъ и пренесетъ отъ нынѣшняго года». А вотъ сообщеніе изъ макарѣевскаго уѣзда: «Относительно населенія скажу: въ народѣ какое-то уныніе, народъ невеселъ,—видимо, что хлѣба не уродилось и травы не дали никакого укуса».

Свѣдѣнія съ мѣстъ, которыя мы приводимъ, доставлены въ земскую управу еще въ октябрѣ - ноябрѣ прошлаго года. Можно съ увѣренностью предположить, что сейчасъ, когда мы пишемъ эти строки, послѣдствія отъ неурожая сказываются въ уѣздахъ еще острѣе, чѣмъ о томъ пишутъ корреспонденты.

И дѣйствительно. На послѣднемъ совѣщаніи предсѣдателей уѣздныхъ управъ, въ январѣ 1912 г., выяснилось, что даже въ

уѣздахъ, какъ напр., нижегородскомъ, семеновскомъ и горбатовскомъ, гдѣ урожай въ среднемъ получился довольно сносный, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма остро ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ.

Въ борьбѣ съ нагрянувшей бѣдой населеніе прибѣгаетъ къ крайнимъ мѣрамъ: продаютъ сѣмена, нужныя для будущаго посѣва, распродаютъ скотъ, безусловно необходимый въ своемъ хозяйствѣ.

Скотомъ переполнены базары, но его не покупаютъ даже по баснословно-дешевой цѣнѣ. «Въ с. Б.-Болдинѣ лукояновскаго у., сообщаетъ корреспондентъ, 5 октября на базарѣ продавалось скота такъ много, что 60-тилѣтніе старики не помнятъ, когда столько было на этомъ базарѣ, и больше половины скотъ не проданъ, повели обратно домой».

Приведемъ разсказъ корреспондента—священника, описывающаго мытарства лукояновскаго крестьянина, поставившаго на карту свое послѣднее и самое цѣнное богатство—лошадь. «Выводить мужикъ на базаръ лошадь, стоившую весной 60 р. Съ лошадью еще весенній жеребенокъ. Продаетъ. Даютъ за обѣ лошади.... шесть рублей.—Помилуй, говоритъ крестьянинъ, да, вѣдь шкура одной кобылы стоитъ шесть р., а я тебѣ продаю здоровую рабочую лошадь, а къ ней еще жеребенокъ, за котораго въ прошлогоднюю осень дали бы 25 р.—Если бы ты продавалъ не твою кобылу, а шкуру съ нея, мы бы дали тебѣ за нее шесть р., а то намъ придется еще убивать кобылу и жеребенка и снимать съ нихъ шкуру».

«Скотину валяютъ чуть не даромъ», сообщаетъ корреспондентъ изъ княгининскаго у. «Большинство крестьянъ на хлѣбъ въ настоящее время продаютъ: коровъ, подтелковъ, овецъ и даже продаютъ послѣднюю лошадь совершенно за дешевую цѣну», пишутъ изъ сергачскаго у. «Лошадь, которая лѣтомъ, въ рабочее время, стоила 50 р., въ настоящее время—15 р., а коровы упали въ цѣнѣ на 20 р.» (арзам. у.). «Скотину продаютъ за безцѣнокъ или сами рѣжутъ: необходимыя потребности не молчатъ, повинности также требуютъ», заявляетъ наблюдатель мѣстной жизни изъ сергачскаго уѣзда.

На ряду съ низкими цѣнами на скотъ стоятъ непомѣрно высокія цѣны на хлѣбъ и корма. «Кормъ для скота посейчасъ ужасно дорогъ, сообщаетъ корреспондентъ изъ лукояновскаго у., обмолотки ржаные 100 сноповъ—2 р. 25 к.». «Въ настоящее время всѣ крестьяне покупаютъ хлѣбъ дорогой цѣной, по 1 р. 30 к.—1 р.

45 к. за пудъ», пишетъ священникъ изъ сергачскаго у. Пшеница, по сообщенію кор-та изъ княгининскаго у., доходить до 1 р. 70 к. за пудъ. «Возъ сѣна стоитъ 10 р. и дороже, возъ яровой соломы всякой—7 р., ржаная мука 1 пуд.—1 р. 35 к.» (лукоян. у.). «Несмотря на то, что (появился) новый хлѣбъ, цѣны поднялись до небывалыхъ здѣсь въ это время размѣровъ—1 р. 35 к.—1 р. 40 к. за пудъ», пишутъ изъ макарьевскаго у.

Положеніе еще болѣе обостряется тѣмъ, что даже за дорогую цѣну трудно приобрѣсти хлѣбъ людямъ и кормъ скоту. «Корма сейчасъ дороги, да и негдѣ купить: продаютъ совсѣмъ мало», пишетъ корреспондентъ изъ ардатовскаго у. «Корма себѣ и скоту придется покупать, но покупать негдѣ», жалуется корреспондентъ изъ арзамасскаго у.

Къ довершенію всего этого, подножный кормъ, который могъ бы оказать подспорье при содержаніи скота, прекратился необычно рано и уже въ сентябрѣ скотина стояла на зимнемъ положеніи.

Мы не исчерпали всего имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, но уже изъ приведенныхъ сообщеній съ мѣстъ становится ясно, что населеніе нижегородской губерніи неурожаемъ 1911 г. поставлено въ крайне тяжелыя условія.

Нѣкоторые изъ корреспондентовъ, отмѣчая безысходность своего положенія, безнадежно смотрятъ на будущее: «Къ намъ гибель неизбежно придетъ». Нѣкоторые возлагаютъ надежды на помощь со стороны. «Нужна помощь въ какой-бы то ни было формѣ, заявляетъ корреспондентъ—крестьянинъ изъ макарьевскаго у., хотя бы организація общественныхъ работъ и продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ».

Вопросъ объ организаціи общественныхъ работъ для нижегородской губерніи рѣшенъ отрицательно, а на покупку хлѣба и кормовъ для нуждающагося населенія губернскому земству ассигновано всего лишь 240 тыс. р. Сумма эта, сравнительно съ нуждой, ничтожна, да и кромѣ того, продажей хлѣба по заготовительной цѣнѣ можно оказать помощь лишь болѣе состоятельнымъ слоямъ населенія.

Гораздо большее значеніе для населенія имѣетъ выдача хлѣба въ ссуду. Мѣстныя правительственныя учрежденія для этой цѣли располагаютъ до 1½ мил. пуд. хлѣба. Этихъ запасовъ, если принять во вниманіе «самые умѣренные разсчеты» земства, хватитъ лишь на удовлетвореніе 1/3 нуждающихся.

Чтобы помочь остальнымъ $\frac{2}{3}$ голодающаго населенія, необходимы новые источники средствъ.

И прежде всего средства необходимы на открытіе столовыхъ. Январское совѣщаніе при губернской земской управѣ изъ представителей Краснаго Креста и уѣздныхъ земствъ, о которомъ мы упоминали выше, выяснило, что въ восьми уѣздахъ нижегородской губ. необходимо открыть 450 общихъ столовыхъ и, кромѣ того, въ десяти уѣздахъ—столовыя для школьникова приблиз. на 17 тысячъ чел. На это дѣло потребуется не менѣе 168 тыс. руб., а имѣется лишь всего 60 тыс. Недостающую сумму предполагали получить изъ общеземской организаціи. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что общеземская организація едва-ли можетъ удѣлить на нижегородскую губ. болѣе 5 тыс. р.

Такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ для помощи голодающимъ нижегородской губ. стоитъ чрезвычайно остро.

Можно надѣяться, что вопросъ о средствахъ все-таки будетъ благопріятно разрѣшенъ: на народное бѣдствіе откликнутся и частныя, и общественныя силы.

10 февраля 1912 г., г. Нижній.

Г. И. Сергѣевъ.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ И ГОЛОДЪ.

Подробную біографію Толстого будутъ писать позднія поколѣнія. Въ ней исторія его выступленій на борьбу съ голодомъ займетъ многія страницы. А теперь нужно торопиться по свѣжимъ еще слѣдамъ собирать и по возможности группировать матеріалы. Настоящая замѣтка имѣетъ въ виду дать немногія руководящія указанія читателю для оглядки въ матеріалахъ, незначительныхъ по количеству, быть можетъ, случайныхъ и мозаичныхъ по качеству, представленныхъ въ настоящемъ сборникѣ.

«Людей простыхъ, хорошихъ, здоровыхъ физически и нравственно, когда они страдаютъ отъ лишеній, жалко всѣмъ существомъ,—совѣстно и больно быть человѣкомъ, глядя на ихъ страданія!»—писалъ Толстой 30 іюля 1873 г. своей «бабушкѣ», гр. Александрѣ Андреевнѣ Толстой, интимному другу своей души и совѣсти (стр. 108). Этотъ непосредственный мотивъ и побудилъ Толстого, въ его пребываніе въ своемъ самарскомъ имѣніи, когда ожидался голодъ, явиться статистикомъ, съ бодрымъ увлеченіемъ описать Гавриловку и выступить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 207, 1873 г. отъ 17 авг.) съ предостерегающимъ и зовущимъ на помощь письмомъ. «Отъ страха полемики» и «не любя писать жалостливо», онъ, по его словамъ, «представилъ дѣло менѣе страшнымъ, чѣмъ оно есть». Но голосъ его былъ услышанъ. Въ разсказѣ А. С. Пругавина читатель найдетъ нѣкоторыя подробности о движеніи, толчкомъ къ которому было письмо Толстого, а въ статьѣ С. С. Кондурушкина и данныя о томъ, какъ устойчиво живетъ въ тѣхъ мѣстахъ память о *графѣ* Толстомъ, откликнувшемся сердцемъ на народную нужду.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ впечатлѣнія той поры вошли глубоко въ сознаніе Толстого. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ воспользовалъ-

ся ими, напр. въ берущей за сердце картинѣ голодающей семьи въ разсказѣ «Два старика». Но не только для художественной сферы были существенны эти впечатлѣнія. Они должны были войти однимъ изъ дѣйствующихъ элементовъ въ подготовлявшійся между тѣмъ духовный кризисъ Толстого. Онъ писалъ лѣтомъ 1873 г. бабушкѣ о «сильныхъ и добрыхъ міра сего, *которые, къ счастью, одни и тѣ же*». Но вскорѣ его разочаровала, поразила и возмутила господствующая во всѣхъ кругахъ путаница понятій, боязнь общественнаго движенія, направленнаго на помощь мало-мальски широкому кругу лицъ, и проч. «Я боюсь, что надѣлалъ вамъ непріятностей голодомъ самарскимъ—пишетъ онъ въ мартѣ слѣдующаго года гр. А. А. Толстой:—всегда съ молоду, и чѣмъ старше, тѣмъ больше, цѣню одно качество отрицательное выше всего—простоту. Надо наше уродство, чтобы понять только ту путаницу, которая происходитъ, по какому же случаю? по тому, что голоднымъ людямъ не голодные, а роскошествующіе люди хотятъ дать кусокъ хлѣба. Хочешь дать—дай, не хочешь, пройди мимо. Казалось бы чего еще. Нѣтъ, оказывается, что если ты дашь, то этимъ покажешь, что ты врагъ кого-то, и желаешь кого-то огорчить или убѣдить, а не дашь, то ты этимъ... Боже мой! Что это?» (Толст. Музей, т. I. Переп. Л. Толстого съ гр. А. А. Толстой, стр. 250).

Эта путаница стала предъ Толстымъ еще въ большей мѣрѣ и степени, когда насталъ голодъ 1891—2 г.г., уже не мѣстный, какъ въ 1873 году, а захватившій полъ - Россіи. Самъ Толстой не былъ уже тогда тѣмъ человѣкомъ, который 18 лѣтъ передъ тѣмъ такъ беззавѣтно отдавался благотворительному дѣлу. Онъ уже пережилъ свой извѣстный кризисъ и менѣе всего былъ способенъ въ чисто благотворительной помощи видѣть все спасающее средство. Въ началѣ осени 1891 г. онъ не безъ ироніи относился къ разговорамъ о борьбѣ съ голодомъ. Объ этомъ онъ горячо спорилъ съ И. И. Раевскимъ (см. разсказъ А. А. Толстой въ вышеназванной книгѣ, стр. 69), а въ письмѣ къ неизвѣстному лицу, ходившемъ по рукамъ и частью воспроизведенномъ въ печати (см. стр. 217), Толстой говорилъ, напр.: «взять у правительства или вызвать пожертвованія, я думаю—не нужно, и ничего, кромѣ грѣха, не произведетъ».

Но объѣздъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстъ (крапивенскій, богородицкій, ефремовскій, данковскій уѣзды), личныя впечатлѣнія побудили Толстого пойти на то самое, что сначала онъ такъ

наго отношенія властей къ частному почину, нежели то было въ предыдущее царствованіе. Характеръ дѣятельности Толстого былъ теперь въ сущности совершенно тотъ же, что и пять лѣтъ назадъ. Л. Толстой устраивалъ столовыя вмѣстѣ съ сыномъ Ильей Львовичемъ въ Мценскомъ и Чернскомъ уѣздахъ. Призывы его къ пожертвованіямъ, напечатанные въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» *) (отъ 4 февраля 1898, стр. 88, и не воспроизводимое, за недостаткомъ мѣста, обращеніе, содержавшее цифровыя данныя и указывавшее на дѣятельность С. Шаховскаго и А. Пругавина—Рус. Вѣд. 1899 г. № 62), вызывали всегда широкій притокъ пожертвованій. Статья 1898 г. «Голодъ или не голодъ» (петерб. газета «Русь», №№ 4—6) не только давала картину дѣятельности Толстого, но и обрисовывала положеніе вещей въ странѣ, хронически страдающей голодовками, съ общей точки зрѣнія. Имѣла свое значеніе и рекомендація Толстымъ на мѣста работы молодежи. Онъ зналъ, по опыту 1891—2—3 годовъ, «какъ бываетъ хорошъ, самоотверженъ и полезенъ трудъ» на пользу ближняго, принятый добровольно идеально настроенными юношами. «И я долженъ сказать,—пишетъ объ этихъ рекомендаціяхъ Толстого работавшій въ частномъ самарскомъ кружкѣ А. С. Пругавинъ:—что если вообще молодежь обоготола, являвшаяся къ намъ на голодъ, работала прекрасно, то дѣятельность людей, которыхъ направлялъ къ намъ Толстой, прямо поражала своей полной самоотверженностью и той сердечной беззавѣтной любовью, которую эти люди вкладывали въ дѣло помощи обнищавшему и голодавшему населенію сель и деревень» («О Львѣ Толстомъ и толстовцахъ». М. 1911).

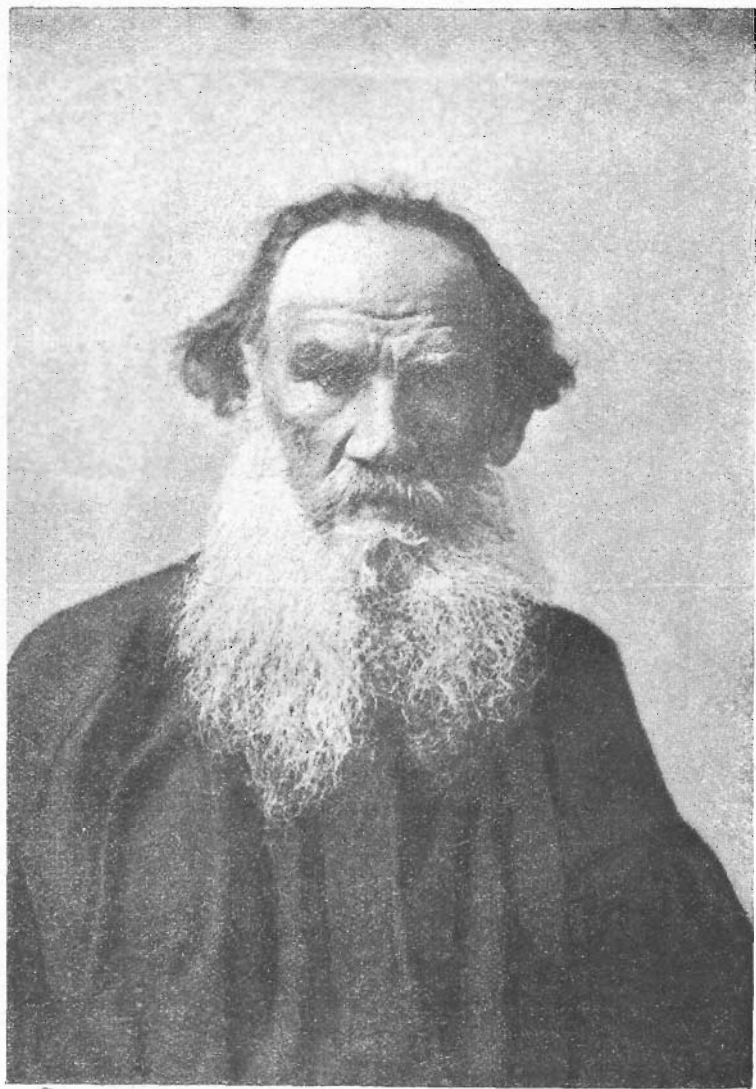
Наконецъ, въ 1907 г. Толстой принялъ нѣкоторое участіе въ помощи голоднымъ распредѣленіемъ 5000 долларовъ, присланныхъ изъ Америки духоборами (см. статью Г. С. Рябова).

Дѣло Толстого въ голодные годы не будетъ нами оцѣнено во всей его полнотѣ, если мы будемъ судить о немъ только съ внѣшней стороны—по количеству собранныхъ и распредѣленныхъ средствъ и числу накормленныхъ и избавленныхъ отъ тифа и цынги, какъ ни велико оно съ этой внѣшней стороны (а именно: было въ 1891—92—93 г.г. до 246 столовыхъ, до 13 тыс. обѣдающихъ въ нихъ и нѣсколько сотъ тысячъ затраченныхъ на все

*) Въ связи со статьями Толстого, газета претерпѣла рядъ гоненій. См. объ этомъ интересную статью г. В. Розенберга „Рус. Вѣд.“ 1911 г. № отъ 7 ноября.

особенно въ глаза. Слиться съ этими жертвами нищеты и безмѣрнаго труда въ послѣднемъ сліяніи, можетъ быть, какъ этотъ отрѣщенный отъ всѣхъ условностей фанатикъ—шведъ (см. восп. В. Скороходова); найти полную свободу отъ узъ міра въ томъ, чтобы быть послѣднимъ среди малыхъ, дойдя до того идеала нищенства духа, о которомъ говорится въ послѣднемъ письмѣ Эртеля (стр. 165), быть какъ птица небесная, какъ люди братства поэта Д-ва, о которомъ говорится въ письмахъ духовоборамъ, стать какъ невѣдающій, гдѣ главу преклонить, Сынъ человѣческій—вотъ мечта, быть можетъ, руководившая Толстымъ въ его уходѣ къ голодающимъ. Она не удалась, и отсюда эта неудовлетворенность, эти рѣжушія намъ ухо слова о «блевотинѣ», рѣжушія, между прочимъ потому, что не только богачи давали тогда свою помощь, но несли свои средства и неимущіе люди труда и заботы, которымъ нечѣмъ было помочь голоднымъ, кромѣ крохъ своего заработка, внѣ котораго не было бы и крохъ, а сами они поступили бы въ разрядъ безработныхъ, голодающихъ. Но исходя изъ этого своего настроенія, которое снова вспыхнуло въ немъ въ послѣдній его знаменитый уходъ изъ Ясной Поляны, Толстой въ своихъ писаніяхъ «о грѣхѣ раздѣленія съ братьями» мимовольно снова предъ всѣми и каждымъ поставилъ не только индивидуально-моральную, но и общественно-политическую проблему. Она очерчена имъ и въ его «Письмахъ о голодѣ», и въ заключеніи къ послѣднему отчету (1893 г.), и въ статьѣ «Голодъ или не голодъ», какъ настоятельная необходимость «поднять упавшій духъ» народа. Этотъ упадокъ духа хуже внѣшняго обѣдненія и для поднятія духа Толстой и указывалъ на освобожденіе народа отъ опутавшей его сѣти устарѣлыхъ формъ государственной опеки. Такъ доступно, какъ Толстой, никто тогда не ставилъ на очередь этихъ вопросовъ, и въ этомъ историческій смыслъ его писаній и дѣятельности, упредившихъ надолго свое время. Эта задача «поднять духъ народа» и теперь стоитъ предъ нами нерѣшенной...

Ч. Витринскій.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.
1898 г.

I.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

СТАТЬИ О ГОЛОДѢ.

1873.

О САМАРСКОМЪ ГОЛОДѢ.

(Письмо къ издателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“).

Проживъ часть нынѣшняго лѣта въ деревенской глуши Самарской губерніи и будучи свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго народъ вслѣдствіе трехъ неурожайныхъ годовъ, въ особенности нынѣшняго, я считаю своимъ долгомъ описать, насколько сумѣю правдиво, бѣдственное положеніе сельскаго населенія здѣшняго края и вызвать всѣхъ русскихъ къ поданію помощи пострадавшему народу.

Надѣюсь, что вы не откажете дать мѣсто моему письму въ вашей газетѣ.

О томъ, какъ собирать подписку и кому поручить распредѣленіе ея и выдачу, вы знаете лучше меня, и я увѣренъ, что вы не откажете помочь этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ.

1871 годъ былъ въ Самарской губерніи неурожайный. Богатые крестьяне, дѣлавшіе большіе посѣвы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне, также уменьшившіе свои посѣвы, стали только нуждающимися. Прежде ненуждавшіеся крестьяне стали нуждаться и продали часть скотины. Нуждавшіеся прежде крестьяне вошли въ долги, и явились нищіе, которыхъ прежде не было.

Второй неурожайный годъ, 1872, заставилъ достаточныхъ крестьянъ еще уменьшить посѣвъ и продать излишнюю скотину, такъ что цѣна на лошадей и рогатый скотъ упала вдвое. Нену-

ждавшіеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли въ долги. Прежде нуждавшіеся крестьяне стали бобылями и кормиться только заработками и пособіемъ, которое имъ выдавали. Количество нищихъ увеличилось.

Нынѣшній, уже не просто неурожайный, но голодный годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода почти $\frac{9}{10}$ всего населенія.

Едва ли есть въ Россіи мѣстность, гдѣ бы благосостояніе или бѣдствіе народа непосредственнѣ зависѣло отъ урожая или неурожая, какъ въ Самарской губерніи.

Заработки крестьянъ заключаются только въ земледѣльческомъ трудѣ: пахотѣ, бороньбѣ, покосахъ, жнитвѣ, молотьбѣ и извозѣ.

Въ нынѣшній же годъ, вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая, посѣвы уменьшились и, уменьшаясь, дошли до половины прежнихъ, и на этой половинѣ ничего не родилось, такъ что у крестьянина своего хлѣба нѣтъ и заработковъ почти нѣтъ, а за тѣ, какіе есть, ему платятъ $\frac{1}{10}$ прежней цѣны, какъ, напр., за житво, котораго средняя цѣна была 10 рублей за десятину, нынѣшній годъ платится 1^{р.} 20 к., такъ что крестьянинъ зарабатываетъ въ день отъ 7 до 10 копеекъ.

Вотъ причина, почему въ этотъ третій неурожайный годъ бѣдствіе народа должно дойти до крайней степени.

Бѣдствіе это уже началось, и безъ ужаса нельзя видѣть народъ даже въ настоящее время, лѣтомъ, когда только начинается самый бѣдственный годъ и впереди еще 12 мѣсяцевъ до новаго урожая, и когда еще есть кое-гдѣ заработки, хотя на время спасающіе отъ голода.

Проѣхавъ по деревнямъ отъ себя до Бузулука 70 верстъ, и въ другую сторону отъ себя до Борскаго 70 верстъ и еще до Богдановки 70 верстъ и заѣзжая по деревнямъ, я, всегда жившій въ деревнѣ и знающій близко условія сельской жизни, былъ приведенъ въ ужасъ тѣмъ, что я видѣлъ: поля голыя тамъ, гдѣ сѣяна пшеница, овесъ, просо, ячмень, ленъ, такъ что нельзя узнать, что посѣяно, и это въ половинѣ іюля! Тамъ, гдѣ рожь, поле убрано или убираютъ пустую солому, которая не возвращаетъ сѣмянъ; гдѣ покосы, тамъ стоятъ рѣдкіе стога, давно убранные, такъ какъ сѣна было въ десять разъ меньше противъ обычныхъ урожаевъ, и желтыя выгорѣвшія мѣста. Такой видъ имѣли поля. По дорогамъ вездѣ

народъ, который ѣдетъ или въ Уфимскую губернію на новыя мѣста, или отыскиваетъ работу, которой или вовсе нѣтъ, или плата за которую такъ мала, что работникъ не успѣваетъ работать на то, что у него съѣдаютъ дома.

По деревнямъ, во дворахъ, куда я заѣзжалъ, вездѣ одно и тоже: не совершенный голодъ, но положеніе близкое къ нему, всѣ признаки приближающагося голода. Крестьянъ нигдѣ нѣтъ, всѣ уѣхали искать работы, дома худыя бабы, съ худыми и больными дѣтьми, и старики. Хлѣбъ еще есть, но въ обрѣзъ; собаки, кошки, телята, куры худые и голодные, и нищіе не переставая подходятъ къ окнамъ, и имъ подають крошечными ломтиками или отказываютъ.

Но это общее впечатлѣніе, на которомъ нельзя основываться. Вотъ расчеты села Гавриловки, ближайшаго ко мнѣ. Я очень хорошо знаю, что можно, подобравъ факты, составить жалостливое описаніе положенія крестьянскихъ семей, изъ котораго будетъ казаться, что всѣ онѣ на волоскѣ отъ голодной смерти, и можно, съ другой стороны, подобрать факты такъ, что будетъ поводъ говорить то, что, къ несчастью и стыду своему, такъ любятъ говорить многіе изъ насъ,—что бѣдствія никакого нѣтъ, что все происходитъ только оттого, что крестьяне не работаютъ, а пьянствуютъ и т. д., и потому я сдѣлалъ опись каждого десятаго двора въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ Гавриловкѣ, и вѣрность этой описи подтверждается подписями старшинъ и священниковъ.

Въ числѣ попавшихся подъ десятый нумеръ есть и менѣе бѣдные крестьяне, какъ вы увидите, но большинство въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

[Далѣе слѣдуетъ сдѣланная самимъ Л. Н. и засвидѣтельствованная подписями старшинъ и священниковъ опись каждого десятаго двора въ селѣ Гавриловкѣ (южной части бузулукскаго уѣзда). Въ этой описи противъ каждого изъ 23 дворовъ показано число ѣдоковъ, работниковъ, дѣтей, лошадей, коровъ, овецъ, число посѣянныхъ десятинъ, количество собраннаго хлѣба или предполагаемаго сбора, и количество домовъ].

Для каждого, кто потрудился вникнуть въ эту вполне точную опись крестьянскихъ семей и ихъ средствъ, должно быть ясно, что большая половина этихъ семей никакъ не можетъ нынѣшній годъ прокормиться своими средствами, другая же половина, хотя, какъ мнѣ кажется и можетъ про-

кормиться, отдавъ своихъ крестьянъ въ работники, въ сущности, находится точно въ такомъ же плохомъ положеніи, какъ и первая половина, такъ какъ $\frac{9}{10}$ всѣхъ деревень должны итти въ работники, а хозяева по неурожаю отпускаютъ и тѣхъ работниковъ, которыхъ прежде держали.

Положеніе народа ужасно, когда вступишь и подумаешь о предстоящей веснѣ, но народъ какъ бы не чувствуетъ и не понимаетъ этого.

Только какъ согласишься съ крестьяниномъ и заставишь его учесть себя и подумать о будущемъ, онъ скажетъ: «и сами не знаемъ, какъ свои головы обдумаемъ», но вообще, кажется, онъ спокоенъ, какъ и обыкновенно: такъ что для человѣка, который бы поверхностно взглянулъ теперь на народъ, разсыпанный по степи дощипывать по колоску чуть видную отъ земли, кое-гдѣ взошедшую пшеницу, увидѣлъ бы здоровый, всегда веселый рабочій народъ, услышалъ бы пѣсни и кое-гдѣ смѣхъ, тому бы даже странно показалось, что въ средѣ этого народа совершается одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. Но бѣдствіе это существуетъ и признаки его слишкомъ явны.

Крестьянинъ, несмотря на то, что сѣетъ и жнетъ болѣе всѣхъ другихъ христіанъ, живетъ по евангельскому слову: «птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, и Отецъ небесный питаетъ ихъ», крестьянинъ вѣритъ твердо въ то, что при его вѣчномъ тяжкомъ трудѣ и самыхъ малыхъ потребностяхъ Отецъ его небесный пропитаетъ его, и потому не учитываетъ себя, и когда придетъ такой, какъ нынѣшній, бѣдственный годъ, онъ только покорно нагибаетъ голову и говоритъ: «прогнѣвали Бога, видно, за грѣхи наши».

Изъ приложеннаго отчета видно, что въ $\frac{9}{10}$ семей не достанетъ хлѣба. «Что же дѣлаютъ крестьяне?» Во-первыхъ, они будутъ мѣшать въ хлѣбъ дешевую и потому не питательную и вредную лебеду, мякину (какъ мы говорили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже начинаютъ дѣлать); во-вторыхъ, сильные члены семьи, крестьяне, уйдутъ осенью или зимой на заработки, и отъ голоду будутъ страдать старики, женщины, изнуренныя родами и кормленіемъ, и дѣти. Они будутъ умирать не прямо отъ голода, а отъ болѣзней, причиною которыхъ будетъ дурная, недостаточно питательная пища и особенно потому, что самарское населеніе нѣсколькими поколѣніями приучено къ хорошему пшеничному хлѣбу.

Прошлый годъ еще встрѣчался кое-гдѣ у крестьянъ пшеничный хлѣбъ, матери берегли его для малыхъ дѣтей; нынѣшній годъ его уже нѣтъ, и дѣти болѣютъ и мрутъ. Что же будетъ, когда не достанетъ и чистаго чернаго хлѣба, что уже и теперь начинается?

Страшно подумать о томъ бѣдствіи, которое ожидаетъ населеніе большей части Самарской губерніи, если не будетъ подана ему государственная помощь. Подписка, по моему мнѣнію, можетъ быть открыта всякая: 1) подписка на пожертвованія и 2) подписка на выдачу денегъ для продовольствія заимообразно безъ процентовъ на 2 года. Подписка второго рода, т. е. выдача денегъ заимообразно, я полагаю, можетъ составить ту сумму, которая обезпечитъ пострадавшее населеніе Самарской губерніи, и, вѣроятно, земство Самарской губерніи возьметъ на себя трудъ раздачи хлѣба на эти деньги и сбора долга въ первый урожайный годъ.

Графъ Левъ Толстой.

28 іюня. Хуторъ на Тананыкѣ.

1891—1892.

СТРАШНЫЙ ВОПРОСЬ*).

Есть ли въ Россіи достаточно хлѣба, чтобы прокормиться до новаго урожая? Одни говорятъ, что есть, другіе говорятъ, что нѣту, но никто не знаетъ этого вѣрно. А знать это надо и знать навѣрное, теперь же, передъ началомъ зимы,—такъ же надо, какъ надо знать людямъ, пускающимся въ дальнее плаваніе, есть ли, или нѣтъ на кораблѣ достаточное количество прѣсной воды и пищи.

Страшно подумать о томъ, что будетъ съ командой и пассажирами корабля, когда въ серединѣ океана окажется, что запасы всѣ вышли. Еще болѣе страшно подумать о томъ, что будетъ съ нами, если мы повѣримъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что хлѣба у насъ достанетъ на всѣхъ голодающихъ, и окажется передъ весной, что утверждающіе это, ошиблись.

Страшно подумать о послѣдствіяхъ такой ошибки. Послѣдствіями этой ошибки вѣдь будетъ нѣчто ужасное: смерть голодныхъ миллионовъ и худшее изъ всѣхъ бѣдствій—остервенѣніе, озлобленіе людей. Вѣдь хорошо только пушечными выстрѣлами предувѣдомлять петербуржцевъ о томъ, что вода поднимается, потому что больше вѣдь ничего нельзя сдѣлать. Никто не знаетъ и не можетъ знать степени подъема воды: остановится ли она на томъ, что было прошлаго года, или дойдетъ до того, что было въ 24-мъ году, или поднимется еще выше.

Голодъ же нынѣшняго года, кромѣ того, что есть бѣда безъ

*) „Страшный вопросъ“ разрѣшенъ былъ благопріятно, такъ какъ въ Россіи хлѣба оказалось съ избыткомъ.

сравненія бѣлая, чѣмъ бѣда наводненія, безъ сравненія болѣе общая (она угрожаетъ всей Россіи),—есть бѣда, степень которой можно и должно не только предвидѣть, но можно и должно предвидѣть и предупредить.

— «А! полноте. Въ Россіи достанетъ, и за-глаза достанетъ всякаго рода хлѣба для всѣхъ»,—говорятъ и пишутъ одни люди, и другіе любящіе спокойствіе люди склонны вѣрить этому. Но нельзя вѣрить тому, что говорится на-обумъ, по догадкамъ о предметѣ такой ужасной важности.

Если скажутъ, что въ сомнительной прочности банѣ, въ которую ходятъ разъ, въ субботу, балки простоятъ еще и не нужно ихъ передѣлывать, можно повѣрить и рискнуть оставить баню безъ передѣлки; но если про сомнительный потолокъ театра, въ которомъ каждый вечеръ сидятъ тысячи, скажутъ голословно, что есть вѣроятіе, что онъ не обрушится еще нынче,—нельзя повѣрить и успокоиться. Угрожающая опасность слишкомъ велика. Опасность же, угрожающая Россіи, если хлѣба, нужнаго для питанія людей, ни по какимъ цѣнамъ не будетъ, опасность эта такъ ужасна, что воображеніе отказывается представить себѣ то, что бы было, если бъ это было такъ; и потому довольствоваться голословными, успокоительными утвержденіями о томъ, что у насъ въ Россіи хлѣба достанетъ, не только не слѣдуетъ, но было бы безумно и преступно.

Но существуетъ ли такая опасность? Есть ли вѣроятіе того, что хлѣба не достанетъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, то, что голодомъ захвачена цѣлая треть Россіи, и та самая треть, которая всегда кормила большую часть остальныхъ двухъ третей. Калуга, Тверь, Москва, всѣ нечерноземныя и сѣверныя губерніи, даже не пострадавшіе отъ неурожая нечерноземные уѣзды тѣхъ же губерній, никогда не кормятся своимъ хлѣбомъ, а всегда покупаютъ его у тѣхъ, которые теперь сами должны кормиться чужимъ хлѣбомъ.

Поэтому, если считать, положимъ, по 10 пудовъ на душу,—ну, скажемъ, только 20 милліоновъ (когда ихъ вычисляютъ до 40) жителей голодающихъ уѣздовъ,—200 милліоновъ пудовъ нужнаго хлѣба, то это далеко не представитъ всего количества нужнаго для пропитанія Россіи хлѣба. Къ этому числу надо присоединить все то, что еще нужно на тѣхъ, которые питались въ

прежніе годы хлѣбомъ пострадавшихъ мѣстностей, что, очень можетъ быть, составить еще такую же цифру.

Неурожай въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ дѣлаетъ нѣчто подобное тому, что совершается при перестановкѣ точки опоры рычага; не только уменьшается сила короткаго конца, но еще увеличивается во столько же разъ сила длиннаго.

Захвачена неурожаемъ треть Россіи—самая плодородная, кормившая остальные двѣ трети, и потому очень вѣроятно, что хлѣба на всѣхъ не достанетъ.

Это одно соображеніе. Второе соображеніе, что сосѣднія съ Россіей страны поражены такимъ же неурожаемъ и что потому большое количество хлѣба уже вывезено, и теперь въ видѣ пшеницы продолжаетъ вывозиться за границу.

Третье соображеніе то, что, совершенно противно тому, что было въ голодномъ 40-мъ году, въ нынѣшнемъ году нѣтъ и не можетъ быть никакихъ запасовъ стараго хлѣба.

Съ Россіей случилось нѣчто подобное тому, что случилось по разсказу Библіи, въ Египтѣ, только съ тою разницей, что въ Россіи не было предсказателя Іосифа, не было и запасливыхъ и распорядительныхъ людей, подобныхъ Іосифу; но были молотилки, желѣзныя дороги, банки и большая потребность въ деньгахъ и у правительствъ, и у частныхъ лицъ. Во всѣ предшествующіе годы, болѣе семи, хлѣба было много, цѣны были низки, но потребность въ деньгахъ все росла и росла, какъ она равномерно растетъ среди насъ, и удобства продажи, молотилки, желѣзныя дороги и агенты покупатели поощряли къ продажѣ и дѣлали то, что хлѣбъ продавался весь до-чиста съ осени. Если въ послѣдніе годы, когда хлѣбъ особенно понизился въ цѣнѣ, нѣкоторые продавцы и стали выдерживать хлѣбъ, выжидая цѣнъ, то эта выдержка была такъ трудна, что какъ только цѣны поднялись въ началѣ весны нынѣшняго года и дошли до 50—60 коп. за пудъ, такъ хлѣбъ весь подъ метелку былъ проданъ и запасовъ прежнихъ лѣтъ ничего не осталось. Въ 40-мъ году были не только запасы помѣщиковъ и купцовъ, были вездѣ по мужикамъ трехъ и пяти-лѣтнія кладушки стараго хлѣба. Теперь обычай этотъ вывелся и нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Въ этомъ состоитъ третье соображеніе о томъ, что хлѣба въ нынѣшнемъ году не достанетъ.

Но мало того, что есть вѣроятіе этого, есть признаки—и довольно опредѣленные—того, что недостатокъ этотъ существуетъ.

Одинъ изъ такихъ признаковъ есть съ каждымъ днемъ чаще и чаще повторяющееся явленіе того, что хлѣба нѣтъ въ продажѣ въ глуши неурожайныхъ мѣстностей, какъ въ той, въ которой я нахожусь теперь, въ Данковскомъ уѣздѣ, нѣтъ *продажной ржи. Нельзя мужикамъ найти муки.* Вчера я видѣлъ двухъ мужиковъ Данковского уѣзда, которые объѣздили округу хорошо извѣстную имъ на 20 верстъ радіуса, по всѣмъ мельницамъ и лавкамъ, чтобы купить на деньги два пуда муки, и не нашли ихъ. Одинъ выпросилъ въ складѣ чужого уѣзда; другой занялъ.

И это явленіе не исключительное, а постоянно повторяющееся, и вездѣ. Мельники приѣзжаютъ просить Христа ради отпустить имъ муки изъ земскаго склада, потому что у нихъ нѣтъ муки и негдѣ достать. У купцовъ, въ городѣ, у желѣзныхъ дорогъ—можно купить, но партіями, по крайней мѣрѣ полъ-вагона, вагонъ; но по мелочи нѣтъ продажи. Большіе купцы, имѣющіе запасъ, совсѣмъ не продаютъ, выжидаютъ; мелкіе купцы, торговцы, скупаютъ, перекупаютъ и перепродаютъ съ ничтожнымъ барышомъ большимъ покупателямъ. Мелкая продажа есть только на базарахъ, въ базарные дни; и то, если покупатель опоздаетъ, то купить уже негдѣ. Признакъ этотъ, мнѣ кажется, показываетъ довольно вѣрно то, что хлѣба нѣтъ сколько нужно. Это самое показываютъ отчасти и цѣны, хотя въ нынѣшнемъ году до сихъ поръ есть причины, не позволяющія цѣнамъ быть правильнымъ указателемъ соответствія требованія съ предложеніемъ. Цѣны стоятъ ниже, чѣмъ онѣ должны бы были стоять, и удерживаются на этой степени искусственно: во-первыхъ, запрещеніемъ вывоза хлѣба за границу; во-вторыхъ дѣятельностью земствъ, продажей ржи и муки по удешевленнымъ цѣнамъ (я говорю про цѣну ржи, подразумѣвая, что цѣны остальныхъ питательныхъ веществъ: отрубей, картофеля, проса, овса—болѣе или менѣе соответствуютъ цѣнѣ ржи).

Запрещеніе вывоза за границу спутало цѣны, т.-е. сбѣлало то, что цѣны не могли быть вѣрнымъ показателемъ количества предлагаемаго товара. Точно такъ же какъ высота подъема воды въ запруженной рѣкѣ не можетъ быть показателемъ ея настоящаго уровня, такъ и теперешняя цѣна ржи не можетъ вѣрно показывать отношенія требованій ея къ предложенію. Запрещеніе вывоза другихъ хлѣбовъ подѣйствовало такъ же. Существующія теперь цѣны не установившіяся и во всякомъ случаѣ временно пониженные вслѣдствіе запрещенія вывоза. Это одна причина

того, что цѣны стоятъ ниже тѣхъ, которыя должны бы быть. Другая причина есть дѣятельность земствъ.

Земства повсюду скупили только небольшую, рѣдко гдѣ $\frac{1}{4}$ часть того хлѣба, который имъ нуженъ для прокормленія, по ихъ же разсчету, и продаютъ купленный ими хлѣбъ по пониженной цѣнѣ. И эта дѣятельность земствъ сбиваетъ цѣну, такъ какъ если бы не было продажи изъ земскихъ складовъ, то продажа эта производилась бы вольными продавцами, которые по мѣрѣ увеличенія поднимали бы цѣны. И потому установившаяся теперь цѣна, я думаю, не есть настоящая. Цѣна теперешняя, я думаю, гораздо ниже той, которая бы стояла, если бы не было дѣятельности земствъ. И цѣна эта тотчасъ же особенно быстро должна возвыситься, какъ только земствамъ придется закупать остальные три четверти нужнаго имъ хлѣба.

Мы могли бы сказать, что цѣна не возвысится, если бы земства закупили теперь все нужное количество и рожь была бы въ продажѣ по этой цѣнѣ. Но по тому, что есть теперь, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы это было. По тому, что есть теперь, т.-е. при цѣнѣ 1 р. 70 к., тогда, когда земствомъ не куплено и $\frac{1}{4}$ нужнаго хлѣба и когда ржи нѣтъ въ предложеніи повсюду и по мелочи, есть напротивъ вѣроятія того—что при закупаніи земствами всего нужнаго имъ количества, цѣна вдругъ поднимется на такую высоту, которая покажетъ, что хлѣба этого нѣтъ въ Россіи. Цѣна уже теперь въ нашихъ мѣстностяхъ дошла до той высшей степени, до которой она когда-либо доходила, до 1 р. 70 к., и продолжаетъ равномѣрно подниматься.

Всѣ эти признаки указываютъ на то, что есть большое вѣроятіе того, что нужнаго для Россіи хлѣба нѣтъ въ ней. Но кромѣ этихъ признаковъ есть еще одно явленіе, которое должно бы заставить насъ принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для предупрежденія угрожающаго намъ бѣдствія. Явленіе это есть охватившая общество паника, т.-е. неопредѣленный смутный страхъ ожидаемаго бѣдствія, страхъ, которымъ люди заражаются другъ отъ друга, страхъ, лишающій людей способности цѣлесообразно дѣйствовать. Паника эта выражается и въ запретѣ сначала вывоза ржи, потомъ другихъ хлѣбовъ, кромѣ почему-то пшеницы, и въ мѣрахъ съ одной стороны ассигнованія большихъ суммъ для голодающихъ, а съ другой стороны—собиранія мѣстными властями подати съ тѣхъ, которые могутъ платить, какъ будто извлече-

ніе изъ деревни денегъ не есть прямое усиленіе нужды деревни, (У богатаго мужика заложены посѣвы бѣднаго. Онъ бы подо-ждалъ,—съ него тянуть подати, онъ тянетъ и разоряетъ бѣднаго).

Паника эта поразительно замѣтна еще въ разгорающихся несогласіяхъ между различными мѣстными вѣдомствами. Повторяется то, что всегда бываетъ при паническомъ страхѣ: одни тянуть въ одну, другіе въ другую сторону.

Паника эта выражается и въ настроеніи и въ дѣятельности народа. Приведу одинъ примѣръ: движеніе народа теперь на заработки.

Народъ въ концѣ октября нынѣшній годъ ѣдетъ искать заработковъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ. Въ то время, когда всѣ работы на зиму установились, когда харчи въ три раза дороже обыкновеннаго и всякій хозяинъ отпускаетъ сколько онъ можетъ лишнихъ людей, въ то время, когда вездѣ пропасть оставшихся за штатомъ рабочихъ,—люди, никогда не имѣвшие мѣстъ въ городахъ, ѣдутъ искать этихъ мѣстъ. Развѣ не очевидно всякому, что при такихъ условіяхъ болѣе вѣроятія каждому владѣльцу выигрышнаго займа выиграть 200 тысячъ, чѣмъ мужику, пріѣхавшему изъ деревни въ Москву, найти мѣсто, и что вся поѣздка, хотя бы самая дешевая, съ сопряженными съ поѣздкой расходами, гдѣ и выпивкой, есть только лишняя тяжесть, которая ляжетъ на голоднаго? Казалось бы, должно быть очевидно,—а всѣ ѣдутъ, ѣдутъ назадъ, и опять ѣдутъ. Развѣ это не признакъ совершеннаго безумія, охватывающаго толпу при всякой паникѣ?

Всѣ эти признаки и главное—явленіе паники очень знаменательны, и потому нельзя не бояться. Нельзя говорить, какъ это обыкновенно говорятъ про врага прежде, чѣмъ помѣрятся съ нимъ: мы его шапками закидаемъ. Врагъ, страшный врагъ, стоитъ тутъ, передъ вами, и нельзя говорить, что мы не боимся его, потому что мы знаемъ, что онъ есть, и больше того, мы знаемъ, что мы боимся его.

А боимся его—такъ надо намъ узнать прежде всего силу его. Нельзя оставаться въ томъ невѣдѣніи, въ которомъ мы находимся.

Допустимъ, что русское общество, тѣ люди, которые живутъ внѣ голодающихъ мѣстностей, поймутъ свою солидарность и духовную и матеріальную съ бѣдствующимъ народомъ и принесутъ настоящія серьезныя жертвы для помощи нуждающимся. Допу-

стимъ, что дѣятельность тѣхъ людей, которые живутъ теперь среди голодающихъ, работая для нихъ по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ продолжаться такъ до конца и что количество этихъ людей увеличится; допустимъ, что самъ народъ не падетъ духомъ и будетъ биться съ нуждой, какъ онъ теперь бьется съ ней всѣми отрицательными и положительными средствами, т.-е. умѣряя себя и усиливая энергію и изобрѣтательность для пріобрѣтенія средствъ къ жизни,—допустимъ, что все это сдѣлано и дѣлается мѣсяцъ, два, три, шесть и вдругъ... цѣна поднимается, поднимается такъ же, какъ она поднималась отъ 45 к. до 1 р. 70 к., равномерно отъ базара до базара, и въ нѣсколько недѣль доходитъ до 2, 3 руб. за пудъ, и оказывается, что хлѣба нѣтъ и что всѣ жертвы, принесенныя какъ тѣми, которые давали деньги, такъ и тѣми, которые жили и работали среди нуждающихся, были напрасною тратой средствъ и силъ, а главное, что вся энергія народа потрачена даромъ, и сколько онъ ни бился, ему, т.-е. части его, все-таки пришлось умирать голодною смертію, тогда какъ мы могли знать и предупредить это.

Нельзя, нельзя и нельзя оставаться въ такой неизвѣстности, нельзя оставаться намъ, людямъ грамотнымъ, ученымъ. Мужикъ, котораго я видѣлъ вчера, сдѣлалъ почти все, что онъ могъ. Онъ добылъ денегъ и поѣхалъ искать муку. У Михаила Васильева былъ, на мельницѣ былъ, въ Чернавѣ былъ,—нигдѣ нѣтъ муки. Объѣздивъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ могла быть мука, онъ знаетъ, что сдѣлалъ все, что могъ, и если бы послѣ этого онъ не досталъ нигдѣ муки и его и его семью постигъ бы голодъ, онъ зналъ бы, что онъ сдѣлалъ, что могъ, и совѣсть его была бы спокойна.

Но для насъ, если окажется, что не хватитъ хлѣба, и погибнуть и наши труды, а можетъ быть и мы вмѣстѣ съ народомъ, то совѣсть наша не будетъ спокойна. Мы могли и узнать, сколько намъ понадобится хлѣба, могли и запасти его.

Если нужна намъ на что-нибудь наша грамотность и ученость, то на что болѣе важное, чѣмъ на то, чтобы помочь такому всеобщему горю, какъ нынѣшнее?

Учесть, сколько нужно хлѣба для прокормленія тѣхъ, у которыхъ нѣтъ его нынѣшній годъ, и сколько его есть въ Россіи, и если его нѣтъ столько, сколько его нужно, то выписать этотъ недостающій хлѣбъ изъ чужихъ странъ—это наше прямое дѣло, столь же естественное, какъ и то, которое дѣлалъ мужикъ вчера,

обѣзжая округу на 20 верстѣ. И совѣсть наша будетъ спокойна только тогда, когда мы обѣздимъ свою округу и сдѣлаемъ въ ней все, что можемъ. Для него округа Данковъ, Клекотки, для насъ округа—Индіа, Америка, Австралія. Мы не только знаемъ, что страны эти существуютъ, мы находимся въ дружескомъ общеніи съ ихъ жителями.

Но какъ учесть то, что намъ нужно, и тотъ хлѣбъ, который есть у насъ? Неужели это такъ трудно? Мы, которые умѣемъ высчитывать, сколько какихъ козьявокъ на свѣтѣ, сколько какихъ микробовъ въ какомъ объемѣ, сколько миллионовъ верстѣ до звѣздъ и сколько въ каждой пудовъ желѣза и водороду,—мы не сумѣемъ высчитать, сколько надо сѣсть людямъ, чтобы не помереть съ голода, и сколько собрано этими людьми съ полей хлѣба, которымъ мы все время кормились и теперь кормимся. Мы, съ такой роскошью подробностей собирающіе такую массу до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, никому ни на что не понадобившихся статистическихъ свѣдѣній о процентномъ отношеніи рождаемости къ бракамъ, смертямъ и т. п., мы вдругъ не въ состояніи окажемся собрать единственно въ кои-то вѣки понадобившіяся, дѣйствительно нужныя свѣдѣнія! Этого не можетъ быть.

Свѣдѣнія эти собрать, и не приблизительныя, гадательныя, а вѣрныя, вродѣ тѣхъ точныхъ свѣдѣній, которыя получаютъ о количествѣ населенія однодневною переписью,—возможно.

Нужны свѣдѣнія о томъ, сколько сверхъ обыкновенно расходимаго на пропитаніе русскихъ людей хлѣба понадобится еще для жителей неурожайныхъ мѣстъ, и сколько есть хлѣба въ Россіи.

Трудны или не трудны отвѣты на эти вопросы, они необходимы для предупрежденія не только паники, т.-е. смутнаго заразительнаго страха передъ бѣдствіемъ, въ которомъ живутъ теперь люди, но главное для предотвращенія самаго бѣдствія.

И отвѣты нужны не приблизительные, огульные, по догадкѣ; дѣло слишкомъ важно, чтобы можно было дѣлать его очертя голову, т.-е. выводить тотъ сводъ, на который мы не знаемъ, достанетъ ли камня, чтобы замкнуть его.

Свѣдѣнія эти можетъ получить правительство, можетъ получить земство, тамъ, гдѣ оно есть, и вѣрнѣе всего можетъ получить частное общество, сложившееся для этой цѣли. Нѣтъ того уѣзда, въ которомъ не нашлось бы не только одного, но нѣсколькихъ людей, которые не были бы въ состояніи и не взялись бы

охотно послужить этому дѣлу. Дѣло это представляется мнѣ нетруднымъ. Въ недѣлю времени безъ большого труда дѣятельный человѣкъ можетъ объѣздить $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть уѣзда, особенно если онъ живетъ въ ней, и съ возможностью ошибки въ 10, 15% опредѣлить количество необходимаго хлѣба для пропитанія и количество находящагося въ продажѣ, сверхъ нужнаго для себя хлѣба. Я по крайней мѣрѣ берусь лично доставить такія свѣдѣнія въ недѣлю сроку о четвертой части уѣзда, въ которомъ живу. То же говорятъ, что могутъ сдѣлать большинство лицъ, живущихъ по деревнямъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ. Организовать центральное мѣсто, въ которомъ бы собирались и группировались свѣдѣнія и которое разсылало бы своихъ членовъ для этой цѣли въ мѣста, гдѣ не нашлось бы добровольцевъ, я полагаю, что возможно и не трудно. Могли бы быть ошибки, могли бы быть утайки владѣльцами хлѣба, могло бы передвиженіе грузовъ хлѣбныхъ произвести ошибки; но ошибки расчета, я думаю, были бы невелики и свѣдѣнія, полученные такимъ способомъ, были бы настолько точны, что отвѣтили бы на главный если не всѣми высказываемый, то всѣми сознаваемый мучительный вопросъ: достанетъ или не достанетъ хлѣба въ Россіи?

Если бы, положимъ, оказалось, что въ нынѣшнемъ году, за вычетомъ употребляемаго обыкновенно на армію и винокурение, избытокъ хлѣба противъ того, что нужно на питаніе народа, составляетъ 100 или 50 милліоновъ пудовъ, предполагая, что часть этихъ ста милліоновъ могла бы быть задержана продавцами, часть могла бы погибнуть, сгорѣть, часть могла бы составить ошибку расчета, мы могли бы спокойно и увѣренно продолжать жить и работать. Если бы избытка совсѣмъ не было и оказалось бы, что въ Россіи столько же и есть хлѣба, сколько нужно, положеніе было бы сомнительно и опасно, но все-таки можно бы было, не выписывая хлѣба изъ-за границы, только умѣряя расходы хлѣба, какъ напримѣръ, на винокурение, передѣлывая въ пищу суррогаты, можно бы было продолжать жить и работать. Но если бы оказалось, что есть недостатокъ хлѣба въ 100 или хоть 50 милліоновъ пудовъ, положеніе было бы ужасно. Было бы то, что бываетъ, когда уже вспыхнулъ пожаръ и охватилъ строеніе. Но если бы мы узнали это теперь, то это было бы подобно тому, когда вспыхнулъ пожаръ, но еще можно потушить его. Если же бы мы узнали это только тогда, когда уже выходили бы послѣд-

снѣ

ніе десятки тысячъ пудовъ, то это было бы подобно пожару, который охватилъ уже все строеніе и оставляетъ мало надежды спастись изъ него.

Если бы мы теперь узнали, что у насъ нехватка хлѣба, пускай бы она была въ 50, въ 100, даже въ 200 милл. пудовъ хлѣба,— все это было бы не страшно. Мы бы теперь же закупили этотъ хлѣбъ въ Америкѣ и всегда бы расплатились съ нею государственными, общественными или народными суммами.

Люди, которые работаютъ, должны знать, что работа ихъ имѣетъ смыслъ и не пропадетъ даромъ.

Безъ этого сознанія отпадаютъ руки. А чтобъ это знать, для той работы, которою заняты теперь огромное большинство русскихъ людей, надо знать теперь, сейчасъ же, черезъ двѣ-три недѣли, знать: есть ли у насъ достаточно хлѣба на нынѣшній годъ, и если нѣтъ, то откуда мы можемъ получить то, чего намъ не достаетъ?

1-го ноября 1891 г. Бѣгичевка.

1303

О СРЕДСТВАХЪ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНІЮ, ПОСТРАДАВШЕМУ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, можетъ имѣть двѣ цѣли: поддержаніе крестьянскаго хозяйства и избавленіе людей отъ опасности заболѣванія и даже смерти отъ недостатка и недоброкачества пищи.

Достигаетъ ли этихъ цѣлей помощь, оказываемая теперь въ видѣ выдачи муки отъ 20 до 30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока, считая или не считая работниковъ? Я думаю, что нѣтъ. И думаю я такъ по слѣдующимъ соображеніямъ: всѣ крестьянскія семьи всей земледѣльческой Россіи можно подвести подъ три типа: 1) богатый дворъ—отъ 8—15 душъ, въ среднемъ 12 душъ семьи, отъ 3—5 работниковъ, въ среднемъ 4. Отъ 3—5 лошадей, въ среднемъ 4. И отъ 3—9 десятинъ наемной земли, въ среднемъ 6. Это богачъ. Такой мужикъ не только кормитъ свою семью своимъ хлѣбомъ, но часто нанимаетъ одного, двухъ работниковъ, скупаетъ землю у бѣдняковъ, ссужаетъ ихъ хлѣбомъ, сѣменами. Все это дѣлается, можетъ быть, и на невыгодныхъ для бѣдняковъ условіяхъ, но результатъ тотъ, что тамъ, гдѣ въ деревнѣ десять процентовъ такихъ богачей, земля не гуляетъ, и въ нуждѣ все-таки бѣдняку есть средство добыть хлѣба, сѣмянъ, даже денегъ.

Второй типъ—это средній мужикъ, съ большимъ напряженіемъ сводящій концы съ концами при своихъ двухъ надѣлахъ и при одномъ или двухъ работникахъ, и одной или двухъ лошадей. Этотъ дворъ кормится почти своимъ хлѣбомъ. Чего не достаетъ—добываетъ членъ семьи, живущій на сторонѣ.

И третій типъ—бѣднякъ съ семьей въ 3—5 душъ съ однимъ работникомъ, часто безъ лошади. У этого никогда не хватаетъ

своего хлѣба, онъ всякій годъ долженъ придумывать средства извернуться и всегда находится на волоскѣ отъ нищенства, и при малѣйшей невзгодѣ побирается.

Помощь, выдаваемая въ видѣ муки населенію неурожайныхъ мѣстъ, распредѣляется по составленнымъ имущественнымъ спискамъ крестьянскихъ семей. По этимъ спискамъ дѣлаются соображенія о томъ, сколько кому слѣдуетъ выдавать пособія, и пособіе это выдается только самымъ бѣднымъ, т.-е. семьямъ 3-го типа.

Двору перваго типа—богачу и среднему крестьянину, у котораго есть еще нѣсколько четвертей овса, есть 2 лошади, корова, овцы,—не полагается никакой помощи. Но если вникнуть въ положеніе не только средняго, но и богатаго мужика, то нельзя не видѣть, что для поддержанія крестьянскаго хозяйства этимъ-то хозяевамъ болѣе всего нужна помощь.

У богатаго крестьянина, положимъ, остается еще немного ржи; есть 20 или болѣе четвертей овса, есть и 5 лошадей, и двѣ коровы и 18 овецъ, и, потому что все это еще есть у него, ему не полагается пособія. Но сочтите его приходъ и расходъ, и вы увидите, что онъ въ такой же нуждѣ, какъ и бѣднякъ. Чтобы поддержать свой заведенный кругъ съ наемною землею, ему нужно посѣять около 10 четвертей. То, что у него останется на 40, 50, даже 60 руб. хлѣба,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему нужно на семью въ 12 душъ. На 12 душъ ему нужно 15 пудовъ по 1 р. 50 к.—22 р. 50 к. на мѣсяць, 225 рублей на 10 мѣсяцевъ. Ему нужно, кромѣ того, 40, 50, 70 рублей на уплату аренды за наемную землю, ему нужны подати. Члены его семьи, живущіе въ людяхъ, въ нынѣшнемъ году или меньше получаютъ, чѣмъ прежде, по дорогому хлѣбу, или вовсе разсчитываются. Ему нужно рублей 350, а онъ не соберетъ и 200, а потому ему естается одно—не нанимать земли, продать сѣменной овесъ, продать часть лошадей, на которыхъ нѣтъ цѣны, т.-е. спуститься на степень средняго мужика и даже ниже, потому что у средняго семья меньше.

Но и среднему, если у него есть еще овесъ и лошадь или двѣ,—не даютъ помощи, или даютъ такъ мало, что онъ долженъ продать свою землю исключительнымъ богачамъ, проѣсть овесъ сѣменной, а потомъ и лошадь. Такъ что при томъ распредѣленіи помощи, которая существуетъ теперь,—богатый долженъ не-

избѣжно спуститься на состояніе средняго, а средній на состояніе бѣднаго. А по условіямъ нынѣшняго года, за исключеніемъ особенныхъ богачей, почти всѣ должны спуститься на эту степень.

Выдача, производимая мукою, не достигая цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, не достигаетъ и второй цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней. Выдача мукою на душу не достигаетъ этого по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому, что при такой выдачѣ мукою всегда есть возможность для получившаго ее поддаться соблазну и израсходовать, пропить полученное, чего и были, хотя и рѣдкіе случаи; во-вторыхъ, потому, что, попадая въ руки бѣдныхъ, помощь эта спасаетъ ихъ отъ голода только въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть еще какія-нибудь свои средства. Наибольшая выдача составляетъ 30 ф. на человѣка. И если 30 ф. муки при картофелѣ и какой-нибудь примѣси къ мукѣ для печенія хлѣба можетъ прокормить человѣка въ продолженіе мѣсяца, то—при полной бѣдности, когда не на что купить даже лебеды, чтобы подмѣшать въ хлѣбъ,—30 ф. муки съѣдаются въ видѣ чистаго хлѣба въ 15—20 дней, и люди, оставаясь на 10 дней совершенно голодными, могутъ заболѣвать и даже умирать отъ недостатка пищи. Въ-третьихъ, выдача муки въ бѣдныя семьи, даже и въ такія, въ которыхъ еще есть свои средства, не достигаетъ своей цѣли обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней потому, что въ семьѣ, гдѣ сильные люди легко переносятъ дурную пищу,—слабые, старые и малые заболѣваютъ отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, всѣ—и богатые и бѣдныя семьи—ѣдятъ хлѣбъ дурной, съ лебедой. (Странно сказать: теперь, въ большей части случаевъ, самые бѣдняки при полученіи хлѣба отъ земства ѣдятъ хлѣбъ чистый, тогда какъ въ богатыхъ семьяхъ ѣдятъ почти всѣ съ лебедой, съ отвратительною незрѣлою лебедой нынѣшняго года) *).

И постоянно случается то, что сильные члены богатой

*) То, что нынѣшній годъ лебеду вездѣ употребляютъ въ пищу, можно объяснить только преданіемъ, тѣмъ, что ее ѣдали прежде,—и пословица есть о томъ, что „не бѣда, что во ржи лебеда“,—и тѣмъ, что она родилась въ ржаномъ полѣ и вымолочена вмѣстѣ съ рожью. Мнѣ кажется, что если бы не было преданія и не была бы она въ ржаномъ полѣ, то скорѣе бы мѣшали въ хлѣбъ солому овсяную, опилки, чѣмъ это вредное вещество. А ее мѣшаютъ вездѣ.

семьи переносить лебедный хлѣбъ, а слабые, старые, больные прямо чахнуть и мрутъ отъ него.

Такъ, приходитъ больная женщина изъ богатого двора, принося въ рукѣ комокъ черной лебедной лепешки, составляющей ея главную пищу, и просясь въ столовую только потому, что она больна, и то только на время своей болѣзни.

Другой примѣръ: прихожу къ мужику, который не получаетъ пособія и считается богатымъ. Ихъ двое съ женой, безъ дѣтей. Застаю ихъ за обѣдомъ. Картофельная похлебка и хлѣбъ съ лебедой. Въ квашнѣ новый хлѣбъ, еще съ большей примѣсью лебеды. Мужъ съ женой веселы и бодры, но на печи старуха, которая больна отъ лебеднаго хлѣба, и говоритъ, что лучше разъ въ день ѣсть, только бы поѣсть хорошаго хлѣбца, а то этотъ душа не принимаетъ.

Или третій примѣръ: приходитъ баба изъ богатого двора просить о томъ, чтобы допустить въ столовую ея 13-ти лѣтнюю дочь, потому что ее не кормятъ дома. Дочь эта прижита незаконно и, вслѣдствіе этого, ее не любятъ и не даютъ ей ѣсть вволю. Примѣровъ такихъ очень много, и потому выдача пособія мукою на руки не обезпечиваетъ старыхъ, слабыхъ и нелюбимыхъ членовъ семьи отъ болѣзней и умирающаго вслѣдствіе недоброкачества и недостатка пищи.

Какъ ни больно высказать это, несмотря на ту замѣчательную энергію и даже самоотверженіе большинства земскихъ дѣятелей, дѣятельность ихъ, состоящая въ раздачѣ пособій хлѣбомъ, не достигаетъ ни цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, ни предупрежденія возможности болѣзней отъ голода.

Но если то, что дѣлается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Чтò же нужно дѣлать?

Нужны, по моему мнѣнію, двѣ вещи: для хотъ не поддержанія крестьянскаго хозяйства, а противодѣйствія его окончательному разоренію, учрежденіе работъ для всего могущаго работать населенія и устройство во всѣхъ деревняхъ голодающихъ мѣстъ даровыхъ столовыхъ для малыхъ, старыхъ, слабыхъ и больныхъ.

Учрежденіе работъ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населенію, а не такія, которыми никогда не занимался или даже не видывалъ народъ, или такія, при которыхъ тѣмъ членамъ семей, которые никогда не уходили, надо уходить изъ дома, чтò по семейнымъ и еще другимъ усло-

віямъ (какъ отсутствіе одежды) часто невозможно сдѣлать. Работы должны быть такія, чтобы, кромѣ внѣдомашнихъ работъ, на которыя пойдутъ всѣ привыкшіе и могушіе ходить на заработки работники, домашними работами могло быть занято все население голодающихъ мѣстностей—мужчины, женщины, свѣжіе старики, подростки-дѣти.

Бѣдствіе нынѣшняго года заключается не только въ недостаткѣ хлѣба, но и въ не меньшемъ совершенномъ недостаткѣ не только заработковъ, но прямо работы, въ принужденной праздности нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Если хлѣбъ, нужный для прокормленія населенія, есть подъ руками, т.-е. можетъ быть доставленъ туда, гдѣ онъ нуженъ, за доступную цѣну, то голодающій народъ могъ бы самъ выработать себѣ этотъ хлѣбъ, будь только у него возможность работы, матеріаль для работы и сбытъ. Если же у него не будетъ этой возможности, сотни милліоновъ будутъ безвозвратно потрачены на раздачу даровыхъ пособій, но бѣдствіе все-таки не будетъ устранено. Но дѣло не въ одной матеріальной тратѣ: праздность цѣлаго населенія, получающаго даровую пищу, имѣетъ страшное развращающее вліяніе.

Работы внѣдомашнія могутъ быть учреждены самая разнообразныя, и на зимнее и, тѣмъ болѣе, на лѣтнее время, и дай Богъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно въ большихъ размѣрахъ были учреждены эти работы. Но, кромѣ этихъ большихъ отхожихъ работъ, предоставленіе народу возможности, не выходя изъ дому и изъ своихъ привычныхъ условий, работать свою привычную работу и сбывать ее, хотя бы по самой дешевой цѣнѣ, есть дѣло настоящей необходимости и огромной важности.

Въ деревняхъ неурожайныхъ мѣстъ не родилась ни конопля, ни ленъ; овцы почти всѣ проданы, и у бабъ нѣтъ пряжи, нѣтъ тканья. Бабы, дѣвушки, старухи, обыкновенно занятая, сидятъ безъ дѣла. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имѣя денегъ для покупки лыкъ, тоже сидятъ безъ своей обычной зимней работы—плетенія лаптей. Ребята тоже болтаются безъ дѣла, такъ какъ школы большей частью закрыты. Населеніе, имѣя предъ собою только тяжелыя представленія о болѣе увеличивающейся нуждѣ, лишенное привычнаго и болѣе чѣмъ когда-либо необходимаго имъ средства разсѣянія и забвенія—работы, сидитъ цѣлыми днями, сложа руки, перебирая разные слухи и предположенія о выдаваемой и имѣющей выдаваться помощи, а главное, о своей

нуждѣ, «скупають, тоскують, оттого больше и болѣють»—сказать мнѣ умный старикъ.

Не говоря уже объ экономическомъ значеніи работы для нынѣшняго года, нравственное значеніе ея огромно. Работа, какая-нибудь работа, которая могла бы занять всѣхъ праздныхъ нынѣшній годъ людей, составляетъ самую настоящую необходимость.

Пока не будутъ еще устроены тѣ большія работы, о какихъ были разные, весьма разумные проекты, которые теперь, какъ слышно, учреждаются и которые принесутъ огромную пользу, если только при учрежденіи ихъ примутся во вниманіе привычки и удобства населенія,—если бы только во всѣхъ неурожайныхъ деревняхъ дать возможность всѣмъ остающимся людямъ работать привычную работу,—мужчинамъ хоть только плести лапти, а женщинамъ прясть и ткать, и дать возможность продавать то и другое, что приобрѣталось бы этимъ трудомъ, то и это было бы, если и не поддержкой крестьянскому хозяйству, то по крайней мѣрѣ большей задержкой въ его упадкѣ. Если допустить, что будетъ найдено помѣщеніе холсту хоть по 8 к. аршинъ (а помѣщеніе возможно въ огромныхъ количествахъ) и будутъ скупаться лапти, которые могутъ сохраняться годами, по 10 к. за пару, то заработокъ каждого человѣка будетъ, самое меньшее, около 5 к., т.-е. 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Если при этомъ допустить, что въ каждой семьѣ, въ среднемъ, не болѣе $\frac{1}{4}$ членовъ, не могущихъ работать, то окажется, что на каждое лицо въ семьѣ будетъ заработано $\frac{450}{4}$, т.-е. 1 р. 12 к., т.-е. значительно больше того, что теперь, съ такимъ напряженіемъ, ссорами, спорами и вызывая такое всеобщее неудовольствіе, выдается отъ земства.

Таковъ бы былъ расчетъ, если бы работалась самая дешевая и несомнѣнно доступная и извѣстная всѣмъ деревенскимъ жителямъ работа.

Средства получились бы большія, чѣмъ тѣ, которыя теперь получаютъ отъ даровой или заимообразной выдачи, не было бы той неразрѣшимой трудности распредѣленія и, главное, того недовольства и раздраженія, которыя вызываются душевою выдачею.

Для достиженія этого нужно бы было только затратить не очень большія суммы на покупки матеріала для работъ—льна и лыкъ—и обезпечить помѣщеніе этихъ произведеній.

Устройствомъ такихъ работъ, доставленіемъ бабамъ прядева и продажей вырабатываемаго ими тканья уже занимаются многие люди, хотя еще и въ очень малыхъ размѣрахъ. Мы тоже начали это дѣло, но до сихъ поръ не получили еще выписаннаго льна, шерсти и лыкъ. Предложеніе наше крестьянамъ заняться работою на продажу лаптей и холста встрѣчалось вездѣ съ восторгомъ. «Хоть три копѣйки въ день выработать, все лучше, чѣмъ безъ дѣла сидѣть»,—говорили они намъ.

Само собою разумѣется, что все это относится только до 5 зимнихъ мѣсяцевъ; въ остальные 4 лѣтніе мѣсяца, до новины, работы могли бы быть гораздо болѣе производительны.

Для достиженія цѣли, если не поддержки крестьянскаго хозяйства, то хотя задержанія его разоренія, есть, по моему мнѣнію, только это средство—устройство работъ.

Для достиженія же второй цѣли—спасенія людей отъ заболѣваній и смерти вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея—по моему мнѣнію, единственное несомнѣнное средство есть устройство въ каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ.

Устройство такихъ столовыхъ начато нами уже болѣе мѣсяца тому назадъ и до сихъ поръ ведется съ успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія. Столовые устроились слѣдующимъ образомъ.

Въ поѣздкѣ моей въ Елифанскій уѣздъ въ концѣ сентября я встрѣтилъ моего стараго друга, И. И. Раевского, которому я передалъ мое намѣреніе устроить столовыя въ голодающихъ мѣстностяхъ. Онъ пригласилъ меня поселиться у него и, не отрицая всякой другой формы помощи, не только одобрилъ мой планъ устройства столовыхъ, но взялся помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ и, съ свойственной ему любовью къ народу, рѣшительностью и простотою пріемовъ, тотчасъ же, еще до нашего переѣзда къ нему, началъ это дѣло, открывъ около себя шесть такихъ столовыхъ. Пріемъ, употребленный имъ, состоялъ въ томъ, что онъ, по самымъ бѣднымъ деревнямъ, предложилъ вдовамъ или самымъ бѣднымъ жителямъ кормить тѣхъ, которые будутъ ходить къ нимъ, и выдать имъ отъ себя нужную для того провизію. Староста же съ уполномоченными составилъ списокъ дѣтей и старыхъ людей, подлежащихъ кормленію въ столовыхъ, и въ 6 деревняхъ открылись столовыя. Столовые эти, несмотря на то, что

онѣ открыты были одними старостами и приказчикомъ Раевского, безъ его личнаго наблюденія, шли очень хорошо и продержались около мѣсяца. Ко времени же нашего переѣзда сюда, совпавшаго съ первой выдачей пособія отъ правительства, 5 столовыхъ закрылись, такъ какъ лица, ходившія въ нихъ, стали получать мѣсячину и потому какъ бы не нуждались въ двойной помощи. Очень скоро, однако, несмотря на выдачу пособія, нужда такъ увеличилась, что почувствовалась необходимость возобновлеія закрывшихся столовыхъ и открытія новыхъ. Въ продолженіе проведенныхъ нами здѣсь 4 недѣль открыто нами 30 столовыхъ. Сначала мы открывали ихъ по собираемымъ свѣдѣніямъ о наиболѣе бѣдствующихъ деревняхъ, теперь же, уже болѣе недѣли, съ разныхъ сторонъ намъ заявляютъ просьбы объ открытіи новыхъ столовыхъ, которыя мы уже не успѣваемъ удовлетворять.

Дѣло открытія столовыхъ состоитъ въ слѣдующемъ,—мы, по крайней мѣрѣ, поступали такъ: узнавъ про болѣе нуждающуюся деревню, мы приѣзжаемъ въ нее; идемъ къ старостѣ и, объявивъ о нашемъ намѣреніи, приглашаемъ кого-нибудь изъ стариковъ и спрашиваемъ про имущественное состояніе дворовъ съ одного края деревни до другого. Староста, его жена, старики и еще кто-нибудь изъ любопытства зашедшій въ избу, описываютъ намъ состояніе дворовъ. «Ну, съ лѣваго края: Максимъ Антохинъ. Какъ этотъ?»—«Этотъ плохъ. Ребята, самъ-семъ. И хлѣба давно вѣтъ. Отъ этого стоитъ ходить старухѣ да мальчику». Записываемъ—отъ Максима Антохина двухъ. Дальше—Федоръ Абрамовъ: «Тоже плохи. Ну, все можетъ кормиться». Но вмѣшивается старостиха и говоритъ, что плохъ и этотъ, и стоитъ взять мальчика. Дальше идетъ старикъ, Николаевскій солдатъ. «Вовсе съ голоду помираетъ». Демьянъ Сапроновъ. «Эти прокормятся»... И такъ обсуживается вся деревня. Доказательствомъ того, съ какою правдивостью и безъ сословнаго чувства крестьяне опредѣляютъ нуждающихся, видно изъ того, что несмотря на то, что многіе крестьяне были не допущены въ первой же деревнѣ, въ деревнѣ Татищевѣ, Рыхотской волости, въ которой мы открывали столовую, въ число несомнѣнно бѣдныхъ, которыхъ нужно принять въ столовую, были назначены крестьянами безъ малѣйшаго колебанія вдова, попадья съ дѣтьми и дьячиха. Такимъ образомъ, всѣ перечисляемые дворы раздѣляются обыкновенно, по показаніямъ старосты и сосѣдей, на три сорта: на несомнѣнно пло-

хіе, изъ которыхъ нѣкоторымъ лицамъ слѣдуетъ ходить въ столовую, на несомнѣнно хорошіе—такіе, которые сами прокормятся, и на такіе, въ которыхъ есть сомнѣніе. Сомнѣніе это обыкновенно разрѣшается количествомъ людей, ходящихъ въ столовую. Кормить болѣе 40 людей становится уже тяжело хозяйкамъ. И потому, если число ходящихъ менѣе 40, то сомнительные принимаются, если же болѣе, то приходится отказывать. Обыкновенно нѣкоторые лица, несомнѣнно подлежащія кормленію въ столовыхъ, оказываются пропущенными, и по мѣрѣ заявленія дѣлаются измѣненія и прибавленія. Если же набирается въ одной деревнѣ очень много несомнѣнно нуждающихся, то открывается въ той же деревнѣ другая, а иногда и третья столовая.

Въ общемъ, какъ въ нашихъ столовыхъ, такъ и у сосѣдки нашей, Н. Ф., ведущей дѣло независимо отъ насъ, количество людей, кормящихся въ столовой, всегда составляетъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ наличныхъ душъ.

Охотниковъ держать столовую, т.-е. печь хлѣбы, готовить, варить, служить обѣдающимъ, за правѣ тутъ же кормиться и топить, очень много—почти всѣ двory. До такой степени всѣ охотятся держать столовые, что въ обѣихъ первыхъ деревняхъ, въ которыхъ мы открывали столовые, старосты, оба богатые крестьяне, предлагали сдѣлать у себя столовые. Но такъ какъ держащій столовую совершенно обезпеченъ и топливомъ, и пищей, то мы обыкновенно выбираемъ самыхъ бѣдныхъ, только бы они были въ серединѣ деревни, такъ чтобы не далеко было ходить съ обоихъ концовъ. На помѣщеніе мы не обращаемъ вниманія, такъ какъ и въ самой крошечной 6-ти аршинной избѣ свободно кормится отъ 30 до 40 человѣкъ.

Слѣдующее затѣмъ дѣло въ томъ, чтобы отпустить продовольствіе на каждую столовую. Дѣло это дѣлается такъ: въ одномъ мѣстѣ, находящемся въ центрѣ столовыхъ, устраивается складъ всѣхъ нужныхъ припасовъ. Такимъ складомъ была для насъ сначала экономія Раевского, но при расширеніи дѣла устроены, или скорѣе избраны теперь, три другіе склада въ имѣніяхъ зажиточныхъ помѣщиковъ, тамъ гдѣ есть амбары и нѣкоторые продажные предметы продовольствія.

Какъ скоро выбрано помѣщеніе столовой и переписаны лица, имѣющія приходить въ нее, назначается день, въ который хозяйка столовыхъ или очередная подвода пріѣзжаютъ за запасами.

Такъ какъ теперь, при большомъ числѣ столовыхъ, хлопотно выдавать каждый день,—опредѣлены два дня въ недѣлю, вторникъ и пятница, въ которые выдается провизія.

Въ складѣ выдается хозяину столовой книжка, т.-е. тетрадка слѣдующей формы:

Заборная книжка по № столовой.

Число и мѣ- сяцъ.	У кого от- крыта.	Мука.	Орруб.	Карг.	Кауе.	Свек.	Овсяп.	Дрова.	Соль.	Число ѣдоковъ.
8 ноя- бря.	Дукерья Котовой.	4 п.	2 п.	6 п.	30 кч.	2 п.	2 п.	10 п.	10 ф.	

По этой книгѣ получается провизія и записывается.

Кромѣ провизіи, въ одинъ опредѣленный день изъ всѣхъ деревень, въ которыхъ есть столовая, ѣздить подводы за топливомъ; сначала это былъ торфъ, теперь, такъ какъ торфа больше нѣтъ, дрова. Въ тотъ же день, когда забрана провизія, ставятся хлѣбы, а на третій открываются столовые. Вопросъ о посудѣ для варки, о чанкахъ, ложкахъ, столахъ, разрѣшается самими хозяевами столовыхъ. Каждый хозяинъ употребляетъ свою посуду. А чего нѣтъ, онъ достаетъ у тѣхъ, которые ходятъ къ нему. Ложки носятъ каждый свою.

Первая столовая открылась у слѣпного старика съ женой и сиротами-внуками. Когда я, въ первый день открытія этой столовой, въ 11 часовъ, пришелъ въ избу къ слѣпому, у бабы уже было все готово. Хлѣбы вышли изъ печи и лежали на столѣ и на лавкахъ. Въ истопленной и закрытой заслонкой печи стояли щи, картошка и свекольникъ.

Въ избѣ, кромѣ хозяевъ, были двѣ сосѣдки и одна старуха бездомная, которая тутъ же попросилась перейти въ эту избу съ тѣмъ, чтобы здѣсь и кормиться и жить въ теплѣ. Народа еще не было. Оказалось, что дожидались насъ, не повѣщали. Мальчикъ и мужикъ вызвались повѣстить. Спрашиваю у хозяйки: какъ же всѣ усядутся? «Да ужъ я устрою, какъ должно, будьте спокойны», говорить хозяйка. Хозяйка эта—коренастая женщина лѣтъ 50, съ робкимъ и безпокойнымъ, но умнымъ взглядомъ. Она до открытія столовой побиралась и тѣмъ кормилась съ семьей. Про нее ея враги говорятъ, что она пьяница. Но, несмотря на эти разговоры, она располагаетъ къ себѣ своимъ отношеніемъ къ сиротамъ, внукамъ ея мужа, и къ самому исчахшему, чуть живому,

слѣпому старику, лежащему на нарахъ. Мать этихъ сиротъ умерла годъ тому назадъ, отецъ бросилъ дѣтей, ушелъ въ Москву и тамъ завихрился. Дѣти—мальчикъ и дѣвочка—очень красивыя, особенно мальчикъ лѣтъ 8, несмотря на бѣдность, хорошо одѣты и обуты, и жмутся къ бабушкѣ и требовательны къ ней, какъ бываютъ требовательны балованныя дѣти.

«Все будетъ, какъ надо,—говорить хозяйка,—и столъ достану. А какіе не усядутся—послѣ поѣдятъ». Хлѣбовъ,—сообщаетъ она мнѣ,—вышло 9 изъ 4 пудовъ и, кромѣ того, затерла квасъ. Только съ торфомъ измучилась,—говоритъ она:—не горитъ. Ужъ я своей соломки понадергала съ сарая. Раскрыла сарай, а то торфъ не горѣлъ». Такъ какъ мнѣ тутъ дѣлать нечего, я иду за оврагъ, въ столовую другой деревни, боясь, что и тамъ меня дожидаются. И дѣйствительно, и здѣсь дожидались. И здѣсь то же самое, тотъ же запахъ горячаго хлѣба, тѣ же ковриги по столамъ и лавкамъ, и тѣ же чугуны и горшки въ печи и любопытный народъ въ избѣ. Такъ же добровольцы бѣгутъ повѣщать. Поговоривъ съ хозяйкой, которая такъ же жалуется на то, что торфъ не горитъ, что ей пришлось исколотъ корыто, чтобы испечь хлѣбушки, я иду назадъ въ первую столовую, думая, что встрѣтятся какія-нибудь недоразумѣнія или затрудненія, которыя надо будетъ устранить. Прихожу къ слѣпому. Изба полна народа и кишитъ сдержаннымъ движеніемъ, какъ лѣтнею ночью открытая колодка пчель. Изъ двери валитъ паръ. Пахнетъ хлѣбомъ и щами и слышно чавканіе. Изба крошечная, темная, два крошечныя окошечка, и то съ обоихъ боковъ толсто заваленныя навозомъ снаружи. Полъ земляной, очень неровный. Такъ темно, особенно отъ народа, спинами загораживающаго окна, что сначала ничего не разглядишь. Но, несмотря на эти неудобства и тѣсноту, столъ идетъ въ величайшемъ порядкѣ. Вдоль лицевой стѣны, налѣво отъ двери, два стола, вокругъ которыхъ со всѣхъ сторонъ степенно сидитъ обѣдающій народъ. Въ глубинѣ избы—отъ наружной стѣны къ печкѣ—хоры, на которыхъ уже не лежитъ, а сидитъ, обнявъ руками худыя голени, изможденный слѣпой, слушая говоръ и звуки ѣды. Направо, въ свободномъ углу предъ устьемъ печи, стоятъ хозяева и добровольныя помощницы. Всѣ они слѣдятъ за нуждами обѣдающихъ и служатъ имъ.

За столомъ, въ переднемъ углу подъ образами, Николаевскій солдатъ, потомъ деревенскій старикъ, потомъ старушка, потомъ

дѣти. За вторымъ столомъ, ближе къ печи, спиной къ простѣнку, жалкаго вида попадья, кругомъ дѣти—мальчики и дѣвочки и дочь попадья, взрослая дѣвушка. На каждомъ столѣ чашка со щами, и обѣдающіе хлебають, закусывая теплымъ душистымъ хлѣбомъ. Чашки со щами опоражниваются. «Кушайте, кушайте,—весело и гостепріимно, подавая черезъ головы ломти хлѣба, говоритъ хозяйка.—Еще налью... Нынче только щи, да картошки,—говоритъ она мнѣ, свекольникъ не поспѣлъ. Къ ужину будетъ». Старая, чуть живая старушка, стоящая у печи, проситъ меня давать ей на домъ хлѣба, она нынче насилу дотащи́лась, а каждый день ходить не можетъ, а мальчикъ ея тутъ ѣстъ, такъ онъ носить будетъ. Хозяйка отрѣзаетъ ей кусокъ. Старуха бережно прячетъ его за пазуху и благодаритъ, но не уходитъ. Дьячиха, бойкая женщина, стоящая у печи и помогающая хозяйкѣ, словоохотливо и бойко благодаритъ за свою дѣвочку, которая тутъ же ѣстъ, сидя у стѣнки, и робко проситъ, нельзя ли и ей самой, дьячихѣ, тутъ поѣсть. «Давно уже и не пробовала хлѣбушка чистаго, намъ, вѣдь, это какъ медъ сладко».

Получивъ разрѣшеніе, дьячиха крестится, перелѣзаетъ черезъ доску, перекинутую со скамьи на лавку. Мальчикъ-сосѣдь съ одной стороны и старушка съ другой сторонятся, и дьячиха усаживается. Хозяйка подаетъ ей хлѣбъ и ложку. Послѣ первой перемѣны щей подается картошка. Изъ солонки каждый насыпаетъ себѣ на столъ кучку соли и макаетъ въ эту соль очищенный картофель. Все это—и служеніе за столомъ, и приниманіе пищи, и размѣщеніе людей—совершается неторопливо, прилично, благолѣпно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ привычно, что какъ будто это то самое, чтѣ всегда дѣлалось, дѣлается и не можетъ иначе дѣлаться. Что-то въ родѣ природнаго явленія. Покончивъ картошки и бережно отложивъ оставшіеся кусочки хлѣба, Николаевскій солдатъ первый встаетъ и вылѣзаетъ изъ-за стола, и всѣ за нимъ встаютъ, поворачиваются къ образамъ и молятся, потомъ благодарятъ и выходятъ. Дожидавшіеся очереди неторопливо занимаютъ ихъ мѣста, и хозяйка вновь рѣжетъ хлѣбъ и наливаетъ вновь чашки щами.

Совершенно то же самое было и во второй столовой; особеннаго было только то, что народу было очень много, до 40 человекъ, а изба была еще темнѣе и меньше первой. Но то же приличіе посѣтителей, то же спокойное и радостное, нѣсколько гордое

отношеніе хозяйки къ своему дѣлу. Здѣсь хозяинъ мужчина служилъ, помогая матери, и дѣло шло еще скорѣе. Такъ же все происходило и во всѣхъ другихъ столовыхъ, устроенныхъ нами, съ тѣми же благолѣпіемъ и естественностью. Въ нѣкоторыхъ усердныя хозяйки приготавливали три и даже четыре перемѣны: свекольникъ, щи, похлебка, картофель.

Дѣло столовыхъ дѣлается такъ же просто, какъ и многія мужицкія работы, въ которыхъ всѣ подробности, очень сложныя, предоставляются самимъ крестьянамъ. Въ извозѣ, напримѣръ, на который нанимаютъ мужиковъ, ни одинъ наниматель не заботится ни о веретяхъ, ни о шпилькахъ, ни о пехтеряхъ и ведрахъ, и о многомъ другомъ, необходимомъ для извоза. Подрозумѣвается, что все это будетъ устроено самими крестьянами: и дѣйствительно, все это всегда и вездѣ, однообразно и толково и просто устраивается самими крестьянами, не требуя никакого участія и вниманія нанимателя. Такъ точно это дѣлается и въ столовыхъ.

Всѣ подробности дѣла исполняются самими хозяевами столовыхъ и такъ твердо, обстоятельно, что для учредителя остаются только общія дѣла, касающіяся столовыхъ. Такихъ дѣлъ для учредителя столовой остается главныхъ—четыре: 1) приготовленіе продовольствія въ центрѣ, изъ котораго можно отпускать его въ разныя столовыя, 2) наблюденіе за тѣмъ, чтобы запасы напрасно не тратились, 3) наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были какъ-нибудь забыты люди наиболѣе нуждающіеся и замѣнены такими, которые могутъ обойтись безъ даровой пищи, и 4) испытаніе и примѣненіе въ столовыхъ малоупотребительныхъ новыхъ пищевыхъ средствъ, какъ горохъ, чечевица, просо, овесъ, ячмень, разнаго сорта хлѣбовъ, жмыховъ и др.

Довольно много хлопотъ доставило намъ распредѣленіе людей, получающихъ мѣсячину. Нѣкоторые изъ членовъ семьи, получающихъ недостаточное количество, допускались, нѣкоторые отдавали свою мѣсячину въ столовыя съ тѣмъ, чтобы кормиться въ нихъ. При этомъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями: при равномерной выдачѣ, какъ это дѣлается въ нашей мѣстности, 20 ф. на человѣка, мы принимаемъ преимущественно изъ большихъ семей. При недостаточной выдачѣ, каковы 20 ф. на мѣсяцъ, чѣмъ больше семья, тѣмъ больше совсѣмъ необезпеченныхъ пропитаніемъ людей.

Теорія столовыхъ поэтому такая: для того, чтобы открыть

отъ десяти до двадцати столовыхъ, для прокормленія отъ трехъ до восьми сотъ человѣкъ, необходимо въ центрѣ этой мѣстности собрать продовольственные запасы. Такимъ центромъ всегда можетъ быть зажиточная помѣщичья усадьба.

Продовольственные запасы на такое количество, положимъ 500 человѣкъ, будутъ состоять (если разсчитывать вести столовая до новины), считая по фунту смѣси муки съ отрубями на человѣка на 300 дней, на 500 человѣкъ будетъ 150.000 фунтовъ, или 3.750 пудовъ, или 2.500 п. ржи и 1.200 отрубей; столько же пудовъ картофеля, 12 саж. дровъ, 1.000 пудовъ свеклы и 25 п. соли, 2.000 кочней капусты и 800 пудовъ овсянки. (Стоимость всего этого составляетъ, по существующимъ цѣнамъ, 5.800 рублей, т. е., съ увеличеніемъ расхода на овсяный кисель, по 1 р. 16 к. на человѣка). Устроивъ такой складъ, вокругъ него, на разстояніи 7—8 верстъ въ окружности, можно открывать до 20 столовыхъ, которыя будутъ запасаться въ этомъ складѣ. Открывать столовая надо прежде всего въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ. Помѣщеніе для столовой надо выбирать у одного изъ самыхъ бѣдныхъ жителей. Посуду и все нужное для изготавленія пищи и стола надо предоставлять самимъ хозяевамъ столовой. Списокъ лицъ, подлежащихъ хожденію въ столовую, надо составлять съ помощью старосты и, если можно, зажиточныхъ крестьянъ, не посылающихъ своихъ семейныхъ въ столовую. Наблюденіе за столовыми, если бы ихъ было очень много, можетъ быть предоставлено самимъ крестьянамъ. Но, само собою разумѣется, что чѣмъ больше участія примутъ люди, открывающіе столовыя, въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ тѣснѣе будутъ ихъ отношенія какъ къ хозяевамъ, такъ и къ посѣтителямъ столовыхъ,—тѣмъ лучше будетъ итти это дѣло, тѣмъ меньше будетъ траты, меньше неудовольствій, тѣмъ лучше будетъ пища. И, главное, тѣмъ радостнѣе будетъ настроеніе людей. Но смѣло можно сказать, что даже при самомъ далекомъ наблюденіи, при предоставленіи ихъ самимъ себѣ, столовыя будутъ удовлетворять потребности и, вслѣдствіе наблюденія за ними самихъ заинтересованныхъ крестьянъ, напрасной траты провизіи будетъ никакъ не больше, чѣмъ на 10%, если только можно назвать напрасной тратой то, что люди унесутъ съ собой хлѣбъ или отдадутъ его тѣмъ, у кого его нѣтъ. Такова теорія устройства столовыхъ, и всякій, кто захочетъ приложить ее, увидитъ, какъ легко и естественно дѣлается это дѣло.

Выгоды и невыгоды столовыхъ слѣдующія:

Невыгода столовыхъ, во-первыхъ, та, что продовольствіе въ нихъ обходится нѣсколько дороже, чѣмъ при выдачѣ муки на руки. Если пособія выдаются даже и по 30 фун. муки на ѣдока, то въ столовыхъ выходятъ тѣ же 30 фун. муки и сверхъ того приварокъ: картофель, свекла, соль, топливо и теперь еще овсянка. Невыгода эта, не говоря уже о томъ, что столовые болѣе обезпечиваютъ людей, чѣмъ выдача на руки, выкупается тѣмъ, что при введеніи новыхъ, дешевыхъ и здоровыхъ пищевыхъ средствъ, какъ-то: чечевицы, гороха въ разныхъ видахъ, овсянаго киселя; свеклы, кукурузной каши; подсолнечнаго и коноплянаго жмыховъ, количество потребляемаго хлѣба можетъ быть уменьшаемо и сама пища улучшаема.

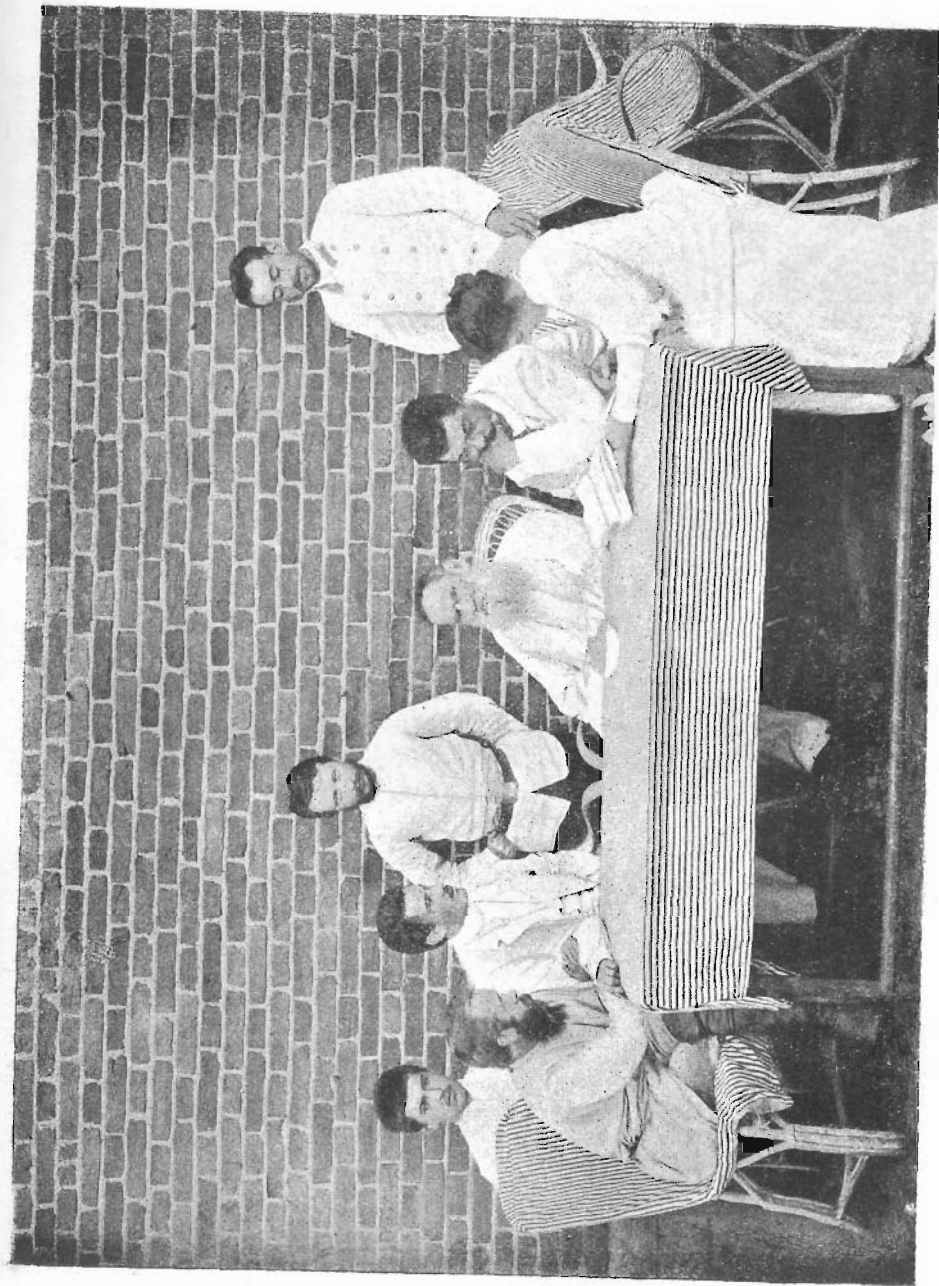
Другая невыгода та, что столовые обезпечиваютъ отъ голода только нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ семьи, а не молодыхъ и среднихъ людей, которые не посѣщаютъ столовые, считая это для себя унизительнымъ. Такъ, при опредѣленіи тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ кормленію въ столовыхъ, крестьяне всегда исключаютъ взрослыхъ парней и дѣвушекъ, считая это для нихъ стыднымъ. Невыгода эта выкупается тѣмъ, что именно стыдливость эта предъ пользованіемъ столовыми предотвращаетъ возможность злоупотребленія ими. Приходитъ, напримѣръ, крестьянинъ, требуя себѣ прибавки выдачи мѣсячной и утверждая, что онъ два дня не ѣлъ. Ему предлагаютъ ходить въ столовую. Онъ краснѣетъ и отказывается, а между тѣмъ такого же возраста крестьянинъ, оставшись безъ всякихъ средствъ и не нашедшій работы, ходитъ въ столовую. Или другой примѣръ: женщина жалуется на свое положеніе и проситъ выдачи. Ей предлагаютъ посылать свою дочь. Но дочь уже невѣста, и женщина отказывается посылать ее. А между тѣмъ дочь-невѣста той самой попадьи, о которой я упоминалъ, ходитъ въ столовую.

Третья невыгода и самая большая состоитъ въ томъ, что нѣкоторые слабые, старые и малые, и раздѣтые дѣти не могутъ ходить, особенно въ дурную погоду. Неудобство это устраняется тѣмъ, что не могущимъ ходить носить тѣ, которые ходятъ изъ того же двора, или сосѣди.

Больше я не знаю невыгодъ или неудобствъ.

Выгоды же столовыхъ слѣдующія:

Пища безъ сравненія лучше и разнообразнѣе, чѣмъ та,

Въ Бѣлицевѣ лѣтомъ 1892 г.

Г. И. Раевскій.

П. И. Раевскій.

П. И. Бирюковъ.

Н. М. Новиковъ.

И. И. Раевскій.

ЛѢВЪ ТОЛСТОЙ.

А. В. Цингеръ.

гр Т. Л. Толстая.

которая готовится въ семьяхъ. Есть возможность примѣ-
нять болѣе дешевыя и здоровыя пищевыя средства. Пища приоб-
рѣтается по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Топливо на печеніе хлѣбовъ
сберегается. Семьи самыя бѣдныя, тѣ, у которыхъ устраиваются
столовыя, совершенно обезпечиваются. Исключается возможность
неравенства полученія пищи, часто встрѣчающаяся въ семьяхъ по
отношенію къ нелюбимымъ членамъ; старые и дѣти получаютъ
соотвѣтствующую ихъ возрасту пищу. Столовыя, вмѣсто раздра-
женія и зависти, вызываютъ добрыя чувства. Злоупотребленія,
т.-е. полученія пособій тѣми лицами, которыя менѣе нуждаются
въ нихъ, можетъ быть менѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ
помощи. Предѣлы злоупотребленій, могущихъ быть въ пользова-
ніи столовыми, положены размѣрами желудка. Человѣкъ можетъ
перебрать муки, сколько хочетъ, но съѣсть никто не можетъ
больше очень ограниченнаго количества. И, главное, самое важ-
ное преимущество столовыхъ, ради котораго одного можно и
должно вездѣ заводить ихъ,—то, что въ той деревнѣ, гдѣ есть
столовая, не можетъ заболѣть и умереть человѣкъ отъ недостат-
ка или недоброкачества пищи, не можетъ быть того, что,
къ несчастію, повторяется безпрестанно: старый, слабый чело-
вѣкъ, больной ребенокъ, нынче, завтра, получая дурную и недо-
статочную пищу, гаснетъ, чахнетъ и умираетъ—если не прямо
отъ голода, то отъ недостатка хорошей пищи. И это самое важ-
ное.

На-дняхъ, желая избѣжать тѣхъ разбирательствъ, которыя
происходили въ прежде открытыхъ столовыхъ, о томъ, кому хо-
дить, мы, во вновь открываемой столовой, воспользовались со-
бравшейся по ихъ дѣламъ сходкой и предложили самимъ крестья-
намъ рѣшить, кому пользоваться столовыми. Первое мнѣніе,
выраженное многими, было, что это невозможно, что будутъ спо-
ры, ссоры и они никогда не сойдутся. Потомъ было высказано
мнѣніе о томъ, что пусть ходитъ съ cadaго двора по человѣку.
Но мнѣніе это скоро было отвергнуто. Есть дворы, гдѣ ходить
некому, и есть дворы, гдѣ не одинъ, а много слабыхъ. И потому
согласились принять наше предложеніе—положиться на совѣсть.
«Будутъ готовить на 40 человѣкъ, а кто придетъ—милости про-
симъ, а съѣдятъ все не взыщите». Мнѣніе это одобрили. Одинъ
сказалъ, что здоровый, сильный человѣкъ и самъ постыдится
прийти забѣдать сиротскую долю. На это, однако, возразилъ не-

довольный голосъ: и радъ бы не пошелъ, да поневолю пойдешь, какъ я намедни два дня не ѣлъ.

Вотъ это-то и составляетъ главное преимущество столовыхъ. Кто бы онъ ни былъ—записанный или не записанный въ крестьянское общество, дворовый, кантонистъ, солдатъ, Николаевскій или Александровскій, попадья, мѣщанинъ, дворянинъ, старый, малый, или здоровый мужикъ, лѣнтяй или трудолюбивый, пьяница или трезвый, но человѣкъ, который два дня не ѣлъ, получить мірскую пищу. Въ этомъ главная выгода столовыхъ. Тамъ, гдѣ онъ есть, никто не только не можетъ умереть съ голоду, но никто не можетъ голодомъ быть принуждаемъ къ работѣ.

Мотивами большаго или меньшаго труда могутъ быть все, что хотите, но только не голодъ. Можно животныхъ дрессировать голодомъ и заставлять дѣлать противныя ихъ природѣ дѣла, но пора понять, что стыдно заставлять людей дѣлать не то, чего они хотятъ, а то, чего мы хотимъ, посредствомъ голода. Заставлять людей дѣлать то, чего мы хотимъ, чтобы они дѣлали, посредствомъ голода, такъ же постыдно, какъ заставлять ихъ поступать по нашей волѣ посредствомъ кнута. Пора уже намъ, христіанамъ, пережить этотъ фазисъ. Говорять и пикутъ о томъ, что крестьяне отказываются отъ работъ, и что тѣмъ, которые будутъ отказываться отъ работъ, надо не давать пособія. Пора бы перестать говорить такія вещи. Во-первыхъ, сидѣть безъ работы для всякаго человѣка, а въ особенности для крестьянина, привыкшаго къ работѣ, есть мученье; а во-вторыхъ, не намъ, празднымъ людямъ, всегда живущимъ работою крестьянъ, говорить объ ихъ праздности и лѣни.

Но возможно ли вездѣ учрежденіе столовыхъ? Есть ли это мѣра общая, которая можетъ быть приложена повсюду и въ большихъ размѣрахъ? Сначала кажется, что нѣтъ, что это мѣра только частная, мѣстная, случайная, которая можетъ быть приложена только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ найдутся особенные расположенные къ такому дѣлу люди.

Такъ и я думалъ сначала, когда воображалъ, что для столовой придется нанять помѣщеніе, кухарку, купить посуду, придумывать и опредѣлять—какую, когда и на сколько человѣкъ готовить пищу; но тотъ пріемъ столовыхъ, который, благодаря И. И. Раевскому, установился теперь, устраняетъ всѣ эти затрудненія и дѣлаетъ эту мѣру самой доступной, простой и народной.

Съ нашими небольшими силами и безъ особеннаго усилія мы въ 4 недѣли открыли и пустили въ ходъ, въ 20 деревняхъ, 30 столовыхъ, въ которыхъ кормятся около 1.500 человѣкъ. Сосѣдка же наша, Н. Ф., одна въ продолженіе мѣсяца открыла и ведетъ на тѣхъ же основаніяхъ 16 столовыхъ, въ которыхъ кормятся не меньше 700 человѣкъ.

Открытіе столовыхъ и наблюденіе за ними не представляетъ никакихъ трудностей, содержаніе ихъ стоитъ только немного дороже того, что стоитъ выдача муки, если она выдается въ количествѣ 30 ф. на мѣсяцъ. (Хотя мы вѣрно еще не учитывали, но полагаемъ, что содержаніе одного человѣка въ столовыхъ обойдется ни въ какомъ случаѣ не дороже 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ).

Мѣра эта (устройство столовыхъ), не вызывая дурныхъ чувствъ въ народѣ, а, напротивъ, вполнѣ удовлетворяя его, достигаетъ главной цѣли, которая стоитъ теперь предъ обществомъ—обезпеченія людей отъ возможности голодной смерти, и поэтому должна бы быть принята вездѣ. Если могутъ земцы—попечители и администрація—учитывать крестьянскій достатокъ и, запасая хлѣбъ, выдавать его нуждающимся, то безъ сравненія меньше труда стоило бы тѣмъ же людямъ устраивать склады для продовольствія столовыхъ и самыя столовыя.

На-дняхъ насъ посѣтилъ калужскій житель, привезшій въ нашу мѣстность слѣдующее предложеніе: нѣкоторые помѣщики и крестьяне Калужской губерніи, богатые кормами для скота, сочувствуя положенію крестьянъ нашей мѣстности, принужденныхъ разставаться за безцѣнокъ съ своими лошадьми, которыхъ они за удешевленную почти цѣну не купятъ весной, предложили взять къ себѣ на зиму, на кормъ, 10 вагоновъ, т. е. 80 лошадей изъ нашей мѣстности. Съ лошадьми поѣдутъ выборные изъ тѣхъ деревень, изъ которыхъ будутъ взяты лошади, сведутъ ихъ до мѣста и вернутся назадъ. Весной опять выборные поѣдутъ за лошадьми и привезутъ ихъ назадъ.

На другой день послѣ этого предложенія въ двухъ деревняхъ, въ которыхъ оно было объявлено, заявилось охотниковъ на отправку всѣхъ 80 лошадей, и все молодыхъ и хорошихъ. Съ тѣхъ поръ каждый день приходятъ еще и еще крестьяне, прося взять и ихъ лошадей.

Не можетъ быть болѣе сильнаго и опредѣленнаго отвѣта на

вопросъ о томъ, есть ли голодъ и въ какихъ размѣрахъ. Должна же быть велика нужда, если крестьяне такъ легко расстаются съ лошадьми, довѣря ихъ неизвѣстнымъ людямъ. Кромѣ того, предложеніе это и принятіе его для меня поразительно трогательно и поучительно. Крестьяне калужскіе, небогатые люди, для неизвѣстныхъ имъ, не виданныхъ ими братьевъ-крестьянъ, въ бѣдѣ берутъ на себя не малый и расходъ, и трудъ, и заботу,—и здѣшніе крестьяне, очевидно понимая побужденія своихъ калужскихъ братьевъ, очевидно сознавая, что въ случаѣ нужды они бы сдѣлали то же, безъ малѣйшаго колебанія довѣряютъ неизвѣстнымъ имъ людямъ почти послѣднее достояніе—хорошихъ молодыхъ лошадей, за которыхъ даже и при теперешнихъ цѣнахъ, они все-таки могли бы взять 5, 10, 15 рублей.

Если бы хоть сотая доля такого живого братскаго сознанія, такого единенія людей во имя Бога любви была во всѣхъ людяхъ, какъ легко, да не только легко, но радостно перенесли бы мы этотъ голодъ, да и всѣ возможныя матеріальныя бѣды!

26 ноября 1891 г.
Бѣгичевка, Данковского уѣзда.

ПИСЬМА О ГОЛОДѢ.

I.

За послѣдніе два мѣсяца нѣтъ книги, журнала, номера газеты, въ которомъ не было бы статей о голодѣ, описывающихъ положеніе голодающихъ, вызывающихъ къ общественной или государственной помощи и упрекающихъ правительство и общество въ равнодушіи, медленности и апатіи.

Судя по тому, что извѣстно по газетамъ и что я знаю непосредственно о дѣятельности администраціи и земства Тульской губерніи, упреки эти несправедливы. Не только нѣтъ медленности, апатіи, но скорѣе можно сказать, что дѣятельность администраціи, земства и общества доведена теперь до такой послѣдней степени напряженія, при которой оно можетъ ослабѣть, но не можетъ уже усилиться. Повсюду идетъ кипучая, энергическая дѣятельность. Въ высшихъ административныхъ сферахъ шли и идутъ безостановочно работы, имѣющія цѣлью предотвратить ожидаемое бѣдствіе. Ассигнуютъ, распредѣляютъ суммы на выдачу пособій, на общественныя работы, дѣлаютъ распоряженія о выдачѣ топлива. Въ пострадавшихъ губерніяхъ собираются продовольственные комитеты, экстренныя губернскія и уѣздныя собранія, придумываются средства пріобрѣтенія продовольствія, собираются свѣдѣнія о состояніи крестьянъ: черезъ земскихъ начальниковъ—для администраціи, черезъ земскихъ дѣятелей—для земства, обсуждаются и изыскиваются средства помощи. Роздана рожь для обмѣненія, принимаются мѣры для сохраненія сѣмянъ овса на весну и, главное, для продовольствія во время зимы. Кромѣ того, по всей Россіи совершаются пожертвованія въ кружкахъ, при церквахъ, чиновниками отчисляются проценты изъ жалованья, собираются пожертвованія при редакціяхъ, жертвуютъ частныя лица и учрежденія.

По всей Россіи основались отдѣленія Краснаго Креста, и не пострадавшія губерніи причислены по одной и по нѣсколько къ одной пострадавшей, которые будутъ собирать у себя пожертвованія для пострадавшей.

Если результаты, достигнутые до сихъ поръ этою дѣятельностью, меньше, чѣмъ можно ожидать, то причина этого лежитъ не въ недостаточности дѣятельности, но въ томъ отношеніи къ народу, въ которомъ происходитъ эта дѣятельность и при которомъ, мнѣ думается, помощь народу въ теперешнемъ бѣдствіи очень трудна.

О томъ, что я разумѣю подъ отношеніемъ къ народу,—я скажу послѣ.

До сихъ поръ могли быть сдѣланы два дѣла: выдача сѣмянъ на обсѣменение и заготовленіе изъ казенныхъ лѣсовъ дровъ на отопленіе.

Оба эти дѣла сдѣланы въ нашей мѣстности не совсѣмъ удачно. Въ нашей губерніи крестьяне обсѣменились почти вездѣ своими сѣменами. Выдано же было отчасти мало, отчасти поздно, въ нѣкоторыхъ же и многихъ мѣстахъ сѣмена выданы были безъ надобности людямъ, которые не нуждались въ нихъ, такъ что во многихъ уѣздахъ выданныя сѣмена продавались и пропивались.

Другое предстоящую осенью дѣло было дѣло заготовленія топлива. Съ 1-го сентября было разрѣшено выдавать изъ казенныхъ лѣсовъ топливо пострадавшимъ отъ неурожая крестьянамъ. Около 20-го числа сентября состоялось росписаніе волостей, причисленныхъ къ извѣстнымъ лѣсничествамъ, и объявлено по волостямъ о разрѣшеніи собирать бесплатно топливо. Волости, причисленные къ лѣсничествамъ, отстоятъ отъ нихъ за 40—50 верстъ, такъ что перевозъ хвороста осенью на подножномъ корму не представляетъ затрудненія. А между тѣмъ мнѣ вѣрно извѣстно, что 14-го октября, т. е., въ продолженіе почти мѣсяца, не было ни одного крестьянина въ подгороднемъ нашемъ лѣсничествѣ, и въ Крапивинскомъ лѣсничествѣ тоже не отпускали ничего. Если принять во вниманіе то, что только осенью, когда есть еще подножный кормъ, для крестьянина есть возможность ѣхать въ даль за дровами, и то, что только осенью можно собирать не засыпанный еще снѣгомъ валежникъ, и то, что теперь каждый день можетъ уже выпасть зима,—можно смѣло сказать, что это, другое дѣло, исполнено неудачно.

Такъ сдѣланы были дѣла обсѣмененія и отопленія, но оба эти дѣла вмѣстѣ составляютъ едва ли одну десятую того дѣла продовольствія, которое предстоитъ теперь; такъ что, судя по тому, какъ сдѣлалось несовершенно то, что сдѣлалось, трудно ожидать, чтобы огромное дѣло было сдѣлано лучше.

Все, что мы знаемъ по газетамъ, и все, что мнѣ непосредственно извѣстно о видахъ на совершеніе этого дѣла,—не обѣщаетъ лучшаго. Какъ администрація, такъ и земства по отношенію къ этому дѣлу народнаго продовольствія, до сихъ поръ, рѣшительно не знаютъ, что и какъ они будутъ дѣлать. Неопредѣленность эта усложняется, главное, разногласіемъ, которое вездѣ существуетъ между двумя главными органами: администраціей и земствомъ.

Странно сказать, вопросъ о томъ: есть ли бѣдствіе, которое вызываетъ дѣятельность, т. е., есть ли голодъ или нѣтъ его, и если онъ есть, то въ какихъ размѣрахъ,—есть вопросъ нерѣшенный между администраціей и земствомъ. Повсюду земства требуютъ большихъ суммъ, администрація же считаетъ ихъ преувеличенными и излишними и сбавляетъ ихъ или отказывается. Администрація жалуется на то, что земства увлекаются общимъ настроеніемъ и, не вникая въ сущность дѣла, не мотивируя, пишутъ жалобныя литературныя описанія нужды народной и требуютъ огромныя суммы, которыя правительство не можетъ дать, и которыя, если бы и были даны, принесли бы больше зла чѣмъ пользы.

Необходимо, чтобы народъ узналъ нужду и самъ сократилъ свои расходы,—говорятъ представители администраціи,—а то теперь все, что требуется земствомъ, все, что говорится въ собраніяхъ, передается въ искаженномъ видѣ народу, и крестьяне надѣются на такую помощь, которую они не могутъ получить. Отъ этого происходитъ то, что люди не идутъ на предлагаемыя работы и пьянствуютъ больше, чѣмъ когда либо.

«Какой же голодъ»,—говорятъ представители администраціи,—«когда люди отказываются отъ работы, когда акцизъ, собранный въ осенніе мѣсяцы нынѣшняго года, больше, чѣмъ за прошлый, и когда ярмарки торговли крестьянскимъ товаромъ лучше всѣхъ годовъ. Если только послушать требованія земства, то съ выдачей продовольствія будетъ то же, что съ выдачей сѣмянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ ихъ выдали не нуждающимся и тѣмъ только

поощрили пьянство», говорятъ представители администраціи и—собирають подати.

Такъ смотритъ на дѣло администрація, и совершенно справедливо, если разсматривать дѣло съ общей точки зрѣнія. Но не менѣе справедливо смотритъ и земство, когда на эти доводы оно отвѣчаетъ описаніемъ крестьянскаго имущества по волостямъ, изъ котораго явствуется, что противъ средняго урожая нынѣшній урожай ниже вчетверо и впятеро и что средствъ пропитанія у большинства населенія нѣтъ.

Для того, чтобы наложить заплату, вырѣзать и приготовить ее, надо знать размѣръ дыры.

А вотъ въ размѣрѣ этой дыры оказывается невозможнымъ согласиться. Одни говорятъ, что дыра невелика и какъ бы заплата не разодрала дальше; другіе говорятъ, что неостанетъ и матеріи на заплату.

Кто правъ?

Въ какихъ размѣрахъ правы тѣ или другіе?

Отвѣтомъ на эти вопросы пусть будетъ описаніе того, что я видѣлъ и слышалъ въ четырехъ посѣщенныхъ мною пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ Тульской губерніи.

II.

Первый уѣздъ, посѣщенный мною, былъ Крапивенскій, пострадавшій въ черноземной части.

Первое впечатлѣніе, отвѣчавшее въ положительномъ смыслѣ на вопросъ о томъ, находится ли населеніе въ нынѣшнемъ году въ особенно тяжелыхъ условіяхъ: употребляемый почти всѣми хлѣбъ съ лебедой,—съ $\frac{1}{3}$ и у нѣкоторыхъ съ $\frac{1}{2}$ лебеды,—хлѣбъ черный, тяжелый и горькій; хлѣбъ этотъ ѣдятъ всѣ,—и дѣти, и беременныя, и кормящія женщины, и больные.

Другое несомнѣнное доказательство особенности положенія въ нынѣшнемъ году отсутствіе топлива. Тогда—это еще было въ сентябрѣ—уже всѣ жаловались на это отсутствіе. Говорили, что порубили лозины на гумнахъ, что я и видѣлъ; говорили, что перерубили и перекололи на дрова всѣ чурбачки, все деревянное. Многіе покупають дрова въ прочищающемся помѣщичьемъ лѣсу и въ сводящейся по близости рошѣ. Ѣздить за дровами верстъ за 7, за 10. Цѣна колотыхъ дровъ осиновыхъ за шкаликъ, т. е., за $\frac{1}{16}$ куб. саж., 90 копѣекъ. Шкаликъ хватаетъ на крестьянскій

дворъ на недѣлю, такъ что на зиму понадобится рублей 25, если топить все покупными.

Бѣдствіе несомнѣнное: хлѣбъ нездоровый, съ лебедой, и топить нечѣмъ.

Но смотришь на народъ, на его внѣшній видъ,—лица здоровыя, веселыя, довольныя. Всѣ въ работѣ, никого дома нѣтъ. Кто молотить, кто возить. Помѣщики жалуются, что не идутъ на работу. Когда я тамъ былъ, шла копка картофеля и молотба. Въ праздникъ престольный пили больше обыкновеннаго, да и въ будни попадались пьяные. Кромѣ того, самый хлѣбъ съ лебедой, когда приглядишься, какъ и почему онъ употребляется, получаетъ другое значеніе.

Въ томъ дворѣ, въ которомъ мнѣ въ первомъ показали хлѣбъ съ лебедой, на задворкахъ молотила своя молотилка на своихъ четырехъ лошадахъ, и овса, съ своей и наемной земли, было 60 копенъ, давшихъ по 9-ти мѣръ, т. е., по нынѣшнимъ цѣнамъ, на 300 руб. овса. Ржи, правда, оставалось мало, четвертей 9, но, кромѣ овса, было до 40 четвертей картофеля, была и греча, а хлѣбъ съ лебедой ѣла вся семья въ 12 душъ. Такъ что оказалось, что хлѣбъ съ лебедой былъ въ этомъ случаѣ не признакомъ бѣдствія, а приѣмомъ хозяйственнаго мужика для того, чтобъ меньше ѣли хлѣба,—такъ же какъ для этой цѣли и въ изобильные годы хозяйственный мужикъ никогда не даетъ теплаго и даже мягкаго хлѣба, а все сухой.

«Мука дорогая, а на этихъ пострѣлять развѣ наготовишься! Ъдятъ люди съ лебедой, а мы что-же за господа такіе!»

Бѣдствіе дровъ тоже становится не такъ страшно, когда узнаешь подробности положенія. Купить на 25 рублей—откуда взять въ нынѣшнемъ году?—Такъ мнѣ и говорилъ другой мужикъ, жалуясь на безвыходность нынѣшняго года. А между тѣмъ у этого мужика два сына живутъ въ работникахъ, одинъ за 40, другой за 50 рублей, и онъ одного изъ нихъ женилъ въ нынѣшнемъ году, несмотря на то, что бабъ у него въ домѣ довольно. Кромѣ того, бѣдствіе отсутствія топлива выкупается тѣмъ, что нынѣшній годъ соломы хотя и меньше обыкновеннаго, но она травяная, съ коломъ, и составляетъ превосходный кормъ. Такъ что не топятъ соломой не потому только, что ея мало, а потому что она нынѣшній годъ замѣняетъ отчасти посыпку мукой скотинѣ. Кромѣ того, картофель здѣсь родился прекрасно. Такъ что гдѣ въ дворѣ съ 10-ю

ѣдоками 25 четвертей, кладя по мѣркѣ въ день, хватить картофеля на 200 дней, на всю зиму. Главное же—овесъ, который стоитъ въ высокой цѣнѣ. Продають овесъ и покупають рожь. Но не у всѣхъ есть и овесъ и картофель; когда я переписалъ всю деревню, то оказалось, что изъ 57 дворовъ, 29 было такихъ, у которыхъ уже ржи ничего не оставалось, или нѣсколько пудовъ, отъ 5 до 8, и овса мало, такъ что при промѣнѣ двухъ четвертей на четверть ржи имъ не хватить пищи до Рождества. Таковы 29 дворовъ; 15 же дворовъ совсѣмъ плохихъ, у этихъ дворовъ нѣтъ главного подспорья нынѣшняго года—овса, такъ какъ дворы эти были плохи еще третьяго года и прошлый годъ вовсе не сѣяли овса. Нѣкоторые уже теперь побираются. Всѣ одинокіе и про нѣкоторыхъ изъ нихъ идетъ дурная слава: одни—пьяницы, другіе не любятъ работать, третьи безпокойные люди; есть среди нихъ и воры, сидѣвшіе въ острогѣ. Эти дворы плохи не отъ урожая нынѣшняго года, а отъ особеннаго семейнаго положенія и характера домохозяевъ.

Такова одна деревня Крапивенскаго уѣзда, таковы приблизительно и другія. Процентъ богатыхъ, среднихъ и плохихъ почти одинъ и тотъ же: 50% или около того среднихъ, т. е. такихъ, которые въ нынѣшнемъ году сѣдятъ всѣ свои продовольствія до декабря, 20% совсѣмъ плохихъ, которымъ уже теперь или черезъ мѣсяцъ ѣсть нечего.

Положеніе крестьянъ Богородицкаго уѣзда хуже. Урожай, въ особенности ржи, здѣсь былъ хуже. Здѣсь процентъ богатыхъ, т. е. такихъ, которые могутъ просуществовать на своемъ хлѣбѣ, тотъ же, но процентъ плохихъ еще больше. Изъ 60-ти дворовъ 17 среднихъ, 32 совсѣмъ плохихъ, такихъ же плохихъ, какъ тѣ 15 плохихъ въ первой деревнѣ Крапивенскаго уѣзда. И точно такъ же, какъ и въ Крапивенскомъ уѣздѣ, бѣдственное положеніе этихъ плохихъ дворовъ было обусловлено не однимъ голодомъ нынѣшняго года, а цѣлымъ рядомъ давно уже дѣйствующихъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условий: тѣ же одиночество, многосемейность, пьянство, слабость характера...

Здѣсь въ Богородицкомъ уѣздѣ, вопросъ топлива былъ еще труднѣе разрѣшимъ, такъ какъ лѣсовъ еще меньше, но общее впечатлѣніе опять то же, какъ и въ Крапивенскомъ уѣздѣ. Пока ничего особеннаго, показывающаго голодь: народъ бодрый, работающій, веселый, здоровый. Волостной писарь жаловался, что пьянство въ Успеніе (престоль) было такое, какъ никогда.

Чѣмъ дальше вглубь Богородицкаго уѣзда и ближе къ Ефремовскому, тѣмъ положеніе хуже и хуже. На гумнахъ хлѣба и соломы все меньше и меньше, а плохихъ дворовъ все больше и больше. На границѣ Ефремовскаго и Богородицкаго уѣздовъ положеніе худо въ особенности потому, что при всѣхъ тѣхъ же невзгодахъ, какъ и въ Крапивенскомъ и въ Богородицкомъ уѣздахъ, при еще большей рѣдкости лѣсовъ, не родился картофель. На лучшихъ земляхъ не родилось почти ничего, только воротили сѣмена. Хлѣбъ почти у всѣхъ съ лебедой. Лебеда здѣсь не вызрѣвшая, зеленая. Того бѣлаго ядрышка, который обыкновенно бываетъ въ ней, нѣтъ совсемъ, и потому она не сѣгодобна.

Хлѣбъ съ лебедой надо ѣсть умѣючи. Если наѣстѣся натошакъ одного хлѣба, то вырветъ. Отъ кваса же сдѣланнаго на мукъ съ лебедой—люди шалѣютъ.

Здѣсь бѣдные дворы, опустившіеся въ прежніе годы, доѣдають уже послѣднее. Но и это не худшія деревни. Худшія въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Вотъ выписка изъ моей записной книжки объ одной деревнѣ Ефремовскаго уѣзда. Изъ 70-ти дворовъ есть 10, которые могутъ «дыхать». Остальные сейчасъ, черезъ дворъ, уѣхали на лошадахъ побираться. Тѣ, которые остались, ѣдятъ хлѣбъ съ отрубями, который имъ продають изъ склада земства по 60-ти копѣекъ съ пуда! Я зашелъ въ одинъ домъ, чтобы видѣть хлѣбъ съ отрубями. Мужикъ получилъ три мѣры на обсѣменение, когда у него уже было посѣяно и, смѣшавъ три мѣры съ тремя мѣрами отрубей, смололъ вмѣстѣ и вышелъ хорошій хлѣбъ, но—послѣдній. Баба рассказывала мнѣ, какъ дѣвочка наѣлась хлѣба изъ лебеды и ее несло сверху и снизу, и она бросила печь съ лебедой. Уголь избы полонъ каташьями лошадиными, и бабы ходять собирать каташья и щепки. Грязь жилья, оборванность одеждъ въ этой деревнѣ очень большая, но видно, что это обычно, потому что такая же грязь и оборванность и въ достаточныхъ дворахъ. Въ этой же деревнѣ слободка солдатскихъ дѣтей безземельныхъ. Особенно жалки жители этой слободки. Есть изъ нихъ малосемейные и мастеровые, тѣ живутъ кое-какъ: но положеніе большинства очень дурно. Всѣ—нищие.

У крайняго домика этой слободки, у котораго мы остановились, вышла къ намъ оборванная, худая женщина и стала рассказывать свое положеніе. У нея пять человѣкъ дѣтей. Двое больные, —должно быть инфлуенцей. Одинъ трехлѣтній ребенокъ больной,

въ жару, вынесенъ наружу и лежитъ прямо на землѣ, на выгонѣ, въ шагахъ восьми отъ избушки, покрытый разорваннымъ остаткомъ зипуна. Ему и сыро, и холодно будетъ, когда пройдетъ жаръ, но все таки лучше, чѣмъ въ четырехаршинной избушкѣ съ развалившейся печкой, съ грязью, пылью и другими четырьмя дѣтьми. Мужъ этой женщины ушелъ на заработки и пропалъ. Она кормится тѣмъ, что соберетъ побираясь, но вблизи подаютъ мало. Надо ходить въ даль, за 20—30 верстъ, да и тамъ плохо, и надо бросать дѣтей. Старшей дѣвочкѣ десять лѣтъ. Такъ она и дѣлаетъ. Наберетъ кусковъ, оставитъ дома, и, какъ станутъ выходить, поидетъ опять. Теперь она была дома,—вчера только пришла.

Въ такомъ положеніи не она одна, а домовъ восемь. И въ такомъ положеніи они были и прошлаго, и третьяго года, и въ такомъ положеніи не они одни, а вокругъ насъ всегда людей въ такомъ положеніи миллионы. Въ такомъ положеніи всегда всѣ семьи слабыхъ, пьющихъ людей, всѣ семьи сидящихъ по острогамъ, часто семьи солдатъ.

Такое положеніе только легче переносится въ хорошіе годы. Всегда и въ урожайные годы бабы ходили и ходятъ по лѣсамъ украдкой, подъ угрозами побоевъ или острога, таскать топливо, чтобы согрѣть своихъ холодныхъ дѣтей, и собирали и собираютъ отъ бѣдняковъ куски, чтобы прокормить своихъ заброшенныхъ, умирающихъ безъ пищи дѣтей.

Всегда это было! Мы среди этого живемъ! Въ нынѣшній годъ положеніе это не хуже, потому что хуже того, чтобы у матери безъ помощи умирали дѣти, ничего вѣдь не можетъ быть, но въ нынѣшній годъ только больше «этого худого».

III.

Такихъ деревень, какъ эти, очень много и въ Богородицкомъ и въ Ефремовскомъ уѣздахъ. Но есть и хуже. И таковы деревни Епифанскаго и Данковскаго уѣздовъ.

Вотъ одна изъ нихъ: верстъ шесть отъ одной деревни до другой нѣтъ жилья и сель. Есть только въ сторонѣ помѣщицьи хутора. Все поля и поля, жирныя, черноземныя, глубоко вспаханныя плугами и прекрасно засѣяныя рожью. Картофель весь выкопанъ; докапываютъ, перепахиваютъ во второй разъ. Кое-гдѣ пашутъ подъ яровое. Въ жнивьяхъ ходятъ прекрасныя стада помѣщицьи. Осими прекрасныя, дороги хозяйственно окопаны канавами, уса-

жены срубленной лозиной; въ лощинахъ разводится саженный лѣсъ. Кое-гдѣ огороженные и оберегаемые лѣса помѣщиковъ. На хуторахъ по дорогѣ пропасть соломы, и убирается въ подвалы и бунты картофель. Все обработано искусно, на всемъ виденъ положенный трудъ тысячи людей, исходившихъ съ сохами, плугами, косами, граблями всѣ борозды этихъ необозримыхъ богатыхъ полей.

Прихожу къ жительству этихъ людей. Въ крутыхъ берегахъ большая прекрасная рѣка, съ обѣихъ сторонъ населеніе. На этой сторонѣ Епифанскаго уѣзда поменьше, на той сторонѣ, Данковскаго, побольше. Тамъ и церковь съ колокольной и блестящимъ на солнцѣ крестомъ; по берегу, на той сторонѣ, вытянулись красивые издалека крестьянскіе домики.

Подхожу къ краю деревни на этой сторонѣ.

Первая изба—не изба, а четыре каменныхъ, сѣраго камня, смазанныхъ на глинѣ стѣны, покрытыхъ потолочниками, на которыхъ навалена картофельная ботва. Двора нѣтъ. Это жилье первой семьи. Тутъ-же, спереди этого жилища, стоитъ телѣга, безъ колесъ, и не за дворомъ, гдѣ обыкновенно бываетъ гумно, а тутъ-же передъ избой, расчищенное мѣстечко, токъ, на которомъ только что обмолотили и извѣяли овесъ.

Длинный мужикъ въ лаптяхъ лопатой и руками насыпаетъ изъ вороха въ плетеную сѣвалку чисто отвѣянный овесъ, баба лѣтъ 50-ти въ грязной, черной, вырванной въ боку рубахѣ, босая, носить эти сѣвалки, ссыпаетъ въ телѣгу безъ колесъ и считаетъ. Къ бабѣ жметса, мѣшая ей, оборванная и растрепанная дѣвочка лѣтъ семи. Мужикъ—кумъ бабѣ, онъ пришелъ помочь ей извѣять и убрать овесъ. Баба—вдова, мужъ умеръ второй годъ, а сынъ въ солдатахъ на осеннемъ ученіи, невѣстка въ избѣ съ двумя малыми ребятами.

Весь урожай настоящаго года—въ овсѣ, который уберется весь въ телѣгу, всего четверти четыре. Отъ ржи, за посѣвомъ, осталса мѣшекъ съ лебедой, пуда съ три. Ни проса, ни гречи, ни чечевицы, ни картофеля не сѣяли и не садили. Хлѣбъ испекли съ лебедой—такой дурной, что ѣсть нельзя, и въ нынѣшній день баба утромъ ходила побираться въ деревню, верстъ за восемь. Въ деревнѣ этой праздникъ, и она набрала фунтовъ пять кусковъ безъ лебеды, пирога, который она показывала мнѣ. Вотъ все имущество и всѣ видимыя средства пропитанія.

Другая изба такая-же, только немного лучше покрыта и есть дворишко. Урожай ржи такой-же. Такой-же мѣшокъ лебеды стоитъ въ сѣняхъ и представляетъ амбары съ запасами. Овса въ этомъ дворѣ не сѣяли, такъ какъ не было сѣмянъ весной; зато картофеля три четверти и есть пшеница двѣ мѣры. Рожь, которая осталась отъ выдачи на сѣмена, баба испекла пополамъ съ лебедой и теперь доѣдаютъ. Осталось полторы ковриги. Съ картофелемъ можетъ хватить еще на мѣсяцъ, а что дальше будетъ—говорятъ, того не знаютъ. У бабы четверо дѣтей и мужъ. Мужа не было дома,—онъ клалъ избу, каменную на глину, у сосѣда мужика черезъ дворъ.

Третій дворъ такой-же, положеніе такое-же. Пока я былъ въ этой избѣ и разговаривалъ съ хозяйкой, сюда-же вошла баба и стала рассказывать сосѣдкѣ, какъ ея мужа избили, какъ онъ не чаеъ живымъ быть и какъ его причастили. Очевидно, что сосѣдка все знала это давно и что рассказывалось это мнѣ. Я предложилъ посмотрѣть больного, чтобы помочь ему чѣмъ можно. Баба ушла и скоро опять вернулась, чтобы проводить меня. Больной лежалъ въ сосѣдней избѣ. Изба эта была большая, съ пунькой и дворомъ, но бѣдность такая-же. Хозяинъ увлекся постройкой послѣ пожара; все что было—построилъ, потомъ ослабѣлъ и обнищалъ. Въ этой избѣ живутъ двѣ чужія семьи на квартирѣ, не имѣя домовъ. Глава одной изъ этихъ семей и былъ избитый больной. На хорахъ, между печью и стѣной, лежалъ больной, покрытый веретями и жалобно стоналъ. Я подошелъ, раскрылъ его съ осторожностью. Это былъ коренастый, здоровый мужикъ лѣтъ 40, съ налитымъ кровью лицомъ и атлетическими мускулами на оголенной рукѣ. Я сталъ спрашивать его и онъ рассказалъ, что третьяго дня у нихъ была сходка, и онъ, и другой товарищъ взяли билеты (паспорты), чтобы итти на низъ, и тутъ онъ сказалъ одному мужику, что не надо ругаться. Въ отвѣтъ на что этотъ мужикъ сбилъ его съ ногъ и сталъ по немъ ходить, т. е. избилъ его всего, и голову и грудь. Оказалось, что, взявши паспорта, они поставили по восьмукѣ, да тутъ-же бывший староста, растратившій мірскихъ денегъ 50 рублей, поставилъ полъ ведра за то, что ему рассрочили платежъ на три срока, и мужики перепились. Я ощупалъ, осмотрѣлъ избитаго. Онъ былъ совершенно здоровъ и сильно вспотѣлъ подъ своими веретями. Знаковъ никакихъ не было, и очевидно, онъ лежалъ и причащали его только, чтобы вызвать со

стороны начальства, къ которому онъ меня причислять, наказаніе тому, съ кѣмъ онъ подрался. Когда я высказалъ ему, что не надо судиться, и что я думаю, что онъ не опасно избить и можетъ встать, онъ остался недоволенъ, и бабы, которыя внимательно слѣдили за мною, и которыхъ была полная изба, стали съ неудовольствіемъ говорить, что коли такъ, то они и всѣхъ до смерти перебьютъ.

Бѣдность всѣхъ трехъ семей, живущихъ тутъ, одинаковая. Ржи ни у кого нѣтъ. У кого пшеницы пуда два, у кого картофеля недѣли на двѣ, на мѣсяць. Хлѣбъ испеченный съ лебедою изъ ржи, выданной на сѣмена, у всѣхъ есть еще, но хватить не на долго.

Такова вся деревня въ 30 дворовъ, за исключеніемъ двухъ семей, которыя зажиточны. Перечислять ихъ не къ чему, все будетъ одно и то-же.

Деревня эта сгорѣла на половину прошлаго года и не отстроилась. Тѣ первые дворы съ женщиной, молотившей овесъ, и другіе 8 дворовъ сряду выселены для исполненія правилъ страхованія. Большинство такъ бѣдны, что до сихъ поръ живутъ на квартирахъ. Такъ-же слабы и остальные непогорѣвшіе, хотя въ общемъ погорѣвшіе нѣсколько хуже. Положеніе деревни таково, что изъ 30-ти дворовъ 12 безлошадныхъ. Народъ почти весь дома: кто мажетъ избу, кто перекладываетъ, кто сидитъ, ничего не дѣлая. Обмолочено все, картофель выкопанъ. Деревня въ бѣдственномъ состояніи, но неурожай этотъ представляется даже маленькой бѣдой въ сравненіи съ тѣмъ хроническимъ общимъ бѣдствіемъ, которому очевидно подвержены эти люди. Привели-же ихъ въ это состояніе пожары, ссоры, пьянство.

Кромѣ общихъ причинъ бѣдствій, въ каждой почти семьѣ есть своя частная и внутренняя причина, гораздо значительнѣе исключительной причины—неурожая нынѣшняго года. У бывшаго старосты бѣда та, что ему надо подъ угрозой суда уплатить 50 рублей по третямъ, и онъ продаетъ весь овесъ на этотъ долгъ. У теперешняго старосты, хорошаго столяра, бѣда та, что его посадили въ старосты и тѣмъ лишили возможности пойти въ работу. Жалованья ему даютъ 15 рублей, а онъ говоритъ, что легко заработалъ бы 60 и не подумалъ бы о неурожаѣ. У третьяго мужика бѣда въ томъ, что онъ задолжалъ уже давно, а теперь пришлось платить, и онъ долженъ былъ продать три стѣны деревянной избы, оставивъ себѣ одну на топливо. Теперь ему жить не въ чемъ и

онъ мажетъ изъ камня крошечную келью, гдѣ будетъ жить съ женой и дѣтьми. У четвертаго бѣда въ томъ, что онъ разсорился съ жившей съ нимъ матерью, и она отдѣлилась отъ него, сломала свою избу и ушла къ другому сыну, взявъ свою часть, а ему жить и не съ чѣмъ и негдѣ. У пятаго бѣда, что онъ ѣздилъ въ городъ съ овсомъ, загулялъ и пропилъ все, что было овса.

Передъ уходомъ изъ деревни я остановился подлѣ мужика, только-что привезшаго съ поля картофельныя батовья (плети, какъ у нихъ называютъ) и складывавшаго ихъ у стѣны избы.

«Откуда это?»

«У помѣщика купляемъ».

«Какъ? по чѣмъ?»

«За десятину плетей—десятину на лѣто убирать».

То есть за право собрать съ десятины выкопаннаго картофеля—картофельную ботву, крестьянинъ обязывается вспахать, посѣять, скосить, связать и свезти десятину хлѣба, что равняется, по обыкновеннымъ дешевымъ цѣнамъ розничной работы, по крайней мѣрѣ, 8-ми рублямъ, а по установленной въ той мѣстности цѣнѣ ботвы стоитъ отъ пяти до четырехъ рублей.

Мужикъ былъ разговорчивъ, я остановился съ нимъ у телѣги и скоро человѣкъ шесть мужиковъ собралось тутъ-же и мы разговорились. Бабы, прислушиваясь, стояли поодаль. Ребята, жуя черный, чернильнаго цвѣта липкій хлѣбъ съ лебедой, вертѣлись подлѣ насъ, разглядывая меня и прислушиваясь. Я повторилъ нѣкоторые распросы, повѣряя показанія старосты. Все оказалось вѣрнымъ. Даже количество безлошадныхъ оказалось больше, чѣмъ показалъ староста. Всю нищету свою рассказывали не то что съ неудовольствіемъ, но съ какой-то постоянной надъ чѣмъ-то и надъ чѣмъ-то ироніей.

«Что-же это вы такъ плохи, обѣдняли хуже другихъ?»—спросилъ я.

Отвѣчать стали нѣсколько голосовъ. Такъ опредѣлененъ былъ отвѣтъ:

«А что же подѣлаешь! Лѣтось половину деревни, какъ корова языкомъ слизнула,—выгорѣла. А то неурожай. И лѣтось плохо было, а ужъ нынче вовсе чисто. Да какой тебѣ урожай, если земли нѣтъ? Какая земля? На квасъ?»

«Ну, заработокъ», сказалъ я.

«Какіе заработки? Гдѣ они? Вѣдь онъ (это помѣщикъ) насъ

на 11-ти верстахъ обхватилъ. Все его земля, куда хошь иди, цѣна вездѣ одна. Ну, вотъ плати 5 рублей за плети, а ихъ на мѣсяцъ не хватитъ».

«Ну, какъ-же жить будете?»

«Такъ и будемъ жить. Распродадимъ что есть, а тамъ, что Богъ дастъ. Продать то ужъ нечего. Каташья нешто продавать станемъ, вотъ у меня уголь цѣлый набранъ. Затопишь, такъ перхаешь, перхаешь. Тыфу! Ужъ писали насъ, разъ десять писали», сказалъ староста, «а все толку нѣтъ. Видно писаря плохіе. Вотъ дай дѣдъ (это на меня) запишетъ. Онъ тверже запишетъ. Вишь перо то у него какое и т. д.»

Мужики смѣются и очевидно что-то такое знаютъ, но не называютъ. Что же это такое? Неужели эти въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ своего положенія, или такъ надѣются на помощь извнѣ, что не хотятъ дѣлать никакихъ усилій?

Могутъ ошибиться, но похоже на это.

И тутъ я вспомнилъ двухъ немного выпившихъ старыхъ мужиковъ Ефремовскаго уѣзда, ѣхавшихъ изъ волостного правленія, куда они ѣздили справляться о томъ, когда потребуются ихъ сыновья на осеннее ученіе, и которые на вопросъ мой, какъ у нихъ урожай и какъ они живутъ, отвѣтили мнѣ, не смотря на то, что они были изъ самой плохой мѣстности,—что, слава Богу, спасибо Царю-Батюшкѣ, на обсѣмененіе выдано, теперъ будутъ выдавать и на продовольствіе до заговѣнъ по 30 фунтовъ на человѣка, а послѣ заговѣнъ—по полтора пуда.

Вѣдь то, что люди этой ефремовской деревни не могутъ прожить зимы, не померевъ отъ голоду, или, по крайней мѣрѣ, отъ болѣзней, происходящихъ отъ голода и дурной пищи, если они не предпримутъ чего-нибудь, такъ же несомнѣнно, какъ и то, что колодка пчель безъ меду, поставленная наружу, помретъ къ веснѣ.

Но въ томъ-то и вопросъ: предпримутъ они что-нибудь или нѣтъ? До сихъ поръ похоже, что нѣтъ. Только одинъ изъ нихъ распродалъ все и уѣзжаетъ въ Москву. Остальные чего-то ждутъ.

IV.

Что-же, есть голодъ, или нѣтъ его?

И если есть, то въ какихъ размѣрахъ должна быть подана помощь?

Всѣ графы, по которымъ описываются имущества крестьянъ,

ничего не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣтить на эти вопросы. Этого не знаютъ, пожалуй, и сами крестьяне. Много зависитъ отъ того настроенія, въ которомъ они будутъ находиться. Администрація и земство представляютъ себѣ задачу кормленія голоднаго народа, точно такъ же, какъ представляютъ себѣ такую же задачу прокормленія даннаго количества скотины.

На столько-то воловъ нужно на 200 дней зимы столько-то пудовъ сѣна, соломы, барды. Заготовили это количество корма, поставили на стойло воловъ и можно быть увѣреннымъ, что волы перезимуютъ.

Съ людьми расчетъ совершенно иной. Во-первыхъ, для вола и всякой скотины maximum и minimum необходимой пищи очень недалеко другъ отъ друга. Съѣвъ нужное ей количество корма, скотина перестаетъ ѣсть и больше ни въ чемъ не нуждается, а недоѣвъ нужнаго ей количества, она скоро заболѣваетъ и умираетъ. Для человѣка же разстояніе между minimum-мъ и maximum-мъ нужнаго ему, не только въ видѣ пищи, но и другихъ потребностей—огромно, можно даже сказать—бесконечно: человѣкъ можетъ питаться просфоркой, какъ постники, горстью риса, какъ китайцы и индѣйцы, можетъ иногда не ѣсть 40 дней, какъ докторъ Таннеръ, и остаться здоровъ, и можетъ проглотить огромное по цѣнности и питательности количество пищи и питья, и кромѣ пищи нуждается еще во многихъ вещахъ, которыя могутъ разрастаться до бесконечности и суживаться до самаго малаго.

Во-вторыхъ, волъ не можетъ самъ по себѣ добыть пищи, человѣкъ же самъ добываетъ ее, и тотъ человѣкъ, котораго мы собираемся кормить, самый главный добытчикъ пищи, тотъ самый, который и насъ-то кормитъ и добываетъ въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ то, чѣмъ мы собираемся его кормить.

Кормить мужика, это все равно, что во время весны, когда пробилась трава, которую можетъ набрать скотина, держать скотину на стойлѣ и самому щипать для нея эту траву, т. е. лишить стадо той огромной силы собиранія, которая есть въ немъ, и тѣмъ погубить его.

Нѣчто подобное совершилось бы и съ мужикомъ, если бы мы стали точно такъ кормить его и онъ повѣрилъ бы этому.

Бюджетъ мужика не сходится,—дефицитъ,—ему нечѣмъ кормиться,—надо его кормить.

Да учтите всякаго средняго мужика не въ неурожайный годъ,

когда, какъ у насъ сплошь да рядомъ, хлѣба только до Рождества, и вы увидите, что ему въ обыкновенные годы, по спискамъ урожая, кормиться нечѣмъ и дефицитъ такой, что ему непременно надо перевести скотину и самому разъ въ день ѣсть.

Таковъ бюджетъ средняго мужика,—про бѣднаго и говорить нечего,—а смотришь, онъ не только не перевелъ скотину, но женилъ сына или выдалъ дочь, справилъ праздникъ и прокурилъ 5 рублей на табакъ. Кто не видалъ пожаровъ, очищавшихъ все. Казалось бы, надо погибнуть погорѣльцамъ. Смотришь, кому пособилъ свать, дядя, кто досталъ кубышку, кто задался въ работники, а кто поѣхалъ побираться; энергія напряглась и смотришь, —черезъ два года справились не хуже прежняго.

А переселенцы, уходящіе съ семьями, кормящіеся годами работами, пока не сядутъ на мѣстѣ?

Одно время я занимался вопросомъ прошедшаго заселенія Самарской губерніи, и фактъ, который могу засвидѣтельствовать совмѣстно со всѣми самарскими сторожилами, тотъ, что большинство переселенцевъ, шедшихъ по маршрутамъ съ помощью правительства, погибало и приходило въ нищету, а большинство бѣглыхъ, встрѣчавшихъ только препятствія отъ правительства, приходили и селились благополучно и богатѣли.

А безземельные крестьяне дворовые? Всѣ кормились и кормятся и въ такіе годы, когда хлѣбъ былъ дороже теперешняго.

Говорятъ: нѣтъ работы. Но есть вѣдь другіе люди, которые не переставая говорятъ, что они предлагаютъ работы—и нѣтъ работниковъ. И люди, говорящіе это, такъ же правы, или такъ же неправы, какъ и тѣ, которые говорятъ, что нѣтъ работы. Я знаю положительно, что помѣщики предлагаютъ работу и не находятъ людей; что на работы, открытыя лѣсничествомъ, до сихъ поръ не явилось работниковъ, такъ же и на другія работы, о чемъ и писалось въ газетахъ. Для дурного работника всегда нѣтъ работы, для хорошаго работника всегда есть работа. Для пропившаго съ себя платье, оборваннаго человѣка, который ходитъ по дворамъ и базарамъ, можетъ не быть работы; но для извѣстнаго, хорошаго работника, человѣка, стоящаго на одной работѣ и отыскивающаго другую, всегда есть работа.

Правда, что въ нынѣшнемъ году меньше работы, чѣмъ обыкновенно, и потому больше плохихъ рабочихъ остаются безъ работы, но все-таки то, что есть или нѣтъ у человѣка работы, за-

виситъ не отъ однѣхъ внѣшнихъ причинъ, а отъ энергіи работника, отъ того, хорошо ли онъ ищетъ работы и хорошо ли работаетъ.

Все это я говорю не къ тому, чтобы доказать, что не надо помогать плохимъ работникамъ и ихъ семьямъ, но только для того, чтобы показать, какъ невозможно учесть бюджетъ крестьянскаго двора, котораго доходъ можетъ быть растянуть отъ трехъ до тридцати и больше рублей въ мѣсяцъ, смотря по энергіи прилежанія и исполненія работъ, а расходъ можетъ сузиться до двухъ фунтовъ хлѣба съ отрубями на человѣка и растянуться до пьянства, могущаго разорить въ одинъ годъ самый богатый дворъ.

Разногласіе о томъ, есть ли голодъ, или нѣтъ голода, и въ какихъ размѣрахъ,—происходитъ отъ этого. Отъ этого и трудность помощи.

Для опредѣленія степени нужды, которою бы можно было руководиться при раздачѣ пособій, во всѣхъ земствахъ составлены по волостямъ подробные подворные списки о количествѣ душъ, ѣдоковъ, работниковъ, надѣловъ; о количествѣ посѣянныхъ различныхъ хлѣбовъ и урожаѣ, о количествѣ скотины, о среднемъ урожаѣ и еще многое другое. Списки составлены съ необыкновенною роскошью графъ и подробностей. Но тотъ, кто знаетъ обиходъ крестьянина, знаетъ, что списки эти говорятъ очень мало.

Думать, что крестьянскій дворъ проживаетъ только то, что онъ поѣстъ; проживаетъ только то, что онъ получаетъ съ своей надѣльной земли—большая ошибка. Въ большинствѣ случаевъ то, что онъ получаетъ съ надѣльной земли, составляетъ только меньшую часть того, что онъ проживаетъ. Главное богатство крестьянина въ томъ, что зарабатываетъ онъ и его домашніе, зарабатываютъ ли они это на наемной землѣ, или работая на помѣщика, или живя у чужихъ людей, или промыслами. Мужикъ и его домашніе вѣдь всегда всѣ работаютъ. То обычное намъ состояніе физической праздности есть бѣдствіе для мужика. Если у мужика нѣтъ работы всѣмъ членамъ семьи, то онъ считаетъ, что совершается бѣдствіе, и обыкновенно всѣми средствами ищетъ и всегда находитъ эту работу. Въ мужицкой семьѣ всѣ члены ея съ дѣтства до старости работаютъ и зарабатываютъ. Мальчикъ 12-ти лѣтъ уже въ подпасахъ, или въ работникахъ при лошадяхъ, дѣвочка прядетъ, а съ прядева—холсты лишніе, которые можно продать на случай нужды, есть тоже заработокъ. Мужикъ въ заработкахъ или вдали, или дома, или на поденной, или беретъ когда работу

сдѣльно у помѣщика, или самъ нанимаетъ землю. Старикъ плететъ лапти: это обычные заработки. Но есть и исключительные: мальчикъ водить слѣпыхъ, дѣвочка въ нянькахъ у богатаго мужика, мальчикъ въ мастеровыхъ, мужикъ бьетъ кирпичъ или дѣлаетъ сѣвалки, баба—повитуха, лѣкарка, братъ слѣпой—побирается, грамотный—читаетъ Псалтирь по мертвымъ, старикъ растираетъ табакъ, вдова тайно торгуетъ водкой. Кромѣ того: у того сынъ въ кучерахъ, кондукторахъ, у того дочь въ горничныхъ, нянькахъ, у того дядя въ монахахъ, приказчикахъ, и всѣ эти родственники помогаютъ и поддерживаютъ дворъ.

Изъ такихъ то статей, не входящихъ въ графы, составляется приходъ мужицкой семьи, а статьи расхода еще болѣе разнообразны и далеко не ограничиваются пищей: подати земскія, рекрута справить, орудія, кузнечная работа, сошники, шкворни, колеса, топоры, вилки, шорное, тѣлежное, постройки, печь, одежда, свадьба, крестины, похороны, лѣченіе, гостинцы ребятамъ, табакъ, горшки, посуда, соль, деготь, керосинъ, богомолье, у каждого человѣка еще свои свойства характера, слабости, добродѣтели, пороки.

Въ самомъ бѣдномъ дворѣ въ пять-шесть душъ обернется отъ 50 до 70 рублей, въ богатомъ отъ 70-ти до 300-тъ, въ среднемъ 100—120 рублей валоваго дохода. Каждый хозяинъ можетъ при небольшомъ усилии энергіи сдѣлать изъ этихъ 100 рублей дохода 150, а при ослабленіи ея сдѣлать изъ 100—50, при бережливости и порядкѣ сдѣлать изъ 100 рублей расхода 60, а при небрежности и слабости изъ ста рублей расхода—двѣсти.

Какъ же при этихъ условіяхъ учестъ бюджетъ мужика и рѣшить вопросъ о томъ, есть ли у него нужда и въ какихъ размѣрахъ и, если есть, то рѣшить, которымъ изъ нихъ помогать и по-скольку?

Въ земствахъ учреждены попечители,—лица, имѣющія завѣдывать раздачей пособій по волостямъ. Въ одномъ изъ земствъ учреждены даже совѣты при попечителяхъ, изъ священниковъ, старшинъ, церковныхъ старостъ и двухъ уполномоченныхъ, которые должны рѣшать кому сколько дать. Но даже и эти совѣты, какъ они ни похожи на министерства, ничего не помогутъ дѣлу распредѣленія, потому что по спискамъ, и по тому, что извѣстно теперь о крестьянскихъ семьяхъ, никакъ нельзя опредѣлить того, что съ ними будетъ.

Чтобы правильно опредѣлить степень нужды крестьянина, нужны не списки, а надо призвать прорицателя, который предскажетъ, кто изъ мужиковъ и его домашнихъ будетъ живъ, здоровъ, будетъ жить въ согласіи съ семьей, работать и найдетъ работу; а кто будетъ болѣть, ссориться и не найдетъ работу. Прорицателей такихъ нѣтъ и узнать этого нельзя. Нельзя узнать нуждающихся, и потому правильно распределить даровое пособіе народу не то что трудно, но прямо невозможно.

Люди, мало думавшіе объ отношеніяхъ богатыхъ къ бѣднымъ, обыкновенно думаютъ, что только бы богатые отдали бѣднымъ, или были бы принуждены отдать часть своего богатства, и все будетъ прекрасно. Но это большая ошибка. Все дѣло въ распределеніи. Если есть бѣдный, то всегда только потому, что распределение, производимое законами о приобрѣтеніи собственности, трудъ и отношеніяхъ сословій, неправильно; и потому, чтобы исправить это неправильное распределение, надо устроить иное. Взять же у богатыхъ и бросить это въ сторону бѣдныхъ не значитъ сдѣлать новое распределение, а значитъ—сдѣлать только большую путаницу въ старомъ распределеніи.

Какъ бы хорошо и просто было разрѣшить вопросы роскоши и нищеты тѣмъ простымъ средствомъ, чтобы взять немного у богатыхъ и подѣлить бѣднымъ.

Такъ бы это хорошо было и просто!

Я самъ когда-то думалъ, что это такъ.

Но, не къ несчастью, а къ счастью, это не такъ.

Казалось бы маленькое неудобство,—но никакъ нельзя обойти его, нельзя распределить.

Попробуйте раздавать деньги бѣднымъ въ городѣ, да это и пробовали. И что же выходитъ!

Лѣтъ семь тому назадъ въ Москвѣ, по волѣ умершаго купца, раздавали шесть тысячъ по два рубля всѣмъ бѣднымъ. Набралась такая толпа, что двухъ задавили до смерти и большинство денегъ досталось здоровымъ золоторотцамъ, а бѣднымъ, слабымъ ничего не досталось.

При даровой раздачѣ поднимаются и разгораются самыя дурныя страсти, надвигается толпа жадныхъ людей, захватываютъ добро это тѣ, которые ловчѣе, сильнѣе, безсовѣстнѣе. Обыкновенно думаютъ, что только бы было что раздавать, а раздать, распределить это уже легко. Положимъ, думаютъ обыкновенно, что бы-

ваютъ злоупотребленія, обманы, но для этого надо быть внимательнымъ, позаботиться, изслѣдовать, и тогда можно отдѣлить не нуждающихся и дать только истинно нуждающимся.

Въ этомъ-то и заблужденіе! Этого нельзя сдѣлать! Раздавать даровыя пособія только нуждающимся—нельзя, потому что нѣтъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно бы было опредѣлить нуждающагося, а самая раздача даровая вызываетъ такую жадность, соревнованіе, такіе обманы, что уничтожаются и тѣ признаки, которые были.

Администрація и земства хлопочуть о томъ, чтобы узнать истинно нуждающихся, всѣ же мужики, и вовсе ненуждающіеся, узнавъ, что будутъ раздавать даровое, стараются притвориться или даже сдѣлаться нуждающимися, чтобы безъ труда получить пособие.

Но не въ томъ одномъ неудобство въ выдачѣ пособія дарового или заимообразнаго (это безразлично, потому что мужики считаютъ заимообразное даровымъ, зная, что они никогда не будутъ въ силахъ отдать)—неудобство еще въ томъ, что надежда на выдачу этого пособія ослабляетъ самодѣятельность народа.

Но какъ же ждать, когда мрутъ съ голода? Вѣдь въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ хлѣба до ноября и гдѣ—по лѣни ли или заблужденію, почему бы то ни было,—мужики говорятъ, что нѣтъ работы—и не работаютъ, черезъ недѣлю наступитъ несомнѣнно настоящій голодъ для женщинъ, для старыхъ, для малыхъ, да и для самыхъ, можетъ быть, и лѣнливыхъ, и обманувшихся, но живыхъ людей. А между тѣмъ, какъ давать? Кому давать?

Если выдавать однимъ нуждающимся, то какъ отдѣлить истинно нуждающихся отъ не истинно нуждающихся?

Если даже сумѣть отдѣлить истинно нуждающихся, то вѣдь это будутъ всѣ, большею частью, нерадивые хозяева, пьяницы, гуляки;—за что же давать премію за лѣнь и пьянство?

Если же давать всѣмъ поровну, какъ того требуютъ вездѣ крестьяне, резонно говоря, что если отвѣчать круговою порукой, то надо, по крайней мѣрѣ, и выдавать всѣмъ поровну, чтобы было за что отвѣчать;—если выдавать всѣмъ поровну, то выйдетъ всѣмъ по малу: богатымъ ненужная прибавка, а бѣднымъ недостаточная, чтобы спасти ихъ отъ гибели.

Если давать всѣмъ такъ много, чтобы, давая всѣмъ поровну, досталось бы и бѣднымъ столько, чтобы они могли прокормиться,

для этого понадобились бы такія суммы, которыхъ, очевидно, нельзя получить.

Главное же то, что чѣмъ больше помогать, тѣмъ болѣе ослабляется энергія народа, а чѣмъ больше ослабляется энергія народа, тѣмъ болѣе увеличивается нужда.

А не помогать нельзя!

Въ этомъ cercle vicieux бьются правительственныя лица и земства. Отъ этого-то и вся та неурядица мѣрь, которыя предпринимаются противъ того голода, про который мы не знаемъ, есть онъ или нѣтъ,—неурядица оттого, что мы взялись за дѣло, которое нельзя намъ сдѣлать.

Дѣло, за которое мы взялись, вѣдь состоитъ ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, чтобы прокормить народъ, т. е. мы взялись за то, чтобы прокормить кормильца,—того, кто кормитъ и кормитъ насъ.

Мы такъ запутались и заврались, что уже совсѣмъ забыли, кто мы!

Мы, господа, хотимъ прокормить народъ!

V.

Удивительное дѣло!—грудной ребенокъ хочетъ кормить свою кормилицу; паразитъ собирается кормить то растеніе, которымъ онъ питается; мы, высшіе классы, живущіе всѣ *имъ*, не могущіе ступить шагу безъ *него*, мы *его* будемъ кормить.

Хорошо, что *онъ* не вѣритъ намъ! Если бы *онъ*, избави Богъ, повѣрилъ тому, что кто-то *его* будетъ кормить и пересталъ бы самъ кормиться и кормить насъ, то вѣдь *онъ* погибъ бы и мы съ нимъ!

Дѣтямъ дали лошадь—настоящую, живую лошадь, и они поѣхали кататься и веселиться. Ъхали, ѣхали, гнали подъ гору, на гору. Добрая лошадка обливалась потомъ, задыхалась, а везла, и все везла, слушалась; а дѣти кричали, храбрились, хвастались другъ передъ другомъ, кто лучше правитъ, и подгоняетъ, и скачетъ. И имъ казалось, какъ и всегда кажется, что когда скачетъ лошадка, что они сами скакали, и они гордились своей скачкой.

Такъ долго веселились дѣти, не думая о лошади, забывъ о томъ, что она живетъ, трудится и страдаетъ, и если замѣчали, что она останавливается, то сильнѣе взмахивали кнутомъ, стегали и кричали.

Но всему есть конецъ, пришелъ конецъ и силамъ доброй лошади и она, несмотря на кнутъ, стала останавливаться. Тутъ только дѣти вспомнили, что лошадь живая и вспомнили, что лошадей кормятъ и поятъ, но дѣтямъ не хотѣлось останавливаться и они стали придумывать, какъ бы на ходу накормить лошадь. Одинъ изъ нихъ досталъ изъ подъ сидѣнія клокъ сѣна и, соскочивъ съ телѣги, бѣжалъ подлѣ лошади и давалъ ей сѣно. Но на ходу неловко было кормить лошадь, онъ опять вскочилъ въ телѣгу, и дѣти придумали другое средство. Они достали длинную палку и на конецъ ея привязали сѣно и, прямо съ козель, на ходу, подносили это сѣно лошади. Кромѣ того, двое изъ дѣтей, замѣтивъ, что лошадь шатается, стали поддерживать ее; и держали ея задъ руками, чтобы она не завалилась ни направо, ни налево. Дѣти придумывали многое, но только не то, что должно бы было имъ прежде всего прійти въ голову,—то, чтобы слѣзть съ лошади, перестать ѣхать на ней и, если они точно жалѣютъ ее, отпречь ее и дать ей свободу.

Развѣ не то же, что дѣлали дѣти съ везущей ихъ лошадью, дѣлали и дѣлаютъ люди богатыхъ классовъ съ рабочимъ народомъ, когда онъ слабѣетъ и можетъ отказаться везти?

Придумываютъ все возможное, но только не одно то, что само просится на умъ: слѣзть съ той лошади, которую ты жалѣешь, перестать ѣхать на ней и погонять ее.

Народъ голодаетъ, и мы, высшіе классы, очень озабочены этимъ и хотимъ помочь этому. И для этого мы засѣдаемъ, собираемъ комитеты, собираемъ деньги и рассылаемъ ихъ народу, но ни на минуту не перестаемъ ѣхать на немъ.

Да, отчего онъ бѣденъ и голоденъ?

Неужели такъ трудно понять это?

Неужели нужно или клеветать на него, какъ безсовѣстно дѣлаютъ одни, говоря, что народъ бѣденъ отъ того, что онъ лѣнивъ и пьяница; или обманывать самого себя, какъ дѣлаютъ другіе, говоря, что народъ бѣденъ только оттого, что онъ еще не успѣлъ усвоить себѣ нашей культуры, а что мы вотъ съ завтрашняго дня начнемъ, не утаивая ничего, передавать ему всю нашу мудрость, и тогда уже онъ перестанетъ быть бѣднымъ; и потому намъ нечего стыдиться того, что мы теперь живемъ на его шеѣ,—все это для его блага.

Неужели надо искать эти *midî à quatorze heures*, когда такъ все ясно и просто, особенно ясно и просто для самого народа, на

шеѣ котораго мы сидимъ и ѣдемъ. Вѣдь это дѣтямъ можно вообразить, что это не лошадь ихъ везетъ, а они сами ѣдутъ посредствомъ маханія кнута, но намъ-то, взрослымъ, если мы не сумасшедшіе, можно, казалось бы, понять, откуда голодь народа.

Народъ голодень оттого, что мы слишкомъ сыты.

Развѣ можетъ быть неголодень народъ, который въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ живетъ, то есть при тѣхъ податяхъ, при томъ малоземельи, при той заброшенности и одичаніи, въ которомъ его держатъ, долженъ производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощаютъ столицы, города и деревенскіе центры богатыхъ людей?

Всѣ эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, всѣ эти богатства,—все это выработано этимъ самымъ голодающимъ народомъ, который дѣлаетъ всѣ эти ненужныя для него дѣла только потому, что онъ этимъ кормится, т. е., всегда этой вынужденной работой спасаетъ себя отъ постоянно висящей надъ нимъ голодной смерти.

Таково его положеніе всегда.

Нынѣшній годъ только вслѣдствіе неурожая показалъ, что струна слишкомъ натянута.

Народъ всегда держится нами впроголодь. Это наше средство, чтобы заставить его на насъ работать. Нынѣшній же годъ проголодь эта оказалась слишкомъ велика. Новаго, неожиданнаго ничего не случилось, и намъ, кажется, можно знать, отчего народъ голодень?

Заботы общества теперь о помощи народу въ бѣдѣ голода подобны заботамъ учреждений Краснаго Креста на войнѣ. Энергія однихъ на войнѣ направляется на убійство, и эта дѣятельность считается нормальною, а въ противодѣйствіе ей учреждается другая дѣятельность—лѣченіе этихъ убиваемыхъ.

Все это хорошо, пока дѣятельность войны и такъ же дѣятельность истощенія народа, угнетенія его—считаются нормальными, но какъ скоро мы начинаемъ утверждать, что мы жалѣемъ людей, убиваемыхъ на войнѣ, и людей голодающихъ, то не проще ли не убивать людей и не учреждать и средствъ лѣченія ихъ? Не проще ли перестать дѣлать все то, что губить благосостояніе народа, чѣмъ, губя его, дѣлать видъ, что мы озабочены его благосостояніемъ?

Ложь эта поразительна всегда, но въ теперешнее время она отвратительна!

Мы увѣряемъ себя и другихъ, что мы очень озабочены голодомъ, что мы встревожены положеніемъ русскаго народа, что мы готовы на всякія жертвы, а между тѣмъ нашею жизнью показываемъ, что все это одни слова и что мы лжемъ, потому что ложь эта сдѣлалась условною, общою всѣмъ ложью. И никто не изобличаетъ другого, чтобы его не изобличили.

Если свести вмѣстѣ то, что писалось и пишется въ газетахъ о теперешнемъ положеніи русскаго народа, то получится приблизительно слѣдующее: сорокъ милліоновъ русскихъ людей голодаютъ и помочь этой бѣдѣ почти нѣтъ возможности. Хлѣба въ Россіи, если даже допустить, что весь тотъ хлѣбъ, который есть, попадетъ голоднымъ, чего допустить невозможно,—хлѣба все-таки не достанетъ одной четвертой той части, которая нужна на прокормленіе всѣхъ голодающихъ. Купить и привезти изъ-за границы требуемый хлѣбъ такъ, чтобы онъ пришелъ къ намъ по доступной цѣнѣ, мало вѣроятнѣе, и потому четвертая часть сорока милліоновъ людей находятся въ опасности голодной смерти.

Голодная смерть, по свѣдѣніямъ газетъ и слухамъ, уже началась. Были такіе случаи, что матери приводили дѣтей въ волостныя правленія и бросали ихъ тамъ, говоря, что имъ нечѣмъ кормить ихъ.

Разсказываютъ про мать, которая убила со своими дѣтьми; говорятъ: другая повѣсилась, чтобы не видѣть умирающихъ дѣтей. Описываютъ трехъ дѣтей, умершихъ отъ голода. Во многихъ мѣстахъ люди болѣютъ, пухнуть отъ голода, распространяется повальный голодный тифъ, теперь въ теплое осеннее время. Что же будетъ зимой, когда настанутъ холода въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ топятъ обыкновенно соломой, которой нѣтъ въ нынѣшнемъ году, и въ которыхъ дровъ нельзя достать ближе какъ за 100 за 150 верстъ?

Мы всѣ читаемъ это, или если не читаемъ, то неизбѣжно слышимъ это, изъ приличія пожимаемъ плечами, вздыхаемъ, дѣлаемъ маленькія жертвы деньгами, говоримъ: «да, ужасно!» и продолжаемъ свою обычную жизнь.

Если и есть люди и учрежденія, которыя жертвуютъ деньги и если есть другіе, служащіе въ администраціи и земствѣ, которые заняты дѣломъ продовольствія нуждающихся, скупаютъ хлѣбъ, продаютъ его по дешевымъ цѣнамъ, дѣлаютъ списки дворовъ и т. п., то все-таки, несмотря на денежныя жертвы, которыя дѣлаютъ нѣ-

которые, и на заботы служащихъ о продовольствіи, общество наше, т. е. всѣ люди, и жертвующіе и не жертвующіе, и служащіе и не служащіе, остаются, несмотря на взаимныя обвиненія другъ друга въ равнодушіи, совершенно спокойны и равнодушны къ совершающемуся и предстоящему, по предположеніямъ,—страшно-му, никѣмъ не отрицаемому бѣдствію.

Я говорю, что общество остается совершенно равнодушно къ предстоящему бѣдствію, не потому, что мнѣ такъ кажется и хочется говорить, а потому, что есть всѣмъ извѣстный и несомнѣнный признакъ равнодушія, который теперь отсутствуетъ въ русскомъ обществѣ.

Только тогда мы всѣ знаемъ, что человѣкъ равнодушенъ и истинно сочувствуетъ совершившемуся или имѣющему совершиться, когда извѣстіе измѣняетъ его жизнь: когда онъ перестанетъ дѣлать то, что дѣлалъ, ѣсть, какъ онъ ѣлъ, спать, какъ онъ спалъ, жить, какъ онъ жилъ. Тѣмъ болѣе признакъ этотъ равнодушія или равнодушія относится къ событію еще совершившемуся, а только угрожающему.

Если человѣкъ за обѣдомъ получилъ извѣстіе о томъ, что человѣкъ тонетъ въ рѣкѣ подлѣ его дома, и, продолжая обѣдать, дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы выдать веревку, которая нужна для спасенія тонущаго, то, что бы онъ ни говорилъ о своемъ сочувствіи тонущему, мы не повѣримъ ему и будемъ знать, что онъ равнодушенъ къ совершающемуся событію. Такое равнодушіе царствуетъ въ нашемъ обществѣ теперь къ тому бѣдствію, которое описываютъ и предсказываютъ газеты. Люди продолжаютъ обѣдать и показываютъ свое сочувствіе тѣмъ, что не жалѣютъ ни времени, потраченнаго на распоряженія о веревкѣ, ни самой даже веревки. Жизнь людей нашего общества продолжаетъ свое обычное теченіе: тѣ же концерты, театры,—если нѣтъ баловъ, то только благодаря примѣру—тѣ же обѣды, наряды, скачки, лошади, экипажи, охоты, выставки, цвѣты, романы и т. д. Жизнь нисколько не измѣнилась и не подогнулась подъ существующее бѣдствіе, а напротивъ, голодъ подогнуть подъ общее теченіе жизни, голодъ *fait les frais de la conversation* въ гостинныхъ, наполняетъ столбцы газетъ и составляетъ интересный сюжетъ корреспонденцій, служитъ поводомъ къ устройству базаровъ, театровъ, концертовъ, сборниковъ. Не только жизнь не измѣнилась, чтобы служить голоду, но голодъ сдѣлался нужною частью жизнью; голодъ

занялъ то мѣсто современнаго моднаго предмета увлеченія, которое всегда нужно чѣмъ-нибудь наполнить. И это не можетъ быть иначе: голодъ касается не насъ, а, какъ намъ представляется, людей совершенно чуждыхъ намъ, связанныхъ съ нами только отвлеченнымъ представленіемъ о томъ, что они и мы—русскіе.

Вольтеръ говоритъ, что если бы возможно было, пожавъ шишечку въ Парижѣ, этимъ пожатіемъ убить мандарина въ Китаѣ, то рѣдкій парижанинъ лишилъ бы себя этого удовольствія.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавъ пуговичку въ Москвѣ или въ Петербургѣ, этимъ пожатіемъ можно бы было убить мужика въ Мамадышахъ или Царевококшайскѣ и никто бы не узналъ про это, я не думаю, чтобы нашлось много людей, которые воздержались бы отъ пожатія пуговки, если бы это могло имъ доставить хоть малѣйшее удовольствіе.

Между человѣкомъ нашего богатаго круга,—господиномъ въ накрахмаленной рубашкѣ, чиновникомъ, помѣщикомъ, коммерсантомъ, офицеромъ, ученымъ, художникомъ и мужикомъ, если говорить правду, такъ же мало связи, какъ между парижаниномъ и мандариномъ.

Нельзя скрывать того, что всѣ мы знаемъ! Вѣдь мы не говоримъ этого только потому, что среди насъ установился для цивилизованныхъ людей обычай приличія исповѣдывать любовь къ мужику, къ меньшему брату, но вѣдь мы всѣ знаемъ, что и между нами, господами, и мужиками лежитъ пропасть.

Есть господа и рабы. Одни уважаемы, другіе презираемы, и между тѣми и другими нѣтъ соединенія. Это два совершенно различныхъ разряда людей, двѣ различныя касты. Господа никогда не женятся на мужичкахъ, не выдаютъ за мужиковъ и рабочихъ своихъ дочерей, господа не общаются какъ знакомые съ мужикомъ, не ѣдятъ вмѣстѣ, не сидятъ даже рядомъ; господа говорятъ рабочимъ ты, рабочіе говорятъ господамъ вы. Однихъ пускаютъ въ чистыя мѣста и впередъ въ соборы, другихъ не пускаютъ и толкаютъ въ шею; однихъ сѣкутъ, другихъ не сѣкутъ.

Это двѣ разныя касты.

Хотя переходъ изъ низшей въ высшую возможенъ, но до тѣхъ поръ, пока переходъ не совершится, раздѣленіе существуетъ самое рѣзкое, и между господиномъ и мужикомъ такъ же мало связи, какъ между парижаниномъ и китайцемъ; такъ что дать умереть мужику значитъ дать умереть курицѣ, несущей золотыя яйца.

И это я говорю не потому, что это мнѣ такъ вздумалось говорить непріятности богатымъ русскимъ людямъ, къ которымъ я принадлежу, а потому, что это такъ есть. Доказательствомъ и подтвержденіемъ этого служить вся русская жизнь, все то, что не переставая происходитъ во всей Россіи.

Всѣ богатые русскіе люди не переставая пожимаютъ шишечку и даже не для удовольствія интереснаго эксперимента, а для самыхъ ничтожныхъ цѣлей. Не говоря о фабричныхъ поколѣніяхъ, гибнущихъ на нелѣпой, мучительной, развращающей работѣ фабрикъ для удовольствія богатыхъ, все земледѣльческое населеніе, или огромная часть его, не имѣя земли, чтобы кормиться, вынуждено къ страшному напряженію работы, губящей ихъ физическія и духовныя силы, только для того, чтобы господа могли увеличивать свою роскошь. Все населеніе спаивается, эксплуатируется торговцами для этой же цѣли. Народонаселеніе вырождается, дѣти преждевременно умираютъ, все для того, чтобы богачи-господа и купцы жили своею отдѣльною господскою жизнью, со своими дворцами, обѣдами, концертами, лошадьми, экипажами, лекціями и т. п.

Развѣ теперь, когда люди, какъ говорятъ, мрутъ съ голода, помѣщики, купцы, вообще богачи не сидятъ съ запасами хлѣба, ожидая еще большихъ повышеній цѣнъ? Развѣ они не сбиваютъ цѣнъ съ работы? Развѣ чиновники перестаютъ получать жалованье, собираемое съ голодныхъ? Развѣ всѣ интеллигентные люди не продолжаютъ жить по городамъ для своихъ, послушаешь ихъ самихъ, возвышенныхъ цѣлей,—пожирая тамъ, въ городахъ, эти, свозимыя для нихъ туда, средства жизни, отъ отсутствія которыхъ мретъ народъ?

Всѣ инстинкты cadaго изъ господъ: ученые, служебные, художественные, семейные—такіе, которые не имѣютъ ничего общаго съ жизнью народа. Народъ не понимаетъ господъ, а господа, хотя и думаютъ, что понимаютъ народъ, не понимаютъ его, потому что его интересы не только не одинаковы съ господскими, но прямо всегда противоположны имъ.

Народъ нуженъ намъ только какъ орудіе, и орудіемъ этимъ господа пользуются не по жестокосердію своему, а потому, что жизнь ихъ такъ поставлена, что они не могутъ не пользоваться ими, и ихъ выгоды (сколько бы ни говорили, утѣшая себя, противное), всегда діаметрально противоположны выгодамъ народа.

Чѣмъ больше мнѣ дадутъ жалованья и пенсіи, говоритъ чиновникъ, т. е., чѣмъ больше возьмутъ съ народа, тѣмъ мнѣ лучше.

Чѣмъ дороже продадутъ хлѣбъ и всѣ нужные предметы народу и чѣмъ ему будетъ труднѣе, тѣмъ мнѣ будетъ лучше,—говоритъ и купецъ и землевладѣлецъ.

Чѣмъ дешевле будетъ работа, т. е., чѣмъ бѣднѣе будетъ народъ, тѣмъ намъ лучше,—говорятъ всѣ люди богатыхъ классовъ.

Какое же у насъ можетъ быть сочувствіе къ народу?

Между нами и народомъ нѣтъ иной связи, какъ связи враждебной, господина и раба. Чѣмъ лучше мнѣ, тѣмъ хуже ему. Чѣмъ лучше ему, тѣмъ хуже мнѣ. И при этихъ-то условіяхъ мы вдругъ стали увѣрять себя и другихъ, что мы очень желаемъ вывести его изъ того состоянія бѣдности, въ которое мы сами поставили его, и которое нужно намъ.

Вотъ эта-та условная ложь, принимаемая всѣми за правду, и составляетъ причину странной путаницы понятій у людей нашего круга, обсуждающихъ теперешнее бѣдственное положеніе народа.

VI.

Если человѣкъ изъ общества дѣйствительно хочетъ служить народу, то первое, что ему нужно сдѣлать, это ясно понять свое отношеніе къ нему. Когда ничего не предпринимается, то ложь, оставаясь ложью, не особенно вредна; но когда, какъ теперь, люди хотятъ служить народу, то первое и главное, что нужно, это откинуть ложь, ясно понять свое отношеніе къ нему. Понявъ же свое истинное отношеніе къ народу, состоящее въ томъ, что мы живемъ имъ, что бѣдность его происходитъ отъ нашего богатства и голодъ его—отъ нашей сытости; если мы искренно хотимъ служить народу,—прежде всего сдѣлаемъ то, что перестанемъ дѣлать то, что губить его.

Если мы точно жалѣемъ лошадь, на которой мы ѣдемъ, то мы прежде всего слѣземъ съ нея и пойдемъ своими ногами.

Прежде всего постараемся rendre gorge, возвратить народу то, что мы постоянно отъ него отбирали, перестанемъ отбирать отъ него то, что отбираемъ, а потомъ постараемся измѣнить свою жизнь, разорвать кастовую черту, раздѣляющую насъ отъ народа, и придемъ къ нимъ не только, какъ къ равнымъ, но къ лучшимъ нашимъ братьямъ, такимъ, передъ которыми мы давно виноваты,—придемъ къ нимъ съ раскаяніемъ, смиреніемъ и любовью.

Прокормится или не прокормится народъ, весь народъ, я не знаю, скажетъ себѣ человѣкъ на эту точку зрѣнія, и не могу знать: завтра можетъ сдѣлаться моръ или нашествіе, отъ котораго и безъ голода помретъ народъ, или завтра же откроется новое питательное вещество, которое прокормитъ всѣхъ, или, что проще всего, я умру завтра и ничего не узнаю о томъ, прокормится или не прокормится народъ. Главное же то, что меня никто не приставляетъ къ дѣлу прокормленія сорока миллионъ живущаго въ какихъ-то предѣлахъ народа, и я, очевидно, не могу достигнуть внѣшней цѣли прокормленія и избавленія отъ несчастій какихъ-то людей,—я могу только одно—свои силы употребить наилучшимъ образомъ для того, чтобы содѣйствовать благу моихъ братьевъ, считая братьями всѣхъ безъ исключенія.

И удивительное дѣло, стоитъ человѣку отвернуться отъ задачи разрѣшенія внѣшнихъ вопросовъ и поставить себѣ единый, истинный, свойственный человѣку внутренній вопросъ: какъ мнѣ прожить наилучшимъ образомъ въ этомъ году тяжелаго испытанія?—чтобы всѣ тѣ вопросы получили разрѣшеніе.

Общая правительственная, неизмѣняющая своего отношенія къ народу, дѣятельность ставитъ огромную цѣль и не достигаетъ ея.

Личная ставитъ малую внутреннюю цѣль и достигаетъ той, которую она и не ставила.

Общая правительственная дѣятельность задается внѣшнею цѣлью—прокормить и поддержать благосостояніе сорока миллионъ людей, и, какъ мы видѣли, встрѣчаетъ на своемъ пути непреодолимые препятствія.

1) Определить степень предстоящей нужды для населенія, само себя поддерживающаго и могущаго проявить въ этомъ поддержаніи себя наибольшую энергію и совершенную апатію,—нѣтъ никакой возможности.

2) Если допустить, что опредѣленіе это возможно по собираемымъ правительственными агентами свѣдѣніямъ, то количество требуемыхъ суммъ и хлѣба такъ велики, что нѣтъ никакого вѣроятія пріобрѣсти ихъ.

3) Если допустить, что средства эти будутъ найдены, то задача ихъ даровая населенію ослабитъ энергію и самодѣятельность народа, составляющую главное средство поддержанія его.

Если допустить, что раздача будетъ производиться такъ, что

не ослабитъ самодѣтельности народа, то нѣтъ возможности правильно распредѣлить пособія, и ненуждающіеся захватятъ долю нуждающихся, которые все таки, во многихъ случаяхъ, останутся безъ помощи и погибнуть.

Личная дѣтельность, ставящая себѣ внутреннюю цѣль, устраняетъ всѣ эти препятствія. Для этой дѣтельности нѣтъ вопроса о количествѣ нуждающихся. Для этой дѣтельности нуждающіеся всегда были и есть, вопросъ только въ томъ, сколько я своихъ силъ могу отдать нуждающимся.

Это та дѣтельность, которая заставляетъ въ нынѣшнемъ голодномъ году въ одной мѣстности (это я видѣлъ не разъ) хозяйку дома, при словахъ: «Христа ради», слышанныхъ подъ окномъ, пожаться, поморщиться и потомъ, все таки, достать съ полки послѣднюю, начатую ковригу и отрѣзать отъ нея крошечный, въ полладони, кусочекъ, и, перекрестившись, подать его. И она-то устраняетъ всѣ препятствія, мѣшавшія дѣтельности правительственной съ внѣшней цѣлью.

Для этой дѣтельности не существуетъ перваго препятствія—опредѣленія степени нужды нуждающагося: «Просятъ Христа-ради Маврины сироты». Она знаетъ, что имъ взять негдѣ, и подаетъ.

Не существуетъ и втораго препятствія—огромнаго количества нуждающихся: подающей милостыню хозяйкѣ не нужно разсчитывать того, сколько милліоновъ голодающихъ въ Россіи, или почемъ хлѣбъ въ Америкѣ, почемъ придетъ въ наши порты и на нашъ элеваторъ и сколько можно будетъ взять подъ варранты. Для нея одинъ вопросъ: какъ пустить ножъ по ковригѣ,—потоньше или потолще? Но тонко ли, толсто ли она подаетъ, она твердо несомнѣнно знаетъ, что если каждый оторветъ отъ себя, то всѣмъ достанетъ, всѣмъ, сколько бы ихъ ни было.

Третье препятствіе еще меньше существуетъ для хозяйки. Она не боится того, чтобы подача этого ломтика ослабила энергію Мавриныхъ ребятъ, поощрила бы ихъ къ праздности и попрошайничеству, потому что она знаетъ, что эти ребята понимаютъ, какъ дорогъ ей ломоть, который она отрѣзала имъ.

Нѣтъ и четвертаго препятствія. Хозяйкѣ нѣтъ нужды заботиться о томъ, правдива-ли нужда тѣхъ, которые стоятъ теперь подъ окномъ, и нѣтъ ли другихъ болѣе нуждающихся, которымъ бы надо отдать этотъ ломоть. Ей жалко Мавриныхъ ребятъ, она и даетъ имъ, и знаетъ, что если всѣ сдѣлаютъ то же, то не толь-

ко нынѣшній годъ въ Россіи, но нигдѣ, никогда, никто не умреть съ голоду.

Вотъ эта-то дѣятельность, имѣя только внутреннюю цѣль, всегда спасала, спасаетъ и теперь спасетъ людей.

Вотъ эта-то дѣятельность должна быть усвоена людьми, желающими въ нынѣшнее, трудное время служить другимъ людямъ.

Дѣятельность эта требуетъ прежде всего прекращенія противнаго любви кастоваго отношенія къ народу, эксплуатаціи его и требуетъ прямого общенія съ нимъ, измѣненія, упрощенія жизни, — требуетъ жизни вмѣстѣ съ нимъ, съ тѣмъ народомъ, которому мы хотимъ служить.

[Спасаетъ эта дѣятельность людей потому, что она есть то зерно, мельчайшее изъ всѣхъ, которое вырастаетъ въ величайшее дерево. Такъ ничтожно то, что могутъ сдѣлать одинъ, два человека, десятки людей, живя въ деревнѣ среди голодныхъ и по силамъ помогая имъ; но вотъ что я видѣлъ въ свою поѣздку. Шли ребята изъ Москвы, гдѣ они были въ рабочихъ. И одинъ заболѣлъ и отсталъ отъ товарищей. Онъ часовъ пять просидѣлъ и пролежалъ на краю дороги, и десятки мужиковъ прошли мимо его. Въ обѣдъ ѣхалъ мужикъ съ картофелемъ и разспросилъ мало и, узнавъ, что онъ боленъ, пожалѣлъ его и привезъ въ деревню. Кто это? Кого привезъ Акимъ?—Акимъ рассказалъ, что малый боленъ, отошалъ, не ѣлъ два дня,—пожалѣть надо! И одна баба принесла картошекъ, другая пирожка, третья молока.—Ахъ, сердечный, отошалъ! Какъ не пожалѣть? Свое дѣтище!—И тотъ самый малый, мимо котораго, не смотря на его жалкій видъ, проходили, не пожалѣвъ его, десятки людей, сталъ всѣмъ жалокъ, всѣмъ дорогъ, потому что одинъ пожалѣлъ его.

Тѣмъ то и важна любовная дѣятельность, что она заразительна. Дѣятельность внѣшняя, выражающаяся даровой раздачей, по росписаніямъ и спискамъ, хлѣба и денегъ, вызываетъ самыя дурныя чувства: жадность, зависть, притворство, осужденіе; дѣятельность личная вызываетъ, напротивъ, лучшее чувство, любовь и желаніе жертвы. «Я работалъ, трудился,—мнѣ ничего, а лѣнтя, пьяницу награждать. Кто же ему велѣлъ пропивать? Подѣломъ вору и мука», говоритъ богатый и средній мужикъ, которымъ не даютъ пособій. Съ меньшей злобой говоритъ бѣднякъ про богача, требующаго равную долю.—«Мы и бѣдны-то отъ нихъ. Они насъ сосутъ, а имъ еще давай нашу долю; онъ и такъ голодокъ»,

и т. п. Такія чувства вызываетъ раздача дарового пособия. Но, напротивъ, увидить одинъ, какъ другой подѣлился послѣднимъ, потрудился для несчастнаго, и ему хочется сдѣлать то же. Въ этомъ сила любовной дѣятельности. Сила въ томъ, что она заразительна, а какъ скоро она заразительна, то распространенію ея нѣтъ предѣловъ.

Какъ одна свѣча зажигаетъ другую, и одной свѣчей зажигаются тысячи, такъ и одно сердце зажигаетъ другое, и зажигаются тысячи. Милліоны рублей сдѣлаютъ меньше, чѣмъ сдѣлаютъ хоть небольшое уменьшеніе жадности и увеличеніе любви въ массѣ людей. Только бы увеличилась любовь,—сдѣлается то чудо, которое совершилось при раздачѣ 5 хлѣбовъ. Всѣ насытятся и еще останется]. *)

Дѣятельность эта представляется мнѣ такъ: человѣкъ изъ богатыхъ классовъ, желающій въ тяжеломъ нынѣшнемъ году принять участіе въ общемъ бѣдствіи, прежде всего пріѣзжаетъ въ одну изъ пострадавшихъ мѣстностей и начинаетъ тамъ жить, проживая тамъ на мѣстѣ, въ Мамадышскомъ, Лукояновскомъ, Ефремовскомъ уѣздахъ, въ голодной деревнѣ, тѣ обычные десятки тысячъ или сотни рублей, которые онъ проживаетъ ежегодно, посвящая свой досугъ, употребляемый имъ въ городахъ на увеселенія, на ту дѣятельность на пользу голоднаго народа, какая ему будетъ по силамъ.

Уже одно то, что онъ будетъ жить тамъ и проживать то, что онъ проживаетъ обыкновенно, принесетъ матеріальную помощь народу; а то, что онъ будетъ жить среди этого народа, даже не съ самоотверженіемъ, но только съ безкорыстіемъ, принесетъ нравственную пользу ему и народу. Очевидно, человѣкъ, пріѣхавшій въ голодную мѣстность для того, чтобы быть полезнымъ народу, не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы только жить въ свое удовольствіе среди голоднаго населенія. Я представляю себѣ такого человѣка, мужчину или женщину, или семью съ средними средствами, положимъ съ тысячею рублями въ годъ, переѣхавшую такъ въ неурожайную мѣстность.

Лицо это или семья нанимаетъ или получаетъ отъ знакомыхъ помѣщиковъ помѣщеніе, или выбираетъ, нанимаетъ хорошую

*) Заключенный здѣсь и далѣе въ скобки текстъ былъ напечатанъ въ редакціи отрывка статьи, который появился въ 1892 г. въ № 1 „Книжекъ Недѣли“ подъ заглавіемъ „Помощь голоднымъ“.

избу, оклеиваетъ обоями, исправляетъ полы, заготавливаетъ дрова, провизію, заводитъ лошадь, кормъ и устраивается. Все это! хлѣбъ народу, но этимъ не могутъ ограничиться отношенія этой семьи къ народу. На кухню придутъ нищіе съ сумами. Надо подать. Кухарка жалуется, что хлѣба выходитъ много. Надо или отказать въ кускахъ, или печь лишніе хлѣбы. Стали печь лишніе хлѣбы, народу стало ходить больше. Изъ семьи, гдѣ хлѣбъ дошелъ и ѣсть нечего, пришли попросить, надо и туда дать. Оказывается, что своя кухарка не управляется, и печь мала. Надо нанять избу для хлѣбовъ и нанять особую кухарку. Это стоитъ денегъ. Денегъ нѣтъ. У поселившагося лица есть друзья, знакомые, которые знаютъ, что онъ или она уѣхали въ неурожайный уѣздъ. Ему или ей присылаютъ деньги люди, знающіе его или ее, на распространеніе помощи. Въ нанятой избѣ раздаютъ хлѣбъ, но являются за хлѣбомъ такіе люди, которымъ онъ не до зарѣзу нуженъ, разбираютъ хлѣбъ и продаютъ его, начинается обманъ. Чтобы не было искушенія пользоваться раздаваемымъ хлѣбомъ для выгодъ, вмѣсто раздачи хлѣба даютъ ѣсть тѣмъ, которые приходятъ. Варятъ похлебку, бураки, овсяный, крахмальный кисель, чечевицу, горохъ, —устраивается столовая.

[Мнѣ кажется, что именно столовая,—мѣста, гдѣ кормятъ проходящихъ,—это та форма помощи, которая сама собою сложится изъ отношеній богатыхъ людей къ голодающимъ и принесетъ наибольшую пользу. Форма эта болѣе всего вызываетъ прямую дѣятельность помогающаго, болѣе всего сближаетъ его съ населеніемъ, менѣе всего подлежитъ злоупотребленіямъ и даетъ возможность при меньшихъ средствахъ прокормить наибольшее число людей.

Въ Данковскомъ и Епифанскомъ уѣздахъ съ сентября открылись такія столовыя. Народъ далъ имъ названіе «сиротскихъ призре́ній», и, какъ кажется, самое названіе это предотвращаетъ злоупотребленіе этими учрежденіями. Здоровый мужикъ, имѣющій хоть какую-нибудь возможность прокормиться, самъ не пойдетъ въ эти столовыя объѣдать сиротъ, да и, сколько я наблюдалъ, считаетъ это стыдомъ. Вотъ письмо, полученное мною отъ моего пріятеля, земскаго дѣателя и постоянного деревенскаго жителя, о дѣятельности этихъ сиротскихъ призре́ній:

«Шесть сиротскихъ призре́ній открыто не болѣе десяти дней, и уже питается въ нихъ около 200 человекъ. Завѣдующій столовы-

ми, съ совѣта сельскаго старосты, уже принужденъ допускать ѣдоковъ съ разборомъ, такъ много представляется нуждающихся. Оказывается, что кормятся крестьяне не семьями, а что нуждающіеся семьи выставляютъ своихъ кандидатовъ—почти исключительно старухъ и дѣтей. Такъ, на примѣръ, отецъ шести человѣкъ дѣтей—въ дер. Пашковѣ—просилъ допустить двухъ изъ нихъ, а затѣмъ черезъ два дня привелъ еще третьяго. Староста говорилъ, что «особливо хорошо поглядѣть, какъ помлаже ребятишки свекольникъ полюбили». Тотъ же староста мнѣ рассказывалъ, что иногда матери сами приводятъ своихъ дѣтей, «слыгаются, что это для смѣлости, а оглядится, да и сама поѣстъ». Когда слышишь эти слова старосты, то понимаешь, что это не ложь и что придумать ихъ нельзя; ужели голодъ еще не наступилъ? Мы, конечно, знаемъ, что звѣрь у порога; но бѣда въ томъ, что этотъ звѣрь одновременно врывается во столько семей, что не хватаетъ, пожалуй, нашихъ запасовъ. Учетъ показалъ, что въ день выходитъ на ѣдока 1 ф. хлѣба и 1 ф. картофеля, но сверхъ того потребно топливо, да всякая мелочь: лукъ, соль, свекла и т. д. Болѣе же всего затрудняетъ топливо, оно представляетъ собою наиболѣе дорогой матеріалъ. Крестьяне установили очередныя подводы, чтобъ ѣздить за припасами. Организація требуетъ распорядительнаго человѣка, и хлопотлива хозяйственная заготовка припасовъ; самыя же сиротскія призрѣнія не нуждаются въ надзорѣ за расходованіемъ припасовъ: сама хозяйка такъ привыкла жить вѣкъ крохами, да къ тому же всѣ посѣтители такъ слѣдятъ за оборотами своей столовой, что малѣйшая небрежность—и она моментально бы огласилась, а затѣмъ и устранилась бы сама собой. У меня вырыто новыхъ два подвала и въ нихъ засыпано уже 300 четвертей картофеля, но всего этого мало, такъ какъ требованія растутъ ежедневно. Кажется, что помощь попала въ самую надлежащую точку. Человѣкъ надъ шестью столовыми поставленъ, но время расширить кругъ дѣятельности столовыхъ и срокъ еще не пропущенъ.

«Чую, насколько отрадна будетъ работа въ столовыхъ; вѣдь испытываешь наслажденіе, поливая въ засуху растенія; каково же должно быть упоеніе ежедневно кормить голодныхъ малышей!»

Думаю, что это форма удобная и возможная, но повторяю, что эта форма не исключаетъ всѣхъ другія формы. Живущимъ по деревнямъ лицамъ придется помогать и деньгами, и зерномъ, и мукой, и хлѣбомъ, и лошадыю, и прямо пищей.

Нужно только, чтобы были люди. А люди эти есть, навѣрное есть. Я былъ въ 4-хъ уѣздахъ, и въ каждомъ уѣздѣ есть уже люди готовые на эту дѣятельность и въ нѣкоторыхъ начавшіе ее.].

VII.

Какъ ни увѣренъ я впередъ, узнавъ это горькимъ опытомъ, что мысль мою перетолкуютъ, нарочно сдѣлають видъ, что не понимаютъ ее, возьмутъ одну часть ея и скажутъ, что въ ней вся мысль, я все таки скажу свою мысль вполнѣ, не урывая изъ нея и не въ такомъ смягченномъ видѣ, чтобы нельзя было узнать ее, а во всемъ ея значеніи и съ той наибольшей ясностью выраженія, къ которой я способенъ.

Мысль моя состоитъ въ томъ, что спасаетъ людей отъ всякихъ бѣдствій, въ томъ числѣ и отъ голода, *только любовь*. Любовь же не можетъ ограничиться словами, а всегда выражается дѣломъ.

Дѣла же любви по отношенію голодныхъ состоятъ въ томъ, чтобы отдать свой кусокъ голодному, какъ это сказано даже не Христомъ, а предтечею его Іоанномъ, т. е. состоитъ въ жертвѣ.

И потому я думаю, что чѣмъ больше жертва, тѣмъ больше любви, тѣмъ плодотворнѣе дѣла,—тѣмъ больше пользы людямъ. И потому я думаю, что лучшее и плодотворнѣйшее, что могутъ сдѣлать понимающіе необходимость измѣненія своей жизни люди теперь, для помощи бѣдствующимъ, состоитъ въ томъ, чтобы поселиться теперь, нынѣшній годъ, сейчасъ въ средѣ голодающихъ, жить съ ними, ѣсть съ ними, спать съ ними, дѣлиться съ ними.

Какъ я ни привыкъ къ умысленному перетолкованію моихъ мыслей, мнѣ все-таки больно думать, что и эту перетолкуютъ и лишаютъ ее той пользы, которую она могла бы сдѣлать, и потому я впередъ оговариваюсь о томъ, какъ я понимаю то, что сказалъ сейчасъ.

Я знаю впередъ, что скажутъ: Толстой утверждаетъ, что всякій, кто хочетъ принести помощь голодающимъ, долженъ непременно поѣхать и поселиться въ холодной избѣ, жить во вшахъ, питаться хлѣбомъ съ лебедой и умереть черезъ два мѣсяца или двѣ недѣли, и что всякій, кто не дѣлаетъ этого, тотъ не приноситъ никакой помощи.

Я не это говорю.

Я говорю, что поступать такъ, именно такъ, жить и умирать

вмѣстѣ съ тѣми, кто будетъ умирать черезъ два мѣсяца или двѣ недѣли, было бы очень хорошо, прекрасно—такъ же прекрасно, какъ и прожить и умереть такъ, какъ умеръ Даміенъ у прокаженныхъ. Но я не говорю, что всякій долженъ и можетъ это сдѣлать, и что тотъ, кто не сдѣлаетъ всего этого, ничего не сдѣлаетъ. Я говорю то, что, чѣмъ ближе къ этому поступить человѣкъ, тѣмъ будетъ лучше для него и для другихъ, но что сдѣлаетъ хорошо всякій, кто, пріѣхавъ къ голоднымъ въ деревню, хотя сколько-нибудь приблизится къ этому идеалу.

Есть два предѣла: одинъ тотъ, чтобы отдать свою жизнь за други своя; другой тотъ, чтобы жить, не измѣняя условій своей жизни. Между этими двумя предѣлами находятся всѣ люди: одни на степени учениковъ Христа, оставившихъ все и пошедшихъ за Нимъ, другіе на степени богатаго юноши, тотчасъ же отвернувшегося и ушедшаго, когда ему сказано было объ измѣненіи жизни.

Между этими двумя предѣлами находятся различные Закхеи, отчасти только измѣняющіе свою жизнь. Но для того, чтобы быть Закхеемъ, надо не переставая стремиться къ первому предѣлу.

Всѣ люди, понимающіе, что средство помощи теперешнимъ голодающимъ состоитъ въ разрушеніи перегородки, отдѣляющей насъ отъ народа, и вслѣдствіе этого измѣняющіе свою жизнь, неизбѣжно, по мѣрѣ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, расположатся между этими двумя предѣлами.

Одни, переѣхавъ въ деревню, устроятъ свою жизнь болѣе или менѣе близко къ первому образу жизни, будутъ жить и ѣсть вмѣстѣ съ голодными, отступая отъ этого по мѣрѣ своей слабости; другіе будутъ жить и ѣсть отдѣльно, но будутъ завѣдывать кухнями и столовыми, будутъ служить голоднымъ за обѣдомъ, будутъ одѣлывать ихъ пищей, для больныхъ и для дѣтей на домъ; третьи будутъ только распоряжаться столовыми, объѣзжать и наблюдать за ними; четвертые,—могу себѣ представить, будутъ жить въ голодной деревнѣ, проживая въ ней свои доходы, помогая той нуждѣ, которая будетъ доходить до нихъ; пятые, живя въ городѣ, гдѣ ихъ могутъ удерживать самыя различныя нравственныя необходимости, будутъ измѣнять свою жизнь, урѣзывая себя и помогая тѣмъ, которые будутъ жить по деревнямъ, расширять свою дѣятельность.

Таковою я представляю себѣ дѣятельность людей, понявшихъ свой грѣхъ раздѣленія отъ народа и желающихъ покаяться въ

немъ и искупить его въ нынѣшнемъ, призывающемъ къ искупленію бѣдственнымъ годѣ.

Помощь людямъ можетъ быть только живой.

Таковъ законъ. Желать безъ жертвъ дѣлать добро—все равно, что желать двинуть тѣло безъ затраты силъ.

Внѣшняя правительственная дѣятельность на пользу голодающихъ есть дѣятельность безъ жертвы и оттого ея неуспѣшность до сихъ поръ—и по моему мнѣнію, да и по мнѣнію самихъ дѣятелей, невозможность успѣха, не говоря о томъ, что препятствія этой дѣятельности составляютъ, какъ мы видѣли, невозможность опредѣленія степени нужды людей, ослабленіе энергіи самого народа и невозможность такого распредѣленія, при которомъ помощь доставалась бы самимъ нуждающимся.

Невыгода этой дѣятельности состоитъ еще въ томъ, что на помощь отъ правительства люди смотрятъ всегда, какъ на свое, законное, на которое имѣютъ право, какъ на увеличеніе дохода и при полученіи ея разгорается соревнованіе пріобрѣтенія. Всѣ получающіе эти пособія видятъ только лицъ, раздающихъ не свои деньги и получающихъ за это жалованье, и такая раздача развивается въ нихъ только жадность къ наибольшему пріобрѣтенію.

Если люди въ голодающей мѣстности,—люди всякіе, отъ тѣхъ, которые стоятъ на низшей степени нищеты, до богачей, живущихъ въ уѣздѣ, и всѣ срединные люди—помѣщики, крупные, мелкіе, должностныя лица, купцы, дворники, мельники, богатые и средніе крестьяне, видятъ, какъ они это видятъ теперь, всѣхъ людей занятыхъ и особенно горячо занятыхъ пріобрѣтеніемъ и увеличеніемъ средствъ къ жизни,—купцовъ и помѣщиковъ, торгующихъ дорогимъ хлѣбомъ, дровами, плетями картофельными, пользующихся всѣмъ, чтобы увеличить свои доходы, и рядомъ съ этимъ продолжающихъ свой обыкновенный кругъ жизни, съ охотами, поѣздками въ городъ и празднованіями, то всякій заражается тою же эгоистическою жизнью и старается изъ всего, что онъ можетъ, въ томъ числѣ и изъ помощи, выдаваемой людямъ, захватить какъ можно больше и дать отъ себя помощь, какъ можно меньше.

Эгоистическая жизнь и гоньба за выгодами заразительна. Но такъ же и еще больше заразительна неэгоистическая, а любовная дѣятельность,—дѣятельность жертвы.

И всякій центръ людей, живущихъ только для помощи страдающимъ, измѣнившихъ свою жизнь для этого, будетъ центромъ

заразы добра. Глядя на этихъ людей, дать больше и живущій въ уѣздѣ богачъ, и помѣщикъ, и купецъ, и мужикъ, и богатый, и главное—средній, которыхъ тысячи, изъ которыхъ каждый отрѣжетъ побольше ломоть Христа-ради. А этихъ ломтей милліоны, и милліоны рублей богача сдѣлаютъ меньше, чѣмъ сдѣлаетъ хотя и небольшое уменьшеніе жадности и увеличеніе любви въ людяхъ. А коль скоро сдѣлается зараза жертвы, такъ сдѣлается то, что совершилось при раздачѣ пяти хлѣбовъ.

Всѣ насытятся и еще останется.

Но чтобы сдѣлалось это, чтобы появилась любовь, необходимо, чтобы дѣятельность вытекала не изъ желанія, оставаясь въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу, поддержать въ немъ нужныя намъ рабочія силы, а изъ сознанія своей вины передъ народомъ, угнетенія его и отдѣленія себя отъ него, изъ покаянія и смиренія.

Не на гордомъ сознаніи своей необходимости народу, а на смиреніи только можетъ вырасти дѣятельность, которая можетъ спасти народъ.

1892.

СРЕДИ НУЖДАЮЩИХСЯ.

Отчетъ графа Л. Н. Толстого по 12-е января 1892 г.

Дѣятельность наша со времени послѣдняго отчета *) состояла въ слѣдующемъ.

Первымъ и главнымъ нашимъ дѣломъ было устройство и веденіе столовыхъ.

Столовые, которыхъ во время нашего послѣдняго отчета было 72, продолжали размножаться, и теперь ихъ въ 4-хъ уѣздахъ: Епифанскомъ, Ефремовскомъ, Данковскомъ и Скопинскомъ—187. Размноженіе это происходило и происходитъ слѣдующимъ образомъ: изъ сосѣднихъ деревень съ тѣми, въ которыхъ у насъ есть столовыя, приходятъ къ намъ то отдѣльные крестьяне, то выборные отъ общества со старостою, и просятъ объ открытіи у нихъ столовыхъ. Одинъ изъ насъ ѣдетъ въ ту деревню, изъ которой приходили просители, и, обходя дворы, составляетъ опись имущественнаго состоянія бѣднѣйшихъ жителей. Иногда, хотя и очень рѣдко, оказывается, что деревня, изъ которой приходили депутаты, не изъ очень бѣдныхъ, и что нѣтъ еще настоятельной нужды въ помощи; но въ большей части случаевъ тотъ изъ насъ, кто обходилъ деревню, находилъ, какъ это всегда бываетъ при внимательномъ наблюденіи крестьянской нужды, что положеніе бѣднѣйшихъ семей такъ дурно, что необходима помощь; и помощь эта подавалась посредствомъ устройства столовыхъ, въ которыхъ записывались слабѣйшіе члены бѣднѣйшихъ семей. Такимъ образомъ разрастались и продолжаютъ разрастаться столовыя по тѣмъ направленіямъ, гдѣ нужда сильнѣе и менѣе покрыта, а именно по направленію къ Ефремов-

*) Имена жертвователей, суммы денегъ и названія вещей, пожертвованныхъ съ разныхъ концовъ земного шара въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая были въ свое время напечатаны въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а въ этихъ двухъ отчетахъ пропущены; равно не напечатаны и тѣ отчеты, которые содержатъ въ себѣ только имена и цифры.

скому и въ особенности къ Скопинскому уѣзду, гдѣ помощь особенно скудна. Всѣхъ столовыхъ 187, изъ которыхъ 130 такихъ, гдѣ посѣтителі получаютъ приварокъ и хлѣбъ, и 57 такихъ, гдѣ получается одинъ приварокъ. Раздѣленіе это на столовыя хлѣбныя и безхлѣбныя произошло съ марта, вслѣдствіе того, что съ этого мѣсяца въ Данковскомъ уѣздѣ въ бѣднѣйшихъ деревняхъ, гдѣ и были наши столовыя, стали выдавать отъ земства въ ссуду по 30 фунтовъ на человѣка, а въ Елифанскомъ уѣздѣ и болѣе 30 ф., такъ что въ этихъ уѣздахъ бѣднѣйшее населеніе было почти или совсѣмъ обезпечено хлѣбомъ и нуждалось только въ приваркѣ—картофелѣ, капустѣ и другомъ, который если и былъ у кого изъ бѣдныхъ, то къ марту мѣсяцу совершенно истощился. Для этихъ-то бѣднѣйшихъ жителей и были открыты нами безхлѣбныя столовыя, въ которыя посѣтителі ходятъ съ своимъ хлѣбомъ. Привыкши получать въ столовыхъ и хлѣбъ, крестьяне сначала были недовольны этой переменой и заявили, что выгода, получаемая отъ этихъ столовыхъ, не окупить ихъ трудовъ по очередному привозу дровъ изъ роцѣ на столовыя, и что они не желаютъ пользоваться этими столовыми. Но недовольство это продолжалось очень недолго. Отказались только богатые, и то очень скоро стали просить о допущеніи ихъ въ столовыя.

Разсчетъ выдачи провизіи на эти безхлѣбныя столовыя былъ слѣдующій на десять человѣкъ въ недѣлю: муки ржаной на квась 5 ф., муки пшеничной на заправку похлебокъ 2 ф., муки гороховой, овсяной или кукурузной на кисели 10 ф., гороху 10 ф., пшена на кашу или кулешъ 10 ф., картофеля 2 мѣры, свеклы 1 мѣра, капусты кислой $\frac{1}{2}$ ведра, масла коноплянаго $\frac{1}{2}$ ф., соли 4 ф., луку 1 ф. Кромѣ того, зимой шло керосина на недѣлю на столовую $1\frac{1}{2}$ ф. и дровъ на мѣсяць 60 пуд.

При этой выдачѣ выходитъ на каждого человѣка по 2 ф. въ день овощей, т.-е. картофеля, капусты и свеклы, и по $\frac{1}{2}$ ф. мучной пищи, т.-е. пшена, гороха и ржаной муки, что даетъ въ варенномъ видѣ болѣе 4 ф. въ день на каждого человѣка.

Столовыя эти особенно интересны тѣмъ, что онѣ наглядно показали ошибочность утвердившагося среди большинства и самихъ крестьянъ убѣжденія о томъ, что ржаной хлѣбъ есть самая сытная, здоровая и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевая пища. Столовыя эти несомнѣнно показали, что горохъ, пшено, кукуруза, картофель, свекла, капуста, овсяный и гороховый кисель составляютъ и болѣе

сытную, и здоровую, и дешевую пищу, чѣмъ хлѣбъ. Люди, ходившіе въ безхлѣбныя столовыя, приносили очень маленькіе кусочки хлѣба, иногда приходили даже совсѣмъ безъ хлѣба, и провели зиму сыто и здорово, съѣдая въ день на 2 копѣйки приварка и на 2 или 3 коп. хлѣба, тогда какъ, питаясь однимъ хлѣбомъ, они съѣдали его по крайней мѣрѣ на 7½ коп.

Вотъ распisanіе кушаній на недѣлю, составленное однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ: понедѣльникъ: щи, каша; вторникъ: картофельная похлебка, кисель гороховый, на ужинъ то же; среда: гороховый супъ, картофель вареный, на ужинъ горохъ съ квасомъ; четвергъ: щи, кисель гороховый, на ужинъ то же; пятница: картофельная похлебка, кулешъ пшеничный, на ужинъ то же; суббота: щи, картофель вареный, на ужинъ картофель съ квасомъ; воскресенье: гороховый супъ, каша, на ужинъ горохъ съ квасомъ.

Составитель этого списка руководствовался тѣми продуктами, которые имѣлись въ его распоряженіи въ данное время. При свеклѣ же, изъ которой всю зиму варился весьма любимый всѣми свекольникъ, и при овсяномъ киселѣ, распisanіе это еще болѣе можетъ быть разнообразно, не дѣлая пищу болѣе дорогою.

Столовые наши распредѣляются теперь по мѣстностямъ такъ: (слѣдуетъ распisanіе столовыхъ по уѣздамъ и деревнямъ).

Во всѣхъ столовыхъ этихъ 4-хъ уѣздовъ въ настоящее время кормятся 9.093 человѣка.

Таково было одно и главное наше дѣло.

Другое дѣло наше въ послѣдніе зимніе мѣсяцы состояло въ доставленіи дровъ нуждающемуся населенію. Нужда эта съ каждымъ зимнимъ мѣсяцемъ становилась все замѣтнѣе и замѣтнѣе, и съ середины зимы, въ особенности, когда продовольствіе уже было болѣе или менѣе обезпечено, стала главною. Въ здѣшной мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дровъ, ни торфа, о соломѣ же на топку и думать нельзя было, съ половины зимы нужда эта стала очень велика. Очень часто можно было находить не только дѣтей, но и взрослыхъ уже не на печи, а въ печи, топленной наканунѣ и удерживающей еще немного тепла, и во многихъ дворахъ разорили дворы, риги, сараи, сѣни даже, употребляя на топливо и солому, и рѣшетникъ, и стропила.

Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ намъ дровъ отъ разныхъ лицъ, мы могли, кромѣ того, что понадобилось намъ на столовыя, раздать населенію болѣе 300 саж. дровъ.

Способъ раздачи нашъ былъ такой: болѣе зажиточнымъ крестьянамъ мы продавали дрова по своей цѣнѣ (считая среднюю цѣну за дрова, купленные въ рощахъ и въ Смоленскѣ, по 5 к. за пудъ); среднимъ крестьянамъ мы давали исполу на станціи «Кле-котки» за 30 верстъ, такъ, что они одну половину брали себѣ, а другую привозили намъ. Бѣднымъ крестьянамъ, не имѣвшимъ лошадей, мы давали дрова даромъ, но съ тѣмъ, чтобы они сами привозили ихъ къ себѣ со станціи. Самымъ бѣднымъ, безлошаднымъ, мы давали дрова на мѣстѣ, дома,—тѣ самыя дрова, которыя привозили намъ тѣ, которые брали дрова исполу.

Третье дѣло наше было кормленіе крестьянскихъ лошадей. Кромѣ тѣхъ 80 лошадей, которыя съ первозимья были отосланы въ Калужскую губернію, 20 были взяты на прокормленіе кн. Д. Д. О., 10 купцомъ С. и 40 лошадей поставлены на дворъ г-на Е., гдѣ онѣ кормились двумя вагонами сѣна, пожертвованными П. А. У., и старою соломой, данной владѣльцемъ, и еще купленнымъ кормомъ.

Передъ весной же, съ февраля мѣсяца, были устроены для кормленія крестьянскихъ лошадей на дворахъ два помѣщенія: одно у г-на С., другое у г-на М. въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Для корма лошадей было куплено 10.000 пуд. соломы, 2 вагона жмыха и припасено 300 пуд. просяной муки для посыпки. На эти средства прокормлены 276 лошадей въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ.

Четвертое дѣло наше составляла раздача льна и лыкъ для работъ и бесплатно нуждающимся въ обуви и холстѣ. Одинъ вагонъ льна на 660 руб. розданъ нуждающимся безвозмездно, а другіе 80 пуд. и 100 пудовъ, пожертвованные, розданы исполу. Полотно, приходящееся на нашу долю, до сихъ поръ не получено, такъ что мы не могли до сихъ поръ еще удовлетворить требованіямъ г-жи NN, приславшей намъ 120 рублей за холстъ, и г-жи К. М., предложившей тоже покупать крестьянскій холстъ для доставленія заработковъ крестьянскимъ женщинамъ.

Лыкъ пожертвовано намъ: одинъ вагонъ П. А. У., 100 пуд. Л. и 1000 пучковъ куплено на 219 руб. Часть этихъ лыкъ продана по дешевой цѣнѣ, часть отдана безвозмездно самымъ нуждающимся, другая часть отдана исполу для плетенья лаптей.

Принесенные лапти частью розданы, частью раздаются. Дѣло это, доставленіе матеріала для заработковъ, менѣе всего удалось намъ. Дѣло это до такой степени мелочное, до такой степени неудобно намъ, стоящимъ по отношенію къ крестьянамъ въ положе-

ніи распределителей пожертвованій, стать въ положеніе работодателей, требующихъ строгаго отчета въ употребленіи матеріала, что дѣло это совершенно не удалось намъ, вызвавъ только неосуществленныя ожиданія, зависть и недобрыя чувства. Самое лучшее было бы, что мы дѣлаемъ и теперь, продавать эти предметы по самымъ дешевымъ цѣнамъ тѣмъ, которые могутъ купить ихъ, и отдавать даромъ тѣмъ, которые не могутъ купить,—бѣднѣйшимъ.

Пятое дѣло наше, начавшееся въ февралѣ, состояло въ устройствѣ столовыхъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, грудныхъ, и до 3-хъ лѣтнихъ. Устраивали мы эти столовыя такъ: описавъ всѣ дворы, въ которыхъ есть дѣти этого возраста и нѣтъ молока, мы избирали хозяйку, имѣющую отелившуюся корову, и предлагали ей за вознагражденіе 15 пудовъ дровъ, 4 пуда жмыха въ мѣсяць (равняющіеся по цѣнности 3-мъ рублямъ), готовить изъ своего молока кашку на 10 дѣтей (изъ пшена для дѣтей отъ 1½ до 3-хъ лѣтъ, и изъ гречневыхъ крупъ для грудныхъ). На ребенка отъ 1½ до 3-хъ лѣтъ выдается по 2 фунта пшена на недѣлю, а на грудныхъ—по 1 фунту гречневыхъ крупъ.

Въ большихъ селахъ столовыя эти устраиваются такъ: покупается молоко по 40 коп. ведро. Выдается пшена дѣтямъ груднымъ до года 1 фун. въ недѣлю; дѣтямъ отъ 1 года до 3-хъ лѣтъ 2 фунта. Молока дается дѣтямъ меньшаго возраста 1 стаканъ въ день, старшаго—2 стакана. Безкоровныя получаютъ молоко и пшено въ видѣ каши; имѣющіе же корову получаютъ кашу, взаменъ которой даютъ молоко.

Матери приходятъ иногда однѣ за кашкой и уносятъ ее домой; иногда приносятъ съ собой дѣтей, и тутъ же кормятъ ихъ. Обыкновенно при устройствѣ этихъ пріютовъ матери, да и всѣ крестьяне, предлагаютъ вмѣсто столовой у одной хозяйки—раздачу на руки пшена и крупъ, утверждая, что молока вездѣ достанутъ у добрыхъ людей. Но мы думаемъ, что для обезпеченія здоровья малыхъ дѣтей необходимо именно такое устройство. Получивъ на руки 5—10 фун. пшена и крупъ, каждая крестьянка, какая бы она ни была хорошая мать, смотритъ на это пшено и крупу какъ на провізію, принадлежащую всему дому, и изведетъ ее, какъ ей вздумается и понадобится, или какъ прикажетъ хозяинъ, такъ что очень часто пшено это и крупа не дойдутъ до дѣтей. Если же она каждый день получаетъ порцію готовой молочной каши для своего ребенка, то она непременно ему и скормитъ ее.

Пріютовъ этихъ теперь устроено у насъ около 80 и съ каждымъ днемъ устраиваются новыя. Пріюты эти, сначала еще вызывавшіе сомнѣнія, теперь совершенно вошли въ привычное явленіе и почти каждый день приходятъ бабы съ дѣтьми изъ деревень, въ которыхъ еще нѣтъ такихъ пріютовъ, прося устроить ихъ. Пріюты эти стоятъ около 60 коп. въ мѣсяцъ на ребенка.

Такъ какъ никакъ нельзя, при томъ сложномъ и постоянно измѣняющемся дѣлѣ, которымъ мы заняты, разсчесть разъ въ разъ, сколько намъ понадобится денегъ для доведенія всего начатаго нами до новаго урожая, и мы потому не начинаемъ дѣла, котораго не можемъ довести до конца, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, у насъ останутся неистраченные деньги отъ приходящихъ вновь пожертвованій и отъ денегъ, затраченныхъ заимообразно и имѣющихъ возвратиться осенью. Самое лучшее помѣщеніе этихъ оставшихся денегъ, я думаю, было бы продолженіе такихъ пріютовъ для маленькихъ дѣтей и на слѣдующій годъ. Если же, какъ я увѣренъ, найдутся на это дѣло и деньги, и люди, то отчего бы не продолжать его всегда? Устройство такихъ пріютовъ вездѣ, я полагаю, могло бы въ большей степени уменьшить процентъ дѣтской смертности. Таково было наше пятое дѣло.

Шестое дѣло, которое теперь начинается и которое, вѣроятно, такъ или иначе, будетъ окончено, когда этотъ отчетъ появится въ печати, состоитъ въ выдачѣ нуждающимся крестьянамъ на посѣвъ сѣмянъ овса, картофеля, конопли, проса. Выдача сѣмянъ этихъ особенно нужна въ нашей мѣстности, потому что, сверхъ посѣва ярового поля, неожиданно понадобилось пересѣвать значительную часть, около одной трети, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропавшей ржи. Сѣмена эти раздаются нами самымъ нуждающимся крестьянамъ, тѣмъ, у которыхъ земля неизбѣжно останется неза сѣянной, если имъ не дадутъ сѣмянъ, но выдаются они нами не даромъ, а подъ условіемъ возврата зерномъ съ новаго урожая, независимо отъ теперешней цѣны и той, которая будетъ стоять тогда на эти предметы. Деньги, вырученные за эти предметы, могутъ пойти на устройство пріютовъ младенцевъ на будущую зиму.

Покупка лошадей и раздача ихъ составляетъ седьмое дѣло. Кромѣ того огромнаго процента безлошадныхъ, всегда не имѣющихъ лошадей, доходящаго во многихъ селахъ до трети, въ нынѣшнемъ году есть крестьяне, проѣвшіе лошадей и теперь неизбѣжно долженствующие впасть въ полную нищету или кабалу, если

они не приобрѣтутъ лошади. Такимъ крестьянамъ мы покупаемъ лошадей. Съ весны купили такихъ 16, и необходимо еще купить около 100 лошадей въ занятыхъ нашими столовыми мѣстахъ. Покупаемъ мы этихъ лошадей въ цѣнѣ около 25 рублей за лошадь на такихъ условіяхъ: получающій лошадь обязуется за это обработать два душевыхъ надѣла бѣднѣйшимъ безлошаднымъ крестьянамъ, вдовамъ и сиротамъ.

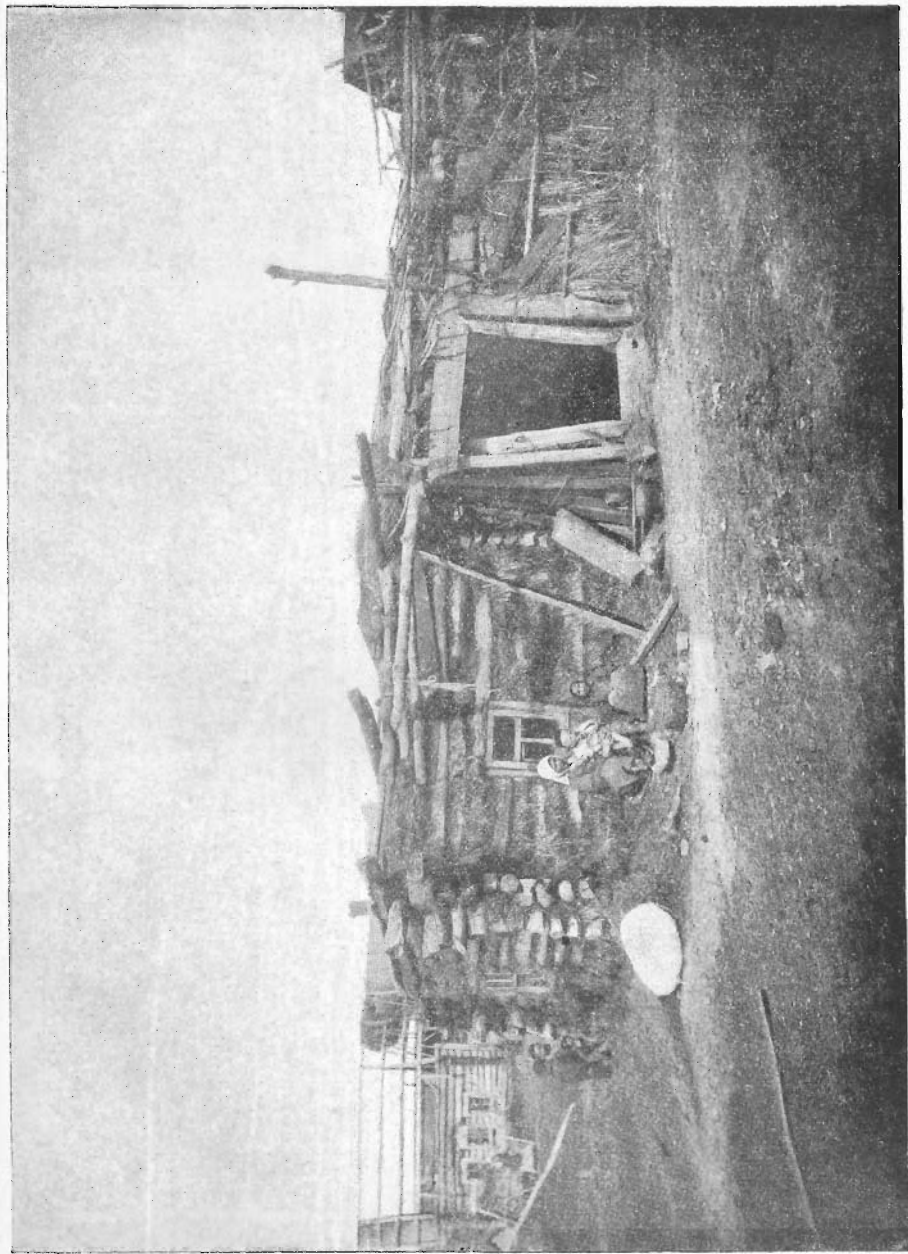
Восьмое дѣло наше было продажа ржи, муки и печенаго хлѣба по дешевымъ цѣнамъ. Дѣло это—продажа печенаго хлѣба—продолжавшееся въ малыхъ размѣрахъ зимой, теперь, съ наступленіемъ весны, увеличивается. Мы устроили и устраиваемъ пекарни для продажи дешеваго, по 60 к. за пудъ, хлѣба.

Кромѣ этихъ опредѣленныхъ отдѣловъ, на которые употреблялись и употребляются пожертвованныя деньги, небольшія суммы употреблены нами прямою выдачей нуждающимся на неотлагаемыя нужды: похороны, уплату долговъ, на поддержаніе маленькихъ школъ, покупку книгъ, постройки и т. п.; такихъ расходовъ было очень мало, какъ это можно видѣть изъ денежнаго отчета.

Таковы въ общихъ чертахъ были наши дѣла за прошедшіе 6 мѣсяцевъ. Главнымъ дѣломъ нашимъ за это время было кормленіе нуждающихся посредствомъ столовыхъ. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ эта форма помощи, несмотря на злоупотребленія, встрѣчающіяся при этомъ, въ самомъ главномъ, въ томъ, что она обезпечивала все бѣднѣйшее и слабѣйшее населеніе—дѣтей, стариковъ, больныхъ, выздоравливающихъ—отъ голоданья и дурной пищи, вполне достигала своей цѣли. Но съ наступленіемъ весны представляются нѣкоторыя соображенія, требующія измѣненія существующаго порядка устройства и веденія столовыхъ.

Съ наступленіемъ весны представляется, во-1-хъ, то новое условіе, что многіе, ходящіе въ столовыя, будутъ на работахъ или за лошадьми, и имъ нельзя будетъ посѣщать столовыя во время обѣдовъ и ужиновъ; во-2-хъ, что лѣтомъ, при усиленной топкѣ въ столовыхъ, легко могутъ быть пожары. Какъ вслѣдствіе этого видоизмѣнится наша дѣятельность, мы въ свое время сообщимъ, если будетъ къ этому возможность.

При этомъ прилагаемъ краткій общій отчетъ о полученныхъ нами пожертвованіяхъ и объ употребленіи ихъ. Подробный отчетъ, если будетъ время, мы составимъ и напечатаемъ послѣ.

Изба крестьянина Тарибджанова въ д. Кадомкѣ сергачскаго уѣзда.
Изъ альбома „Неурожайный 1891—2 г. въ Нижегород. губ.“

СРЕДИ НУЖДАЮЩИХСЯ.

ОТЧЕТЪ Л. Н. ТОЛСТОГО

ооь употребленіи пожертвованныхъ денегъ съ 12-го апрѣля по 20-е іюля 1892 года.

Дѣло наше въ продолженіи лѣта состояло въ слѣдующемъ: 1) въ поддержаніи прежде бывшихъ и устройствъ новыхъ столовыхъ; 2) въ устройствѣ пріютовъ для грудныхъ и двухлѣтнихъ дѣтей; 3) въ выдачѣ сѣмянъ для ярового посѣва; 4) въ покупкѣ лошадей и 5) въ устройствѣ пекарень и продажъ печенаго хлѣба. Первое дѣло наше, столовые продолжались съ 12-го апрѣля по 20-е іюля почти въ томъ же видѣ, какъ и въ предшествующіе мѣсяцы, съ тою только разницею, что, опасаясь пожаровъ отъ жаркой топки, мы прекратили печенье хлѣба въ столовыхъ. Тамъ, гдѣ мы могли это сдѣлать, мы выдавали печеный хлѣбъ, а гдѣ нельзя было приготовить достаточное количество хлѣба, выдавали муку на руки. Во многихъ деревняхъ нѣкоторые изъ нашихъ сотрудниковъ предложили и приварокъ выдавать на руки. Переменная эта въ первое время принята была съ радостью, но очень скоро въ большей части деревень сами крестьяне пожелали вернуться къ старому порядку.

Нужда въ столовыхъ чувствовалась лѣтомъ при длинномъ днѣ и напряженной работѣ больше, чѣмъ зимой. Очень часто во многихъ деревняхъ женщины просили, чтобы, вмѣсто того обѣда, на который они имѣли право, вечеромъ принимали бы на ужинъ ихъ мужей или отцовъ, приходившихъ поздно съ работы.

Число столовыхъ въ это время значительно увеличилось.

Всѣхъ столовыхъ было 246 и кормилось въ нихъ одновременно то больше, то меньше, между 10-ю и 13-ю тысячами человѣкъ.

Второе дѣло—устройство пріютовъ (такъ неправильно назва-

лись у насъ кухни для варенья каши молочной дѣтямъ)—продолжалось на прежнихъ основаніяхъ и очень распространилось. Для нѣкоторыхъ пріютовъ въ деревняхъ, гдѣ было мало коровъ (а въ нашемъ округѣ были деревни, въ которыхъ 60% дворовъ было безкоровныхъ), мы покупали коровъ съ уговоромъ, чтобы тѣ, которые получали коровъ, за это давали молоко на приписанныхъ къ нимъ дѣтей. Для нѣкоторыхъ же, гдѣ это было можно, покупали молоко.

Кормилось всѣхъ дѣтей въ 124-хъ пріютахъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ.

Третье дѣло, состоящее въ раздачѣ яровыхъ сѣмянъ—овса, картофеля, проса, конопли—мы дѣлали такъ. Пріѣхавъ въ ту деревню, изъ которой были просители, мы приглашали 3—4-хъ зажиточныхъ и ненуждающихся въ помощи домохозяевъ и прочитывали имъ по списку имена лицъ, нуждающихся въ сѣменахъ, и по указаніямъ этихъ добросовѣстныхъ назначали количество, нужное каждому просителю: иногда уменьшали, иногда увеличивали его, иногда совсѣмъ вычеркивали нѣкоторыхъ и на мѣсто ихъ вписывали другихъ, необозначенныхъ въ спискѣ.

Четвертое дѣло,—раздача лошадей тѣмъ, у которыхъ было заведенное хозяйство, но или была проѣдена лошадь, или истратилась какимъ-либо несчастнымъ случаемъ,—было особенно затруднительно тѣмъ, что помощь на одно лицо была слишкомъ большая, и потому вызывала зависть, пререканія и неудовольствія тѣхъ, которымъ мы должны были отказывать. Назначали мы эту помощь, такъ же какъ и помощь сѣменами, по указанію добросовѣстныхъ той деревни, изъ которой были просители.

На этихъ двухъ дѣлахъ мы съ особенной ясностью увидали рѣзкое различіе между дѣятельностью, имѣющей цѣлью накормить голоднаго, достигавшеюся столовыми, и дѣятельностью, имѣющей цѣлью помощь крестьянскому хозяйству, въ которую мы были вовлечены раздачей овса, проса, конопли, картофеля и лошадей.

Задавшись цѣлью избавить въ извѣстной мѣстности людей отъ опасности зачахнуть, заболѣть и погибнуть отъ недостатка пищи, мы, устроивъ въ этой мѣстности столовые, вполне достигали этой цѣли. Если и могли при этомъ быть злоупотребленія, т.-е. что были люди, могущіе прокормиться дома, которые питались въ столовыхъ, то злоупотребленія эти ограничивались съѣденною пищей

цѣнностью отъ 2-хъ до 5-ти копѣекъ въ день. Но, задавшись цѣлью помочь крестьянскому хозяйству, мы сразу встрѣчались, во-1-хъ, съ непреодолимою трудностью опредѣленія, кому и сколько и чѣмъ помочь; во-2-хъ, съ громадною нужды, на покрытие которой не хватило бы въ сто разъ большихъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыми мы располагали, и въ-3-хъ, съ возможностью самыхъ большихъ злоупотребленій, сопутствующихъ всегда даровой или даже заимообразной раздачѣ.

Оба эти дѣла, несмотря на большія усилія, положенныя нами на исполненіе ихъ, не оставили въ насъ сознанія того, что мы принесли этимъ настоящую пользу крестьянамъ нашей мѣстности.

Пятое дѣло было хлѣбопеченіе и продажа хлѣба по дешевой цѣнѣ. Сначала мы продавали хлѣбъ по 80 коп., потомъ по 60 коп. за пудъ, и такъ продолжаемъ до сихъ поръ.

Дѣло это шло и идетъ очень хорошо. Народъ очень дорожитъ возможностью имѣть всегда подъ рукой дешевый хлѣбъ. Часто, и въ особенности лѣтомъ, приходили люди за 10 и болѣе верстъ и, не поспѣвая къ первому выходу изъ печки, который уже весь былъ разобранъ, записывались, какъ въ городахъ на ложи театра, на 10 фунтовъ изъ слѣдующей печки, и по полдня дожидались своей порціи.

Въ концѣ іюля мы намѣревались сдѣлать перерывъ столовыхъ, продолжая только хлѣбопеченіе и дѣтскіе пріюты, нужные всегда, и на которые мы положили истратить оставшіяся въ нашемъ распоряженіи деньги. Но перерыва этого намъ не удалось сдѣлать, потому что, вслѣдствіе прекращенія дѣятельности «Краснаго Креста», необходимо было устроить тотчасъ же столовыя для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были на попеченіи «Краснаго Креста» и съ 20-го іюля остались безъ призрѣнія. Съ 1-го августа нами устроены 70 столовыхъ для самыхъ нуждающихся краснокрестниковъ, къ которымъ очень скоро присоединились и самые бѣдные изъ земельныхъ крестьянъ. Число ихъ постоянно прибавляется.

Урожай въ нынѣшнемъ году въ мѣстности нашей дѣятельности такой: въ кругѣ съ діаметромъ около 50 верстъ, въ центрѣ котораго мы находимся, урожай ржи хуже прошлогодняго. Во многихъ деревняхъ по Дону: Никитское, Мясновка, Пашково, въ которыхъ я былъ въ первыхъ числахъ сентября, ржи уже не было ничего. Что было, то посяно и съѣдено. Овса не родилось совсѣмъ, рѣдко у кого достанетъ на сѣмена. Есть овсяныя поля, которыя

вовсе не косили. Картофель и просо хороши, и то не у всѣхъ. Кромѣ того просо сѣютъ не всѣ.

На вопросъ объ экономическомъ положеніи народа въ нынѣшнемъ году я не могъ бы съ точностью отвѣтить. Не могъ бы отвѣтить потому, во-первыхъ, что мы всѣ, занимавшіеся въ прошломъ году кормленіемъ народа, находимся въ положеніи доктора, который бы, бывъ призванъ къ человѣку вывихнувшему ногу, увидалъ бы, что этотъ человѣкъ весь больной. Чтò отвѣтитъ докторъ, когда у него спросятъ о состояніи больного?—«О чемъ хотите вы узнать?»—переспроситъ докторъ.—Спрашиваете вы про ногу или про все состояніе больного? Нога ничего, нога простой вывихъ—случайность, но общее состояніе нехорошо».

Но и кромѣ того, я не могъ бы отвѣтить на вопросъ о томъ, каково положеніе народа: тяжело, очень тяжело, или ничего? потому что мы всѣ, близко жившіе съ народомъ, слишкомъ приглядѣлись къ его понемножку все ухудшавшемуся и ухудшавшемуся состоянію.

Если бы кто-нибудь изъ городскихъ жителей пришелъ въ сильные морозы зимой въ избу, топленную слегка только наканунѣ, и увидалъ бы обитателей избы, вылѣзающихъ не съ печки, а изъ печки, въ которой они, чередуясь, проводятъ дни, такъ какъ это единственное средство согрѣться, или то, что люди сжигаютъ крыши дворовъ и сѣни на топливо, питаются однимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ равныхъ частей муки и послѣдняго сорта отрубей, и что взрослые люди спорятъ и ссорятся о томъ, что отрѣзанный кусокъ хлѣба не доходитъ до опредѣленнаго вѣса на осьмушку фунта, или то, что люди не выходятъ изъ избы, потому что имъ не во что одѣться и обуться, то они были бы поражены видѣннымъ. Мы же смотримъ на такія явленія какъ на самыя обыкновенныя. И потому на вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи народъ нашей мѣстности, отвѣтитъ скорѣе тотъ, кто пріѣдетъ въ наши мѣста первый разъ, а не мы. Мы притерпѣлись и уже ничего не видимъ.

Нѣкоторое понятіе о состояніи народа въ нашей мѣстности можно составить себѣ по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ *Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Въ урожайные годы въ 4-хъ уѣздахъ: Богородицкомъ, Епифанскомъ, Ефремовскомъ, Новосильскомъ, въ среднемъ, съ 1886 по 1890 г. умирало въ 5 мѣсяцевъ отъ февраля до іюня включительно 9.761 человѣкъ и рождалось 12.069 человѣкъ. Въ неурожайномъ же 1892 г. въ тѣхъ же уѣздахъ въ тѣ же 5 мѣсяцевъ умерло 14.309

человѣкъ, а родилось 11.383 человѣка. Въ обыкновенные годы рождаемость превышала смертность въ среднемъ на 2.308 человекъ, въ нынѣшнемъ же неурожайномъ году смертность превысила рождаемость на 2.926. Такъ что послѣдствіемъ неурожая въ этихъ 4-хъ уѣздахъ было уменьшеніе населенія противъ обыкновенныхъ годовъ на 5.234 человѣка. По сравненію же съ другими урожайными уѣздами выходитъ слѣдующее. Въ четырехъ урожайныхъ уѣздахъ: Тульскомъ, Каширскомъ, Одоевскомъ, Бѣлевскомъ въ 1892 г. въ продолженіе тѣхъ же 5 мѣсяцевъ родилось 8.268 человекъ, умерло же 6.468. Въ неурожайныхъ же уѣздахъ родилось 11.383 человѣка и умерло 14.309, такъ что, тогда какъ въ урожайныхъ уѣздахъ рождаемость относится къ смертности приблизительно какъ 4 къ 3, въ неурожайныхъ уѣздахъ смертность относится къ рождаемости приблизительно какъ 7 къ 5, т.-е., что, тогда какъ въ урожайныхъ уѣздахъ на каждыя 4 рожденія было 3 смерти, въ неурожайныхъ уѣздахъ было на 7 смертей только 5 рожденій.

Въ процентномъ же отношеніи положеніе неурожайныхъ мѣстностей особенно ярко выражается смертностью въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ Епифанскомъ уѣздѣ умерло въ 1892 г. на 60%, въ Богородицкомъ на 112% и въ Ефремовскомъ на 116% болѣе чѣмъ въ обыкновенные годы.

Таковы были послѣдствія неурожая прошлаго года, несмотря на усиленную помощь отъ правительства, «Краснаго Креста» и частной благотворительности. Чтò же будетъ въ нынѣшнемъ году въ нашей мѣстности, гдѣ рожь родилась хуже прошлаго года, овса совсѣмъ не родилось, топлива совсѣмъ нѣтъ и послѣдніе запасы силъ населенія вытянуты прошлымъ годомъ?

Такъ что же? Неужели опять голодающіе? Голодающіе! Столовые! Столовые. Голодающіе. Вѣдь это ужъ старо и такъ страшно надоѣло.

Надоѣло вамъ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а здѣсь, когда они съ утра до вечера стоятъ подъ окнами или въ дверяхъ, и нельзя по улицѣ пройти, чтобы не слышать все однѣхъ и тѣхъ же фразъ: «Два дня не ѣли, послѣднюю овцу проѣли. Что дѣлать будемъ? Послѣдній конецъ пришелъ. Помирать, значить?» и т. д.,—здѣсь, какъ ни стыдно въ этомъ признаться, это уже такъ наскучило, что какъ на враговъ своихъ смотришь на нихъ.

Встаю очень рано; ясное морозное утро съ краснымъ восхо-

домъ; снѣгъ скрипитъ на ступеняхъ; выхожу на дворъ, надѣясь, что никого еще нѣтъ, что я успѣю пройти. Но нѣтъ; только отворилъ дверь, уже двое стоятъ: одинъ высокій широкій мужикъ въ короткомъ, оборванномъ полушубкѣ въ разбитыхъ лаптяхъ, съ истощеннымъ лицомъ, съ сумкой чрезъ плечо (всѣ они съ истощенными лицами, такъ что эти лица стали специально мужицкія лица). Съ нимъ мальчикъ лѣтъ 14-ти, безъ шубы, въ оборванномъ зипунишкѣ, тоже въ лаптяхъ и тоже съ сумой и палкой. Хочу пройти мимо, начинаются поклоны и обычныя рѣчи. Нечего дѣлать, возвращаюсь въ сѣни. Они всходятъ за мной.—«Что ты?—Къ вашей милости.—Что?—Къ вашей милости.—Что нужно?—Насчетъ пособія.—Какого пособія?—Да насчетъ своей жизни!—Да что нужно?—Съ голоду умираемъ. Помогите сколько-нибудь.—Откуда?—Изъ Затворнаго». Знаю, это скопинская нищенская деревня, въ которой еще мы не успѣли открыть столовой. Оттуда десятками ходятъ нищіе, и я тотчасъ же въ своемъ представленіи причисляю этого человѣка къ нищимъ профессиональнымъ и мнѣ досадно на него и досадно, что и дѣтей они водятъ съ собой и развращаютъ. «Чего же ты просишь?—Да какъ-нибудь обдумай насъ.—Да какъ же я обдумаю? Мы здѣсь не можемъ ничего сдѣлать. Вотъ мы пріѣдемъ». Но онъ не слушаетъ меня. И начинаются опять сотни разъ слышанныя однѣ и тѣ же кажущіяся мнѣ притворными рѣчи:—«Ничего не родилось, семья 8 душъ, работникъ я одинъ, старуха померла, лѣтось корову проѣли, на Рождество послѣдняя лошадь околѣла, ужъ я, куда ни шло, ребята ѣсть просятъ, отойти некуда, три дня не ѣли!» Все это обычное одно и то же. Жду, скоро ли кончить. Но онъ все говоритъ: «Думалъ, какъ-нибудь пробьюсь. Да выбился изъ силъ. Вѣкъ не побирался, да вотъ Богъ привелъ!—Ну, хорошо, хорошо, мы пріѣдемъ, тогда увидимъ», —говорю я и хочу пройти, и взглядываю нечаянно на мальчика. Мальчикъ смотритъ на меня жалостными, полными слезъ и надежды прелестными карими глазами, и одна свѣтлая капля слезы уже виситъ на носу и въ это самое мгновеніе отрывается и падаетъ на натоптаннй снѣгомъ досчатый полъ. И милое, измученное лицо мальчика съ его вьющимися вѣнчикомъ кругомъ головы русыми волосами дергается все отъ сдерживаемыхъ рыданій. Для меня слова отца—старая, избитая канитель. А ему—это повтореніе той ужасной години, которую онъ переживалъ вмѣстѣ съ отцомъ, и повтореніе всего этого въ торжественную минуту, когда они нако-

нецъ добрались до меня, до помощи, умиляютъ его, потрясають его разслабленные отъ голода нервы. А мнѣ все это надоѣло, надоѣло; я думаю только, какъ бы поскорѣй пройти погулять.

Мнѣ старо, а ему это ужасно ново.

Да, намъ надоѣло. А имъ все такъ же хочется ѣсть, такъ же хочется жить, такъ же хочется счастья, хочется любви, какъ я видѣлъ по его прелестнымъ, устремленнымъ на меня, полнымъ слезъ глазамъ,—хочется этому измученному нуждой и полному наивной жалости къ себѣ доброму жалкому мальчику.

11-го сентября 1892 года. Бѣгичевка.

1898—1899.

КЪ РЕДАКТОРУ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

По поводу частнаго письма.

М. Г. Полагаю, что напечатаніе прилагаемаго частнаго письма отъ лица, очевидно хорошо знающаго крестьянство и вѣрно описывающаго его положеніе въ своей мѣстности, было бы полезно. Положеніе крестьянъ въ описываемой мѣстности не составляетъ исключенія; таково же, какъ мнѣ хорошо извѣстно, положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Козловскаго, Елецкаго, Новосильскаго, Чернскаго, Ефремовскаго, Землянскаго, Нижнедѣвickaго и другихъ уѣздовъ черноземной полосы. Лицо, писавшее письмо, и не думало о напечатаніи его и только по просьбѣ своихъ друзей согласилось на это.

Правда, что положеніе большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бываетъ провести черту между тѣмъ, что можно назвать голодомъ, и нормальнымъ состояніемъ, и что та помощь, которая особенно нужна въ нынѣшнемъ году, была такъ же нужна, хотя и въ меньшей степени, и въ прошломъ и во всякое время; правда, что благотворительная помощь населенію очень трудна, такъ какъ часто вызываетъ желаніе воспользоваться помощью и тѣхъ, которые могли бы продышать и безъ этой помощи; правда, что то, что могутъ сдѣлать частные люди, только капля въ морѣ крестьянской нужды; правда и то, что помощь въ видѣ столовыхъ, удешевленія продажи хлѣба или раздачи его, прокормленія скота и т. п. суть только палліативы и не устраняютъ основныхъ причинъ бѣдствія. Все это правда, но правда и то, что во-время оказанная помощь можетъ спасти жизнь старика, ребенка, можетъ замѣнить отчаяніе, враждебность заброшеннаго человека чувствомъ вѣры въ добро и въ братство людей. И, что важнѣе всего, несомнѣнно правда то, что всякій человекъ нашего круга,

который, вмѣсто того чтобы не только думать объ увеселеніяхъ: театрахъ, концертахъ, подписныхъ обѣдахъ, бѣгахъ, выставкахъ и т. п., подумаетъ о той крайней, сравнительно съ городскою показною жизнью нуждѣ, въ которой сейчасъ, въ эту самую минуту живутъ многіе и многіе изъ нашихъ братьевъ,—что такой человекъ, если онъ постарается хоть какъ бы то ни было, неумѣло, пожертвовать хоть малѣйшей долей своихъ удовольствій, помочь этой нуждѣ, несомнѣнно поможетъ самому себѣ въ самомъ важномъ на свѣтѣ дѣлѣ—въ разумномъ пониманіи смысла жизни и въ исполненіи въ ней своего человѣческаго назначенія.

4 февр. 1898 г.

ГОЛОДЪ ИЛИ НЕ ГОЛОДЪ?

Нынѣшней зимой я получилъ письмо отъ г-жи Соколовой съ описаніемъ нужды крестьянъ въ Воронежской губерніи и передалъ это письмо съ своей замѣткой въ «Русскія Вѣдомости», и съ тѣхъ поръ нѣкоторые лица стали обращать ко мнѣ свои пожертвованія для помощи нуждающимся крестьянамъ. Небольшія пожертвованія эти я направилъ отчасти моему хорошему знакомому въ Землянскій уѣздъ—200 руб., ежемѣсячныя же пожертвованія смоленскихъ врачей и еще небольшія пожертвованія я переслалъ въ Чернскій уѣздъ Тульской губерніи моему сыну и его женѣ, поручивъ имъ распредѣленіе помощи въ ихъ мѣстности. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ новыя и довольно значительныя пожертвованія: г-жа Мевіусъ прислала 100 руб., по мелочи собралось рублей 300, С. Т. Морозовъ далъ 1.000 руб.—собралось около двухъ тысячъ и, считая себя не въ правѣ отказаться отъ посредничества между жертвователями и нуждающимися, я рѣшилъ поѣхать на мѣсто для того, чтобы наилучшимъ образомъ распредѣлить эту помощь.

Какъ и въ 1891 г., я считалъ, что наилучшая форма помощи, это столовая, потому что только при устройствѣ столовыхъ можно обезпечить хорошей, ежедневной пищей стариковъ, старухъ, больныхъ и дѣтей бѣдныхъ, въ чемъ, я полагаю, состоитъ желаніе жертвователей. При выдачѣ провіанта на руки, цѣль эта не достигается, потому что всякій хорошій хозяинъ, получивъ муку, всегда прежде всего замѣситъ ее лошади, на которой ему нужно пахать (и поступивъ такъ, поступитъ совершенно правильно, потому что пахать ему нужно для прокормленія своей семьи не только въ нынѣшнемъ, но и въ будущемъ году), слабые же члены семьи будутъ не добѣдать въ нынѣшнемъ году, какъ и до выдачи, такъ что цѣль жертвователей не будетъ достигнута.

Кромѣ того, только въ формѣ столовыхъ для слабыхъ членовъ

семей есть какой-нибудь предѣль, на которомъ можно остановиться. При выдачѣ на руки, помощь идетъ на хозяйство, а для того, чтобы удовлетворить требованіямъ разореннаго крестьянскаго хозяйства, никакъ нельзя рѣшить, что крайне и что не крайне нужно: крайне нужны и лошадь, и корова, и выкупъ заложенной шубы, и подати, и сѣмена, и постройка. Такъ что при выдачѣ помощи на руки приходится выдавать или по произволу, наобумъ, или совсѣмъ поровну, безъ различія. Поэтому я рѣшилъ распредѣлять помощь какъ и въ 1891 и 1892 гг.,—въ формѣ столовыхъ.

Для опредѣленія же наиболѣе нуждающихся семей и числа лицъ изъ каждой изъ нихъ, которыя должны быть допускаемы въ столовые, я руководствовался, какъ и прежде, слѣдующими соображеніями: 1) количествомъ скота, 2) числомъ надѣловъ, 3) числомъ членовъ семьи, находящихся въ заработкахъ, 4) количествомъ ѣдоковъ и 5) исключительными несчастными случаями, постигшими семью: пожаромъ, болѣзнями членовъ семьи, смертью лошади и т. п.

Первая деревня, въ которую я пріѣхалъ, было знакомое мнѣ Спасское, принадлежавшее Ивану Сергѣевичу Тургеневу. Разспросивъ старосту и стариковъ о положеніи крестьянъ этой деревни, я убѣдился, что оно далеко не такъ дурно, какъ было дурно положеніе тѣхъ крестьянъ, среди которыхъ мы устраивали столовые въ 1891 г.

У всѣхъ дворовъ были лошади, коровы, овцы, былъ картофель и не было разоренныхъ домовъ; такъ что, судя по положенію Спасскихъ крестьянъ, я подумалъ, что не преувеличены ли толки о нуждѣ нынѣшняго года.

Но посѣщеніе слѣдующей за Спасскимъ—Малой Губаревки и другихъ деревень, на которыя мнѣ указали, какъ на очень бѣдныя, убѣдили меня въ томъ, что Спасское находится въ исключительно счастливыхъ условіяхъ, и по хорошему надѣлу, и по случайно хорошему урожаю прошлаго года.

Такъ, въ первой деревнѣ, въ которую я пріѣхалъ—Малой Губаревкѣ, на 10 дворовъ было 4 коровы и 2 лошади, два семейства побирались и нищета всѣхъ жителей была страшная.

Таково же почти, хотя и нѣсколько лучше, положеніе деревень: Большой Губаревки, Мацнева, Протасова, Чапкина, Кукуевки, Гущева, Хмѣлинокъ, Шеломова, Лопашина, Сидорова, Михайлова Брода, Бобрика, двухъ Каменокъ.

Во всѣхъ этихъ деревняхъ, хотя и нѣтъ подмѣси къ хлѣбу, какъ это было въ 1891 г.,—хлѣба, хотя и чистаго, даютъ не вволю. Приварка—пшена, капусты, картофеля, даже у большинства, нѣтъ никакого. Пища состоитъ изъ травяныхъ щей, забѣленныхъ, если есть корова, и не забѣленныхъ, если ея нѣтъ—и только хлѣба. Во всѣхъ этихъ деревняхъ у большинства продано и заложено все, что можно продать и заложить.

Такъ что крайней нужды въ окружающей насъ мѣстности—районѣ 7—8 верстъ, такъ много, что—устроивъ 14 столовыхъ, мы каждый день получаемъ просьбы о помощи изъ новыхъ деревень, находящихся въ такомъ же положеніи.

Тамъ же, гдѣ устроены столовыя, онѣ идутъ хорошо, обходятся около 1 р. 50 к. на человѣка въ мѣсяцъ и, какъ кажется, удовлетворяютъ поставленной нами себѣ цѣли: поддержать жизнь и здоровье слабыхъ членовъ самыхъ бѣдныхъ семействъ.

Вчера вечеромъ я заѣхалъ въ деревню Гущино, состоящую изъ 49 дворовъ, изъ которыхъ 24 безъ лошадей. Было время ужина. На дворѣ, подъ двумя вычищенными навѣсами, сидѣли за пятью столами 80 человѣкъ столующихся: старики въ перемежку со старухами за большими столами на скамейкахъ; дѣти за маленькими столиками на чурбачкахъ съ перекинутыми тесинами. Ужинавшіе только что кончили первое блюдо (картофель съ квасомъ) и подавалось второе—капустные щи. Бабы наливали корцами въ деревянные чашки дымящіяся, хорошо заправленные щи; столовщикъ съ ковригой хлѣба и ножомъ обходилъ столы и, прижимая ковригу къ груди, отрѣзалъ и подавалъ ломти прекраснаго, свѣжаго, пахучаго хлѣба тѣмъ, у кого былъ доѣденъ *). Хозяйка и женщина изъ столующихся служатъ взрослымъ, хозяйская дочь—дѣвочка служить дѣтямъ.

Ужинавшіе были большей частью исхудалые, истощенные, въ изношенныхъ одеждахъ, рѣдкобородые, сѣдые и лысые старики и сморщенные старушки. На всѣхъ лицахъ было выраженіе спокойствія и довольства. Всѣ эти люди очевидно находились въ томъ мирномъ и радостномъ настроеніи и даже нѣкоторомъ возбужденіи, которое производитъ употребленіе достаточной пищи по-

¹⁾ Намъ удалось купить на Юго-Восточной желѣзной дорогѣ 2 вагона муки по 75 к., когда она была по 90 к. въ нашемъ мѣстѣ, и мука оказалась такъ необыкновенно хороша, что ею не хвалятся и бабы, ставящія хлѣбы, такъ она въ мѣстѣ хороша, и столующіеся говорятъ, что хлѣбъ изъ нея выходитъ—пряникъ.

слѣ долгаго лишенія ея. Слышались звуки ѣды, степенный разговоръ и изрѣдка смѣхъ на дѣтскихъ столахъ. Были тутъ и два прохожихъ нищихъ, за которыхъ столовщикъ извинился, что допустилъ ихъ къ ужину.

Все происходило чинно, степенно, точно какъ будто этотъ порядокъ существовалъ вѣками. Изъ Гущина я поѣхалъ въ деревню Гнѣвышево, изъ которой дня два тому назадъ приходили крестьяне, прося о помощи.

Деревня эта состоитъ такъ же, какъ и Губаревка, изъ 10 дворовъ. На десять дворовъ здѣсь четыре лошади и четыре коровы; овецъ почти нѣтъ; всѣ дома такъ стары и плохи, что едва стоятъ.

Всѣ бѣдны и всѣ умоляютъ помочь имъ. «Хоть бы мало-мальски ребята отдыхали», говорятъ бабы. «А то просятъ папки (хлѣба), а дать нечего, такъ и заснетъ и не ужинаючи».

Я знаю, что тутъ есть доля преувеличенія, но то, что говорить тутъ же мужикъ въ кафтанѣ съ прорваннымъ плечомъ, уже навѣрное не преувеличеніе, а дѣйствительность. «Хоть бы двоихъ, троихъ съ хлѣба спихнуть», говоритъ онъ. «А то вотъ свезъ въ городъ послѣднюю свитку (шуба ужъ давно тамъ), привезъ три пудика на восемь человѣкъ—на долго ли? А тамъ ужъ и не знаю, что везти»... Я попросилъ размѣнять мнѣ три рубля. Во всей деревнѣ не нашлось и рубля денегъ.

Очевидно, необходимо устроить и тутъ столовую. Такъ же, вѣроятно, нужно и въ двухъ деревняхъ, изъ которыхъ приходили просить.

Кромѣ того, намъ сообщаютъ, что въ южной части Чернскаго уѣзда, на границѣ Ефремовскаго, нужда очень велика, и до сихъ поръ нѣтъ никакой помощи. Казалось бы очевиднымъ, что надо продолжать и расширять дѣло, и это возможно, такъ какъ въ послѣднее время получены еще довольно значительныя пожертвованія: 500 р. отъ кн. Кудашевой, 1000 р. отъ г-жи Мансуровой, 2000 р. отъ драматическихъ дѣятелей.

Но оказывается, что не только расширить дѣло, но и продолжать его почти нельзя. Продолжать же нельзя по слѣдующимъ причинамъ: Орловскій губернаторъ не разрѣшаетъ открывать столовые: 1) безъ соглашенія съ мѣстнымъ попечительствомъ; 2) безъ обсужденія вопроса объ открытіи каждой столовой съ г. земскимъ начальникомъ, и 3) безъ того, чтобы заблаговременно не увѣдомлять губернатора о томъ, сколько нужно открывать столовыхъ

въ извѣстной мѣстности. Изъ Тульской же губерніи уже пріѣхали становой съ требованіемъ не устраивать столовыхъ безъ разрѣшенія губернатора. *Кромѣ того, запрещено всѣмъ не мѣстнымъ жителямъ участвовать и помогать въ устройствѣ столовыхъ безъ разрѣшенія губернатора*, безъ участія же такихъ помощниковъ, специально занятыхъ сложнымъ и хлопотливымъ дѣломъ столовыхъ, устройство ихъ невозможно. Такъ что, несмотря на несомнѣнную нужду народа, несмотря на средства, данныя жертвователями для помощи этой нуждѣ, дѣло наше не только не можетъ расшириться, но находится въ опасности быть совершенно прекращеннымъ.

Вслѣдствіе этого полученныя мною въ послѣднее время деньги, а именно:

отъ кн. Кудашевой	500 р.
« г-жи Мансуровой	1000 »
« драматическихъ дѣятелей	2000 »
всего	3500 р.

и еще нѣкоторыя небольшія пожертвованія остаются неизрасходованными и будутъ возвращены ихъ жертвователямъ, если они не пожелаютъ дать имъ другое назначеніе.

Таково мое личное дѣло; теперь постараюсь отвѣтить на тѣ общіе вопросы, на которые навела меня моя дѣятельность,—вопросы, которые, судя по газетамъ, занимали и общество въ послѣднее время.

Вопросы эти слѣдующіе:

Есть ли въ нынѣшнемъ году голодъ или нѣтъ голода?

Отчего происходитъ такъ часто повторяющаяся нужда народная?

И какъ сдѣлать, чтобы нужда эта не повторялась и не требовала бы особенныхъ мѣръ для ея покрытія?

На первый вопросъ отвѣчу слѣдующее:

Есть статистическія изслѣдованія, по которымъ видно, что русскіе люди вообще не доѣдаютъ на 30 процентовъ того, что нужно человѣку для нормальнаго питанія; кромѣ этого, есть свѣдѣнія о томъ, что молодые люди черноземной полосы послѣднія 20 лѣтъ все меньше и меньше удовлетворяютъ требованіямъ хорошаго сложенія для воинской повинности; всеобщая же перепись

показала, что прирость населенія, 20 лѣтъ тому назадъ, бывши самымъ большимъ въ земледѣльческой полосѣ, все уменьшаясь и уменьшаясь, дошелъ въ настоящее время до нуля въ этихъ губерніяхъ. Но и безъ изученія статистическихъ данныхъ, стоитъ только сравнить средняго исхудалаго до костей съ нездоровымъ цвѣтомъ лица крестьянина-земледѣльца средней полосы съ тѣмъ же крестьяниномъ, попавшимъ въ дворники, въ кучера—на хорошіе харчи, и сравнить движенія этого дворника, кучера и ту работу, которую онъ можетъ дать, съ движеніями и работой крестьянина, живущаго дома, чтобъ увидѣть, на сколько недостаточнымъ питаніемъ ослаблены силы этого крестьянина.

Когда, какъ это дѣлалось прежде нерасчетливыми хозяевами и теперь еще дѣлается, держать скотину для навоза, питая ее на холодномъ дворѣ кое-чѣмъ, только чтобы она не издохла, происходитъ то, что изъ всей этой скотины вытерпѣваетъ безъ ущерба своему организму только та, которая находится въ полной силѣ; старая же, слабая, неокрѣпшія молодая животныя или издыхаютъ, или если и выживаютъ, то въ ущербъ своему приплоду и здоровью, а молодая въ ущербъ росту и сложенію.

Вотъ точно въ такомъ положеніи находится русское крестьянство черноземнаго центра. Такъ что, если разумѣть подъ словомъ «голодь» такое недоѣданіе, вслѣдствіе котораго непосредственно за недоѣданіемъ людей постигаютъ болѣзни и смерть, какъ это, судя по описаніямъ, было недавно въ Индіи, то такого голода не было ни въ 1891-мъ году, нѣтъ и въ нынѣшнемъ.

Если же подъ голодомъ разумѣть недоѣданіе, не такое, отъ котораго тотчасъ умираютъ люди, а такое, при которомъ люди живутъ, но живутъ плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь, и вырождаясь, то такой уже 20 лѣтъ существуетъ для большинства черноземнаго центра, и въ нынѣшнемъ году особенно силенъ.

Таковъ мой отвѣтъ на первый вопросъ. На второй вопросъ: отчего это произошло? отвѣтъ мой состоитъ въ томъ, что причина этого духовная, а не матеріальная.

Военные люди знаютъ, что такое значить—духъ войска; знаютъ, что этотъ неосязаемый элементъ есть первое главное условіе успѣха, что при отсутствіи этого элемента дѣлаются недействительными всѣ другіе. Пускай будутъ солдаты прекрасно одѣты, накормлены, вооружены, пускай будетъ сильнѣйшая пози-

ція—сраженіє будеть проиграно, если не будеть того неосязаемаго элемента, который называется духомъ войска. То же самое въ борьбѣ съ природой. Какъ только въ народѣ нѣтъ духа бодрости, увѣренности, надежды на все большее и большее улучшеніе своего состоянія, а есть, напротивъ, сознаніе тщеты своихъ усилій, уныніе—народъ не побѣдитъ природы, а будетъ побѣжденъ ею. А именно, таково въ наше время положеніе всего нашего крестьянства и въ особенности земледѣльческаго центра. Онъ чувствуетъ, что его положеніе, какъ земледѣльца—плохо почти безвыходно, и, приспособившись къ этому безвыходному положенію, уже не борется съ нимъ, а живетъ и дѣйствуетъ лишь настолько, насколько его къ этому побуждаетъ инстинктъ самосохраненія. Кромѣ того, самая бѣдственность положенія, до котораго онъ дошелъ, еще усиливаетъ упадокъ его духа. Чѣмъ ниже въ своемъ экономическомъ благосостояніи спускается населеніе, какъ тяжесть на рычагѣ, тѣмъ труднѣе ему подняться, и крестьяне чувствуютъ это, и какъ бы махнули на себя рукой. «Гдѣ ужъ намъ», говорятъ они, *«не до жиру, быть бы живу»!*

Признаковъ этого упадка духа очень много. Одинъ первый и главный—это полное равнодушіе ко всѣмъ духовнымъ интересамъ. Вопросы религіознаго не существуетъ въ земледѣльческомъ центрѣ; и совсѣмъ не потому, что крестьянинъ твердо держится православія (напротивъ, всѣ отчеты и всѣ свѣдѣнія священниковъ подтверждаютъ то, что народъ все болѣе и болѣе становится равнодушнымъ къ церкви), а потому что у него нѣтъ интереса къ духовнымъ вопросамъ.

Второй признакъ—это косность, нежеланіе измѣнять своихъ привычекъ и своего положенія. За всѣ эти года, въ то время, какъ въ другихъ губерніяхъ вошли плуги, желѣзныя бороны, травосѣяніе, посѣвы дорогихъ растений, садоводство, даже минеральное удобреніе,—въ центрѣ все остается по старому съ сохой, трехпольемъ, изрѣзанными дѣлянками въ борону шириной и всѣми яриковскими пріемами и обычаями. Даже переселеній всего меньше изъ черноземнаго центра.

Третій признакъ—отвращеніе къ сельской работѣ,—не лѣнь, а вялая, не веселая, непроизводительная работа; работа, эмблемой которой можетъ служить колодезь, изъ котораго вытягивается ведро не журавцомъ, не колесомъ, какъ это дѣлалось прежде, а просто веревкой, руками, и вытягивается въ ведрѣ, которое те-

четь, и изъ котораго вытекаетъ треть воды, пока его донесутъ до мѣста. Такова почти вся работа черноземнаго мужика, кое-какъ съ грѣхами пашущаго 16 часовъ на чуть волочащей ноги лошади пашню, которую онъ, на хорошей лошади, при хорошей пищѣ, хорошимъ плугомъ могъ бы вспахать въ полъ дня. При этомъ естественно желаніе забыться, и потому вино и табакъ все болѣе и болѣе распространяются, такъ что въ послѣднее время пьютъ и курятъ мальчишки-дѣти.

Четвертый признакъ упадка духа—это неповиновеніе сыновей родителямъ, меньшихъ братьевъ старшимъ, неприсылка заработанныхъ на сторонѣ денегъ въ семью, и стремленіе молодыхъ поколѣній избавиться отъ тяжелой, безнадёжной сельской жизни и пристроиться гдѣ-нибудь въ городѣ.

Поразительнымъ для насъ признакомъ происшедшаго за послѣднія 7 лѣтъ упадка было то, что во многихъ деревняхъ взрослые и, казалось бы, достаточные крестьяне просятъ въ столовые и идутъ въ нихъ, если ихъ допускаютъ. Этого не было въ 1891-мъ году. Вотъ, напримѣръ, случай, показывающій всю ту степень бѣдности, и недовѣрія къ своимъ силамъ, до которой дошли крестьяне.

Въ деревнѣ Шушминѣ, Чернскаго уѣзда, помѣщица продаетъ крестьянамъ черезъ банкъ землю. Она требуетъ съ нихъ по 10 р. приплаты за десятину, и то разлагая на два срока по 5 рублей, отдавая при томъ имъ землю съ посѣвомъ и по 2 четверти овса на яровой посѣвъ. И при этихъ поразительно выгодныхъ условіяхъ крестьяне медлятъ и ничего не предпринимаютъ.

Такъ что отвѣтъ мой на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что причины того положенія, въ которомъ находятся крестьяне:—потеряли бодрость, увѣренность въ своихъ силахъ, надежду на улучшеніе своего положенія,—пали духомъ.

Отвѣтъ же на третій вопросъ: какъ помочь бѣдственному положенію?—вытекаетъ изъ этого второго отвѣта. Для того, чтобы помочь крестьянству, нужно одно: поднять его духъ, устранить все то, что его подавляетъ.

Подавляетъ же духъ народа непризнаніе въ немъ тѣмъ, которые управляютъ имъ, его человѣческаго достоинства, признаніе крестьянина не человѣкомъ, какъ всѣ, а грубымъ, неразумнымъ существомъ, которое должно быть опекаемо и руководимо во всякомъ дѣлѣ, и, вслѣдствіе этого, подъ видомъ заботы

о немъ, полное стѣсненіе его свободы и уничтоженіе его личности.

Такъ, въ самомъ важномъ религіозномъ отношеніи каждый крестьянинъ не чувствуетъ себя свободнымъ членомъ своей церкви, свободно избравшимъ, или по крайней мѣрѣ свободно признавшимъ исповѣдуемую имъ вѣру, а работъ этой церкви, обязаннымъ безпрекословно исполнять тѣ требованія, которыя ему предписаны его религіозными начальниками, присланными къ нему и поставленными независимо отъ его желанія или выбора. То, что это есть важная причина подавленнаго состоянія народа, подтверждаетъ то, что всегда, вездѣ, какъ только крестьяне освобождались отъ деспотизма церковнаго, впадая, какъ это называется, въ секту, такъ тотчасъ же поднимается духъ этого народа, тотчасъ же, безъ исключенія, устанавливалось и экономическое благосостояніе его.

Другое губительное для народа проявленіе этой заботы о немъ есть исключительные законы для крестьянства, сводящіеся въ дѣйствительности къ отсутствію всякихъ законовъ и полному произволу приставленныхъ къ управленію крестьянами чиновниковъ.

Для крестьянъ номинально существуютъ какіе-то особенные законы и по владѣнію землею, и по дѣлежамъ, и по наслѣдству, и по всѣмъ обязанностямъ его, а въ дѣйствительности же есть какая-то невообразимая каша крестьянскихъ положеній, разъясненій, обычнаго права, кассационныхъ рѣшеній и т. п., вслѣдствіе которыхъ крестьяне совершенно чувствуютъ себя въ полной зависимости отъ произвола своихъ безчисленныхъ начальниковъ.

Начальниками же своими крестьянинъ признаетъ, кромѣ сотскаго, старосты, старшины и писаря, и урядника и становаго, и исправника, и страхового агента, и землемѣра, и посредника по размежеванію, и ветеринара, и его фельдшера, и доктора, и священника, и судью, и слѣдователя, и всякаго чиновника, и даже помѣщика, всякаго господина, потому что по опыту знаетъ, что всякій такой господинъ можетъ сдѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Больше же всего подавляетъ духъ народа, хотя это не видно, то постыдное, разумѣется не для жертвъ его, а для участниковъ и попустителей его,—истязаніе розгами, которое, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ каждымъ крестьяниномъ.

Такъ что на три поставленные въ началѣ вопроса: есть ли голодъ или нѣтъ голода? Отчего происходитъ нужда народа? И что

нужно сдѣлать, чтобы помочь этой нуждѣ?—Отвѣты мои слѣдующіе: Голода нѣтъ, а есть хроническое недоѣданіе всего населенія, которое продолжается уже 20 лѣтъ, и все усиливается, и которое особенно чувствительно нынѣшній годъ при дурномъ прошлогоднемъ урожаѣ, и которое будетъ еще хуже прошлогодняго. Голода нѣтъ, но есть положеніе гораздо худшее. Все равно, какъ бы врачъ, у котораго спросили,—есть ли у больного тифъ, отвѣтили бы: тифа нѣтъ, а есть быстро усиливающаяся чахотка.

На второй же вопросъ отвѣтъ мой состоитъ въ томъ, что причина бѣдственности положенія народа не матеріальная, а духовная, что причина главная—упадокъ его духа, такъ что пока народъ не поднимется духомъ, до тѣхъ поръ не помогутъ ему никакія внѣшнія мѣры, ни министерство земледѣлія и всѣ его выдумки, ни выставки, ни сельскохозяйственныя школы, ни измѣненіе тарифовъ, ни освобожденіе отъ выкупныхъ платежей (которое давно пора бы сдѣлать, такъ какъ крестьяне давно переплатили то, что заняли, если считать, по теперь употребительному проценту), ни снятіе пошлинъ съ желѣза и машинъ, ни столь любимыя теперь и выставляемыя несомнѣннымъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней—приходскія школы,—ничто не поможетъ народу, если его состояніе духа останется то же. Я не говорю, чтобы всѣ эти мѣры не были полезны, но онѣ дѣлаются полезными только тогда, когда народъ поднимается духомъ и сознательно, и свободно захочетъ воспользоваться ими.

Отвѣтъ же мой на третій вопросъ,—какъ сдѣлать, чтобы нужда эта не повторялась,—состоитъ въ томъ, что для этого нужно, не говорю уже уважать, а перестать презирать, оскорблять народъ обращеніемъ съ нимъ, какъ съ животнымъ, нужно дать ему свободу исповѣданья, нужно подчинить его общимъ, а не исключительнымъ законамъ, а не произволу земскихъ начальниковъ; нужно дать ему свободу ученья, свободу чтенья, свободу передвиженія и, главное, снять то позорное клеймо, которое лежитъ на прошломъ и теперешнемъ—разрѣшеніе дикаго истязанія, сѣченія взрослыхъ людей только потому, что они числятся въ сословіи крестьянъ.

Если бъ мнѣ сказали: вотъ ты хочешь добра народу,—выбери одно изъ двухъ: дать ли всему разоренному народу на дворъ по 3 лошади, по 2 коровы и по 3 навозныя десятины, и по каменному дому, или только свободу вѣроисповѣданья, обученья, пере-

движенія и уничтоженіе всѣхъ специальныхъ законовъ для крестьянъ, то, не колеблясь, я выбралъ бы второе, потому что убѣжденъ, что какими бы матеріальными благами ни одѣлать крестьянъ, если только они останутся съ тѣмъ же духовенствомъ, тѣми же приходскими школами, тѣми же казенными кабаками, той же арміей чиновниковъ, мнимо озабоченныхъ ихъ благосостояніемъ, то они черезъ 20 лѣтъ опять проживутъ все и останутся такими же бѣдными, какими были. Если же освободить крестьянъ отъ всѣхъ тѣхъ путей и униженій, которыми они связаны, то черезъ 20 лѣтъ они пріобрѣтутъ всѣ тѣ богатства, которыми мы бы желали наградить ихъ и гораздо еще больше того.

Думаю же я, что это будетъ такъ, во-первыхъ, потому, что я всегда находилъ и больше разума, и настоящаго знанія, нужнаго людямъ, среди крестьянъ, чѣмъ среди чиновниковъ, и потому думаю, что крестьяне сами скорѣе и лучше обдумаютъ, что для нихъ нужнѣе; во-вторыхъ, потому, что крестьяне, тѣ самые, о благѣ которыхъ идетъ забота, лучше знаютъ, въ чемъ она состоитъ, чѣмъ чиновники, озабоченные преимущественно полученіемъ жалованья, и, въ-третьихъ, потому, что опытъ жизни постоянно и безошибочно показываетъ, что, чѣмъ больше крестьяне подвергаются вліянію чиновниковъ, какъ это происходитъ въ центрахъ, тѣмъ больше они бѣднѣютъ и, напротивъ, чѣмъ дальше крестьяне живутъ отъ чиновниковъ, какъ, напримѣръ, въ Сибири, въ Самарской, Оренбургской, Вятской, Вологодской, Олонецкой губерніяхъ, — тѣмъ больше, безъ исключенія, они благоденствуютъ.

Вотъ тѣ мысли и чувства, которыя вызывало во мнѣ новое сближеніе съ крестьянской нуждой, и я счелъ своею обязанностью высказать ихъ для того, чтобы люди искренніе, дѣйствительно желающіе отплатить народу за все то, что мы получали и получаемъ отъ него, не тратили бы даромъ свои силы на дѣятельность второстепенную и часто ложную, а всѣ силы свои употребили бы на то, безъ чего никакая помощь не будетъ дѣйствительною—на уничтоженіе всего того, что подавляетъ духъ народа и на восстановленіе всего того, что можетъ поднять его.

26 мая 1898 г.

Прежде чѣмъ отсылать эту статью, я рѣшилъ съѣздить еще въ Ефремовскій уѣздъ, о бѣдственномъ состояніи нѣкоторыхъ мѣстностей котораго я слышалъ отъ лицъ, внушающихъ полное довѣріе.

По пути къ этой мѣстности мнѣ пришлось проѣхать во всю длину весь Чернскій уѣздъ. Ржи въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, т. е. въ сѣверной части Чернскаго и Мценскаго уѣздовъ, въ нынѣшнемъ году чрезвычайно плохи, хуже прошлогоднихъ, но то, что я увидалъ по пути къ Ефремовскому уѣзду, превзошло мои самыя мрачныя предположенія.

Мѣстности, которыя я проѣхалъ—около 35 верстъ въ длину—отъ Гремячево до границъ Ефремовскаго и Богородицкаго уѣздовъ и въ ширину, какъ мнѣ говорили,—верстъ на 20,—ожидаетъ и въ будущемъ году ужасное бѣдствіе. Рожь на пространствѣ этого четырехугольника почти въ 100 тысячъ десятинъ—пропала совершенно. Ёдешь версту, двѣ, десять, двадцать и по обѣимъ сторонамъ дороги на помѣщичьихъ земляхъ, вмѣсто ржи сплошная лебеда, на крестьянскихъ—нѣтъ даже и лебеды. Такъ что къ будущему году положеніе крестьянъ этой мѣстности (также, какъ мнѣ говорили, пропала рожь и во многихъ другихъ мѣстахъ),—будетъ несравненно хуже нынѣшняго.

Говорю о положеніи только крестьянъ, а не вообще землевладѣльцевъ, потому что только для крестьянъ прямо, непосредственно кормящихся своимъ хлѣбомъ и именно ржанымъ полемъ, урожай ржи имѣетъ рѣшающее значеніе и вопросъ жизни и смерти.

Какъ только у крестьянина не хватаетъ своего хлѣба на весь обиходъ или на большую часть его, и хлѣбъ дорогъ, какъ нынѣшній годъ (около рубля)—такъ положеніе его угрожаетъ сдѣлаться отчаяннымъ, подобно положенію, скажемъ, чиновника, лишившагося мѣста и жалованія и продолжающаго кормить свою семью въ городѣ.

Чиновнику безъ жалованія, для того, чтобы существовать, нужно тратить или запасы или продавать вещи, и каждый день жизни приближаетъ его къ полной гибели, точно также крестьянина, принужденнаго покупать дорогой хлѣбъ свѣше обычнаго,

обезпеченнаго опредѣленнымъ заработкомъ количества, съ той разницей, что, спускаясь ниже и ниже, чиновникъ, пока онъ живъ, не лишается возможности получить мѣсто и возстановить свое положеніе, крестьянинъ же, лишаясь лошади, поля, сѣмянъ, лишается окончательно возможности поправиться.

Въ такомъ угрожающемъ погибелью положеніи находится большинство крестьянъ здѣшней мѣстности. Но въ будущемъ году положеніе это будетъ не только угрожающимъ, но для большинства наступитъ самая погибель.

И потому помощь, какъ правительственная, такъ и частная, будутъ въ будущемъ году настоятельно необходимы. А между тѣмъ именно теперь, какъ въ нашей Тульской губ., такъ и въ Орловской, Рязанской и другихъ губерніяхъ, принимаются самыя энергическія мѣры для противодѣйствія частной помощи во всѣхъ ея видахъ. И какъ видно, мѣры общія, постоянныя. Такъ, въ тотъ Ефремовскій уѣздъ, куда я направлялся, совершенно не допускаются постороннія лица для помощи нуждающимся. Устроенная тамъ пекарня лицомъ, пріѣхавшимъ съ пожертвованіями отъ Вольнаго Экономическаго Общества, была закрыта, само лицо выслано и также высланы прежде пріѣзжавшія лица. Считается, что нужды въ этомъ уѣздѣ нѣтъ и что помощь не нужна въ немъ. Такъ что, хотя и по личнымъ причинамъ я не могъ исполнить своего намѣренія и проѣхать въ Ефремовскій уѣздъ, поѣздка моя туда была бы бесполезна или произвела бы ненужныя осложненія.

Въ Чернскомъ же уѣздѣ за это время моего отсутствія, по рассказамъ пріѣхавшаго оттуда моего сына, произошло слѣдующее: полицейскія власти, пріѣхавъ въ деревню, гдѣ были столовые, запретили крестьянамъ ходить въ нихъ обѣдать и ужинать; для вѣрности же исполненія тѣ столы, на которыхъ обѣдали, разломали и спокойно уѣхали, не замѣнивъ для голодныхъ отнятый у нихъ кусокъ хлѣба ничѣмъ, кромѣ требованія безропотнаго повиновенія. Трудно себѣ представить, что происходитъ въ головахъ и сердцахъ людей, подвергшихся этому запрещенію и всѣхъ тѣхъ людей, которые узнали про него. Еще труднѣе, для меня, по крайней мѣрѣ, представить себѣ, что происходитъ въ головахъ и сердцахъ другихъ—тѣхъ людей, которые считают нужнымъ предписывать такія мѣропріятія и исполнять ихъ, т. е. во истину не зная, что творятъ—отнимать изо рта хлѣбъ милостыни у голодныхъ, больныхъ, старыхъ и дѣтей... Я знаю тѣ соображенія, ко-

торыя выставляются въ защиту такихъ мѣропріятій: во-первыхъ, надо доказать, что положеніе ввѣреннаго нашему управленію населенія не такъ дурно, какъ это хотятъ выставить люди противной намъ партіи; во-вторыхъ, всякое учрежденіе (а столовые и пекарни—это учрежденія) должно быть подчинено контролю правительства, хотя въ 1891 и 1892 г.г. такого подчиненія не было; въ третьихъ, прямое и близкое отношеніе людей, помогающихъ населенію, можетъ вызвать въ немъ нежелательныя мысли и чувства. Но вѣдь всѣ эти соображенія, если бы они и были справедливы,—а они всѣ ложны—такъ мелочны и ничтожны, что не могутъ имѣть никакого значенія въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается столовыми или пекарнями, раздающими хлѣбъ нуждающимся.

Все дѣло, вѣдь, состоитъ въ слѣдующемъ: есть люди,—не будемъ говорить умирающіе, но страдающіе отъ нужды; есть другіе, живущіе въ избыткѣ и по добродушному чувству отдающіе этимъ людямъ свой излишекъ; есть третьи, желающіе быть посредниками между первыми и вторыми и на это отдающіе свой трудъ.

Неужели такія дѣятельности могутъ быть для кого-нибудь вредными и можетъ входить въ обязанность правительства противодѣйствовать имъ?

Я понимаю, что солдатъ-сторожъ въ Боровицкихъ воротахъ, когда я хотѣлъ подать нищему, воспретилъ мнѣ это, и не обратилъ никакого вниманія на мое указаніе на Евангеліе, спросивъ меня, читалъ ли я воинскій уставъ, но правительственное учрежденіе не можетъ игнорировать Евангеліе и требованій самой первобытной нравственности, т. е. того, чтобы люди людямъ помогали. Правительство, напротивъ, только затѣмъ и существуетъ, чтобы устранить все то, что мѣшаетъ этой помощи.

Такъ что правительство не имѣетъ никакого основанія для противодѣйствія такой дѣятельности. Если же ложно направленные органы правительства и требовали бы подчиненія такому воспрещенію, частный человѣкъ обязанъ не подчиняться такому требованію.

Когда пріѣзжавшій къ намъ становой приставъ сказалъ, что что же мнѣ стоитъ обратиться къ губернатору съ просьбой о разрѣшеніи устройства столовыхъ, я отвѣтилъ ему, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ не знаю такого законоположенія, которымъ запрещалось бы устройство столовыхъ; если же и было бы тако-

вое, то я не могъ бы подчиниться ему, потому что, подчинившись такому законоположенію, я завтра могъ бы быть поставленъ въ необходимость подчиниться запрещенію выдачи муки, подачи милостыни безъ разрѣшенія правительства. Право же подавать милостыню установлено самою Высшею властью и никакая другая власть не можетъ отмѣнить его.

Можно закрыть столовые, пекарни, выслать изъ одного уѣзда въ другой тѣхъ людей, которые пріѣхали помогать населенію, но нельзя воспрепятствовать этимъ высланнымъ изъ одного уѣзда людямъ жить въ какомъ-нибудь другомъ, у своихъ знакомыхъ или въ крестьянской избѣ и служить народу какими-либо другими способами, отдавая точно также на служеніе ему свои средства и труды. Нельзя отгородить одинъ классъ народа отъ другого. Всякая же попытка такого отгораживанія приносить тѣ самыя послѣдствія, которыя этимъ отгораживаніемъ желательно было избѣгнуть.

Воспрепятствовать общенію людей нельзя, можно только нарушить правильное теченіе этого общенія, и тамъ, гдѣ бы оно было благотворно, дать ему вредное направленіе. Помочь предстоящему, какъ и всякому человѣческому бѣдствію можетъ только духовный подъемъ народа (я разумѣю подъ народомъ не одно крестьянство, но весь народъ, какъ рабочіе, такъ и богатые классы); подъемъ же народа бываетъ только въ одномъ направленіи: въ большемъ и большемъ братскомъ единеніи людей и потому для помощи народу надо поощрять это единеніе, а не препятствовать ему. Только такимъ большимъ, чѣмъ прежнее, братскимъ единеніемъ людей не только покроется и нынѣшнее, и ожидаемое бѣдствіе будущаго года, но и поднимется общее благосостояніе все упадающаго и упадающаго крестьянства и предотвратится повтореніе бѣдствій 91, 92 и нынѣшняго годовъ.

II.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО.

Воспоминанія и другіе матеріалы.

1873.

ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО.

Графиня Александръ Андреевичъ Толстой.

30 іюля 1873 г.

Посылаю вамъ длинную копію съ письма моего въ газеты о самарскомъ голодѣ и приписку жены. Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что среди совсѣмъ другихъ—въ другой сферѣ—интересовъ и очень близкихъ вашему сердцу, вы, получивъ мой пакетъ, скажете въ душѣ: «Ахъ, что они не оставятъ меня въ покоѣ!» Но прочтя всё и не подумавъ, а почувствовавъ, вы, какъ добрая лошадь, вляжете въ хомутъ и только скажете: «Ну, куда везти? Сколько васъ тамъ? Я готова». Тогда-то на эту вашу готовность я такъ отвѣчаю вамъ, любезный и дорогой другъ Alexandrine:

Я написалъ въ газеты съ свойственнымъ мнѣ неумѣніемъ писать статьи, очень холодное, неуклюжее письмо и отъ страха полемики представилъ дѣло менѣе страшнымъ, чѣмъ оно есть, и написалъ кое-кому своимъ друзьямъ, чтобы подвинуть дѣло, но боюсь, что оно не пойдетъ или пойдетъ туго, и прибѣгаю къ вамъ. Если вы захотите и можете заинтересовать сильныхъ и добрыхъ міра сего, которые, къ счастью, одни и тѣ же, то дѣло пойдетъ, и тогда и моя, и ваша радость въ успѣхѣхъ будутъ такими ничтожными песчинками въ томъ огромномъ добрѣ, которое сдѣлается для тысячъ людей, что мы объ немъ и не подумаемъ. Я не люблю писать жалостливо, но я 45 лѣтъ живу на свѣтѣ и ничего подобного не видалъ и не думалъ, чтобы могло быть. Когда же живо представишь себѣ, что будетъ зимою, то волосъ дыбомъ становится. Сейчасъ—уже письмо написано было,—мы узнали, что заболѣлъ холериной молодой мужикъ-жнецъ. Ъсть нечего, кромѣ дурного черного хлѣба, и если бы это не было около насъ, то очень

можетъ быть, что этотъ человѣкъ бы умеръ отъ недостатка хорошей пищи для ослабѣвшаго желудка. Особенно поразительно и жалко для того, кто умѣетъ понимать эту терпѣливость и скромность страданія русскаго человѣка—спокойствіе, покорность. Нѣтъ хорошей пищи, такъ и нечего жаловаться. Умереть—воля Божія. Точно не овцы, но добрые сильные волы выпаживаютъ свою борозду. Упадутъ—ихъ оттащутъ; другіе потянутъ.

Едва ли вы меня поймете и, вѣроятно, вамъ оскорбительно покажется это сравненіе. Вы всегда жили въ такомъ мірѣ, гдѣ есть уродства, безобразія физическія и нравственныя, страданія преимущественно духовныя,—но гдѣ нѣтъ мѣста просто лишенію физическому. Ваши Магдалины очень жалки, я знаю; но жалость къ нимъ, какъ и ко всѣмъ страданіямъ души, болѣе умственная, сердечная, если хотите; но людей простыхъ, хорошихъ, здоровыхъ физически и нравственно, когда они страдаютъ отъ лишеній, жалко всѣмъ существомъ,—совѣстно и больно быть человѣкомъ, глядя на ихъ страданія. Такъ вотъ въ ваши руки это важное и близкое нашему сердцу дѣло.—Впередъ благодарю васъ за все, что вы сдѣлаете.

Благодарю васъ за послѣднее письмо. Сочувствую всей душой вашимъ волненіямъ и желаю Вамъ счастья.

Вашъ истинный и старый другъ *Л. Толстой*.

ГРАФИНЯ С. А. ТОЛСТАЯ ВЪ 1873 Г.

Биографъ Л. Н. Толстого П. И. Бирюковъ особо отмѣчаетъ участіе въ выступленіи Л. Н. Толстого въ 1873 г. графини С. А. Толстой и приводитъ ея собственное свидѣтельство объ этомъ, какъ его передаетъ г. Левенфельдъ:

— Вамъ извѣстно «письмо» о самарскомъ голодѣ,—сказала графиня.—Эту заслугу я сполна приписываю себѣ. Мы жили тогда, можно сказать, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и вели совершенно замкнутый образъ жизни, посвященный исключительно поправленію здоровья моего мужа. У насъ было время наблюдать жизнь народа, и мы пришли къ убѣжденію, что неурожай и сравнительно многочисленное населеніе этой мѣстности должны были привести къ ужасному бѣдствію. Я убѣдила мужа основательно заняться этимъ вопросомъ. Онъ предпринялъ статистическое изслѣдованіе всей мѣстности, записывалъ число крестьянскихъ хатъ, число ѣдоковъ въ каждой хатѣ и количество имѣющагося хлѣба. Это изслѣдованіе показало, что на каждую душу его приходилось такъ мало, что голодъ былъ неизбеженъ. Тогда-то онъ и опубликовалъ свое «письмо». Императрица дала первыя деньги, хотя въ правительственныхъ кружкахъ и очень недоброжелательно смотрѣли на это опубликованіе, потому что оно говорило не въ пользу мѣстнаго управленія, но послѣ того, какъ первая женщина въ странѣ внесла свою лепту, пожертвованія полились тысячами. *)

*) Р. Левенфельдъ „Разговоры съ Толстымъ о Толстомъ“.

ВЪ ГОЛОДОВКУ 1873—74.

Пишущему эти строки за время своей жизни въ Самарѣ пришлось познакомиться съ одной весьма интересной рукописью, хранящейся въ архивѣ самарской губернской земской управы съ такимъ заглавіемъ: «Исторія Самарскаго голода 1872—1874 годовъ. Записка, составленная дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Анучинымъ, по порученію самарскаго губернскаго собранія».

«Записка» эта представляетъ собою огромный фоліантъ,—около 1000 страницъ,—и заключаетъ въ себѣ подробное и обстоятельное описаніе голодовки, поразившей населеніе самарской губерніи въ началѣ 70-хъ годовъ. Авторъ записки Е. Н. Анучинъ, занимавшій въ то время должность управляющаго самарской казенной палатой и секретаря статистическаго комитета, извѣстенъ за человѣка весьма интеллигентнаго, съ солидной научной подготовкой и прекрасно знакомаго съ условіями экономической жизни Самарскаго края.

Русское общество хорошо помнитъ то живое и активное участіе, которое проявилъ знаменитый писатель въ борьбѣ съ голодовкой 1891—1892 годовъ. Многіе также навѣрное помнятъ то, что было сдѣлано Толстымъ въ послѣдніе голодовки 1897—1899 годовъ. Но въ обществѣ почти совсѣмъ неизвѣстна та роль, которую пришлось сыграть графу Л. Н. Толстому во время голодовки 1872—1873 года. Въ виду этого, мы полагаемъ, будетъ не безъинтересно привести здѣсь извлеченія изъ рукописи, рисующія отношеніе Льва Николаевича къ самарскому голоду начала 70-хъ годовъ, тѣмъ болѣе, что эпизодъ этотъ относится еще къ тому періоду жизни великаго писателя, который можно назвать періодомъ «Анны Карениной» и который многими почему-то рѣзко противопоставляется позднѣйшему періоду дѣятельности графа Тол-

стого, какъ извѣстно, отмѣченному глубокимъ сочувствіемъ къ народнымъ нуждамъ и интересамъ.

Голодовка 1872—1873 года представляла крупныя особенности сравнительно съ другими подобнаго рода бѣдствіями, такъ какъ это была едва ли не первая значительная голодовка со времени введенія земскихъ учреждений въ Россіи. Благодаря этому обстоятельству, она не могла пройти такъ безслѣдно, подъ шумокъ, какъ обыкновенно проходили подобныя голодовки ранѣе, когда продовольственное дѣло находилось всецѣло въ рукахъ чиновниковъ и разныхъ «приказовъ» чисто бюрократическаго характера и когда печать почти не имѣла возможности касаться такого рода явленій.

«Пресса,—говоритъ авторъ записки Е. Н. Анучинъ,—сослужила въ самарскомъ голодѣ (1872 года) великую службу, разомъ заставивъ всѣхъ вострепнуться и вызвавъ массу пожертвованій». И главная заслуга въ этомъ принадлежитъ по всѣмъ правамъ графу Л. Н. Толстому, который первый обратилъ вниманіе общества на то печальное положеніе, до котораго дошло тогда крестьянское населеніе самарской губерніи подъ вліяніемъ трехлѣтнихъ неурожаевъ.

Корреспонденція Толстого была напечатана въ № 207 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1873-й годъ, отъ 15 августа. Значеніе этой корреспонденціи и впечатлѣніе, произведенное ею на общество, авторъ записки описываетъ слѣдующимъ образомъ: «До корреспонденціи графа Л. Н. Толстого, никому и ничего внѣ самарской губерніи не было извѣстно, что въ ней происходитъ. Даже есть основаніе предполагать и больше, что и въ самой-то самарской губерніи многіе ничего не знали, или не хотѣли знать, что въ ней дѣлается и что ожидаетъ ея населеніе. Корреспонденція графа Толстого была громомъ, заставившимъ всѣхъ перекреститься».

Вслѣдъ за этимъ авторъ записки приводитъ извлеченіе изъ корреспонденціи Льва Николаевича.

Обращаясь къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей» графъ Толстой писалъ: «Надѣюсь, что вы не откажете дать мѣсто моему письму въ вашей газетѣ. О томъ, какъ собирать подписку и кому поручить распредѣленіе, вы знаете лучше меня, и я увѣренъ, что вы не откажете помочь этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ». На этотъ разъ Левъ Николаевичъ не ошибся въ своей надеждѣ на редактора «Московскихъ Вѣдомостей»: послѣдній не только напе-

чаталь его корреспонденцію, но и открылъ при газетѣ подписку въ пользу голодающихъ крестьянъ самарской губерніи. Очевидно тогдашній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» (Катковъ) отнесся нѣсколько иначе къ бѣдствіямъ, поражающимъ народъ, чѣмъ теперешніе заправилы этой газеты... [писано въ 1902 г.]

Яркая картина положенія самарскаго населенія, нарисованная рукою гениальнаго художника, «обратившагося на этотъ разъ въ статистика», произвела сильное и глубокое впечатлѣніе на русское общество. Возникла мысль возможно скорѣе придти на помощь голодающимъ.

Особенно горячо отнеслись къ этому дѣлу русскія интеллигентныя женщины. Такъ называемые «дамскіе комитеты» Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ съ необыкновенной ревностью принялись за сборъ пожертвованій. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Петербургѣ, Казани, Ригѣ и друг., образовались временные комитеты съ спеціальной цѣлью сбора пожертвованій для самарской губерніи. Особенно много сдѣлалъ петербургскій временный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ извѣстной общественной дѣятельницы того времени, Ан. Павл. Filosoфовой.

18 сентября въ самарскую губернскую земскую управу поступило первое пожертвованіе въ 2300 руб. отъ Московской университетской типографіи, находившейся въ то время, какъ извѣстно, въ арендномъ содержаніи редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Затѣмъ пожертвованія полились со всѣхъ сторонъ, возрастая съ каждымъ мѣсяцемъ.

Такъ, въ сентябрѣ было получено 4.980 руб., въ октябрѣ—7.505 руб., въ ноябрѣ—94.949 руб., въ декабрѣ—384.430 руб. Съ января мѣсяца 1874 года сумма ежемѣсячныхъ пожертвованій начинается постепенно и мало-по-малу убывать, а именно: въ январѣ было получено 236.956 руб., въ февралѣ—116.705 руб., мартѣ—70.273 руб., апрѣлѣ—46.004 руб., маѣ—33.814 руб., іюнѣ—24.374 руб., іюль—18.480 руб. и въ августѣ мѣсяцѣ—3.612 руб.

Пожертвованія продолжали поступать и послѣ, до 1876 года. Всего такимъ образомъ поступило въ губернскую земскую управу свыше 1 милліона рублей. Первое мѣсто въ этихъ пожертвованіяхъ принадлежитъ земствамъ другихъ губерній, приславшимъ 260.378 руб., *) затѣмъ городскимъ обществамъ, пожертвовав-

*) Такъ, напримѣръ курское губернское земство ассигновало въ пользу голодающихъ самарцевъ 50 тысячъ рублей, московское, симбир-

шимъ 120.300 руб. *) затѣмъ отъ 8 частныхъ лицъ, жертвовавшихъ не менѣе 1000 руб., получено 18.106 руб., отъ жителей Финляндіи 13.479 руб., отъ русскихъ, живущихъ въ Ниццѣ 5.871 руб., отъ трехъ кредитныхъ учреждений 13.295 руб., отъ двухъ клубовъ 2.000 руб., отъ менонитовъ таврической губерніи 2.232 руб. и т. д.

Но, кромѣ губернской земской управы, пожертвованія направлялись и въ другія учрежденія, а также на имя разныхъ должностныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ Самарѣ: такъ, напримѣръ, самарскому губернатору было прислано 137.631 руб., губернскому предводителю дворянства—14.410 руб., епархіальному начальству—102.556 руб., Григорію Сергѣевичу Аксакову—58.786 руб., А. Ф. Духинову—15.105 руб., дамамъ самарскаго купеческаго общества—7.812 руб. и т. д. Затѣмъ самарскій дамскій комитетъ получилъ отъ центрального управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, мѣстныхъ учреждений этого общества, а также разныхъ другихъ обществъ, учреждений и частныхъ лицъ 497.985 рублей.

Всего же частныхъ пожертвованій въ пользу населенія самарской губерніи въ голодовку 1873—1874 года было получено до 1.867.000 рублей деньгами и хлѣбомъ до 21 тыс. пудовъ. Приведя эти цифры, авторъ записки госп. Анучинъ справедливо замѣчаетъ, что «едва-ли у насъ въ Россіи это не первый примѣръ развитія частной благотворительности при подобномъ бѣдствіи до такихъ широкихъ размѣровъ».

Такимъ образомъ, изъ работы г. Анучина мы узнаемъ, что графу Л. Н. Толстому пришлось сыграть въ высшей степени важную роль въ голодовку 1873—1874 года. Стоя всегда очень близко къ народной массѣ, легко сходясь съ народомъ, онъ не могъ не замѣтить тяжелаго, критическаго положенія крестьянъ той округи, въ которой ему пришлось побывать лѣтомъ 1873 года (патровская волость, бузул. уѣзда). И вотъ онъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ по степнымъ деревнямъ и селамъ, съ цѣлью лично ознакомиться съ размѣрами и степенью нужды.

Поразительная наблюдательность, которой всегда отличался талантъ графа Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ,

ское, воронежское и тульское по 25,000 руб. каждое, тамбовское—15,000 р. пермское—13,000 и т. д.

*) Изъ нихъ московское и с.-петербургское городскія общества пожертвовали по 50,000 руб. каждое.

его способность схватить своимъ перомъ наиболѣе существенныя, хотя нерѣдко замаскированныя черты и особенности того или другого жизненнаго явленія—ярко сказались и въ его корреспонденціи, посвященной описанію экономическаго положенія самарскихъ крестьянъ. Благодаря этому въ сравнительно небольшой корреспонденціи предъ нами наглядно рисуется положеніе разныхъ слоевъ крестьянскаго населенія, картинно и отчетливо изображается вліяніе, которое оказали трехлѣтніе неурожаи на хозяйство каждого изъ этихъ слоевъ.

Здѣсь, кстати, будетъ отмѣтить весьма существенное указаніе, сдѣланное графомъ Толстымъ въ его корреспонденціи относительно существованія въ народѣ разныхъ слоевъ населенія, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія. Такимъ образомъ, уже въ то время графъ Толстой подмѣтилъ то явленіе народной жизни, которое на современномъ жаргонѣ называется теперь «разслоеніемъ деревни».

Но всѣмъ этимъ не ограничивается дѣятельность Толстого на пользу населенія, пострадавшаго отъ неурожая, такъ какъ во время своего пребыванія въ бузулукскомъ уѣздѣ въ 1873 году Левъ Николаевичъ принималъ личное, непосредственное участіе въ оказаніи помощи голодающимъ.

Когда въ 1881 году намъ пришлось посѣтить бузулукскій уѣздъ, то отъ крестьянъ патровской волости мы слышали много разсказовъ о сердечной заботливости, которую проявлялъ графъ Толстой, живя среди нихъ во время голодовки 1873 года, какъ онъ лично обходилъ наиболѣе нуждающіеся крестьянскіе дворы, съ какимъ вниманіемъ входилъ онъ въ ихъ интересы и нужды, какъ онъ помогалъ бѣднякамъ, снабжая ихъ хлѣбомъ и деньгами, какъ онъ давалъ средства на покупку лошадей и т. д. Воспоминаніе объ этой дѣятельности знаменитаго писателя и до сихъ поръ еще сохраняется въ средѣ крестьянскаго населенія Патровки, Гавриловки, Землянокъ и другихъ селъ того района.

А. Пругавинъ.

ТѢНЬ ТОЛСТОГО.

При закатѣ солнца въ степи отъ возвышенныхъ предметовъ ложатся по равнинамъ громадныя тѣни. Идетъ человѣкъ по взлобинѣ холма, по краю горизонта, задумался и не замѣчаетъ, что рядомъ съ нимъ гигантскими шагами безшумно идетъ многоверстная тѣнь, качаетъ руками по полямъ и балкамъ.

И все время, пока я ѣздилъ по покровской и патровской волостямъ, вокругъ бывшаго хутора Л. Н. Толстого, разговаривалъ съ мужиками, мнѣ все время казалось, что надъ этимъ краемъ по степнымъ долинамъ и холмамъ Общаго Сырта легла большая, тихая тѣнь великаго человѣка.

Самъ-то онъ такой маленькій, *тѣлесно маленькій*, прошелъ гдѣ-то далеко по горизонту молчаливый, задумчивый и *простой*: въ башкирскомъ полосатомъ кафтанѣ, съ палочкой... Графъ, а въ полосатомъ кафтанѣ! Прошелъ далекій и непонятный, но тѣнь его упала на всѣхъ, тихая, любовная, одѣла многія села: Покровку, Гавриловку, Патровку...

— Ъду я по тракту... Молодой еще былъ тогда. Догоняю,—старичекъ идетъ. Не то, чтобы старичекъ, а ужъ сѣдина въ бородаѣ появилась, дѣдушкой не грѣхъ назвать. Идетъ съ палочкой, въ башкирскомъ халатѣ, въ войлочной шапочкѣ. Говорю: «Садись, дѣдушка, подвезу». Сѣлъ. Разговорились. Куда я ѣздилъ, да зачѣмъ, да какъ живу. Доѣхали насупротивъ графскаго хутора. Слѣзъ онъ, поблагодарилъ. Спрашиваю: «Чей же ты, дѣдушка, будешь?»—«Да я, говорить, вотъ съ этого хутора».—«Кто же ты такой будешь?»—«Я, говорить, графъ Левъ Толстовъ»...

Послѣ этихъ словъ наступило молчаніе. Особенно значительное, вдумчивое молчаніе. Какъ будто смыслъ этихъ послѣднихъ словъ такъ ужъ великъ, что для того, чтобы понять ихъ, усвоить,—нужно *молчать*, не тѣснить другими маленькими словами съ ма-

ленькимъ смысломъ. И послѣ молчанія, болѣ тихимъ голосомъ онъ повторилъ, какъ бы закрѣпилъ:

— Я, говорить, самъ графъ Левъ Толстовъ...

Этого самъ, конечно, не было. Не было, можетъ быть, и слова *графъ*. Но кто же разубѣдитъ покровскаго ямщика Карташова, что Толстой не сказалъ: «Я самъ графъ Левъ Толстовъ?» Карташовъ чувствуетъ, что онъ *имѣлъ право* такъ сказать. Значить, и сказалъ. Давно было это. Карташовъ и не помнитъ въ точности, когда именно это было. Начали они съ другимъ собесѣдникомъ припоминать времена и лѣта.

— Когда у насъ церковь перестраивали...

— Нѣтъ,—раньше, тогда еще отецъ мой, покойникъ, живъ былъ...

Да такъ и не припомнили. Произошло это внѣ всякой связи съ мужицкой жизнью, не прицѣпилось ни къ одному изъ памятныхъ мужицкихъ событій. И сколько связокъ и пучковъ мужицкихъ событій ни вынимали они изъ кладовыхъ своей памяти, ни въ одинъ изъ этихъ пучковъ Толстой *не попалъ*: всѣ безъ Толстого. Прошелъ онъ вдаль, въ сторонѣ, и вспоминается самъ по себѣ, внѣ всякой связи съ цѣпью событій деревенской жизни. Ужъ на что, кажется, ничтоженъ и малъ этотъ случай, но Карташову онъ вспоминается до мелочей:

— Какъ живого его вижу!..

И какъ онъ говоритъ, и какая у него была борода, и какой носъ. («Теперь на карточкахъ ужъ и совсѣмъ не похожій. И лицомъ онъ на карточкахъ строже»). И какъ, помахивая палочкой, пошелъ онъ отъ дороги къ хутору, а Карташовъ глядѣлъ ему вслѣдъ.

Разсказываютъ про Бирюкова, про Бибикова.

— Одинъ разъ къ Бибикову, Лексѣю Лексѣичу, пришли землянскіе мужики Требушковы. Бога-атые мужики. Бибиковъ-то въ тѣ поры имѣнныя графа управлялъ. Пришли они испытать его нацотъ вѣры. «Какой, говорятъ, ты вѣры?!»—«Я вамъ скажу, какой я вѣры. Только вы мнѣ напередъ скажите сами, какой *вы* вѣры!?»—«Что же, говорятъ, это можно. Это, говорятъ, даже очень нетрудно намъ отвѣтить. Мы, извѣстно, какой вѣры:—крестіанской мы вѣры, православной».—«Ха, говоритъ, неужто такая крестіанская вѣра? Неправду вы говорите!»—«Нѣту, говорятъ, истинно такъ, православные мы».—«Вы, спрашиваетъ, пшеницу-то почему

у мужиковъ покупали?»—«По шесть гривенъ!»—«А теперь почему продаете?»—«Да, вѣдь, говорятъ, какъ и всѣ,—по рубль сорокъ».—«Ну, а я, говоритъ, покупалъ по рублю, а теперь по восемь гривенъ продаю. *Вотъ такая моя вѣра*».

Радостно удивленные вздохи, нервный смѣшокъ, подъ которыми чувствуются подавленные слезы умиленія. Нервный и слезливый народъ—мужики!

Разсказали про Бибикова, разскажутъ и про Бирюкова, и про сына Льва Николаича,—«тоже хорошій баринъ, кормилъ насъ». Но развѣ про нихъ говорятъ? Не про Бибикова, не про Бирюкова, и не про сына идетъ тутъ настоящая рѣчь, а все про него же, про графа Льва Толстого. Умиленіе-то и удивленіе—радость и слезы—все къ нему.

Прошелъ онъ далеко, по закатному солнцу, маленькій, тихій и простой. А отъ него упала громадная тѣнь и одѣла всѣхъ: и Бибикова, и Бирюкова... И всѣ, кто вошелъ въ эту тѣнь, всѣ села, на которыя она упала, холмы и долины—всѣ стали значительными, интересными, важными. Не сами по себѣ, а тѣмъ, что въ нихъ осталось отъ Толстого, хотя бы тѣнь одна.

Село Гавриловка (патровской вол., бузулукскаго у., самарской губ.) стоитъ къ хутору ближе другихъ селъ. И тамъ все полно памятью о Л. Н. Толстомъ. Собрались мужики—полная изба. Долго жалуются на голодъ, на несправедливости. На общественныя работы не допущено 67 дворовъ. А многіе изъ нихъ куска хлѣба не имѣютъ.

— Напримѣръ: Михайла Димитричъ Глазуновъ—бѣднѣе его у насъ и въ селѣ нѣтъ, а не допущенъ. Павелъ Баклинъ, только тѣмъ и богатъ, что у него не пять, а два ѣдока. А ѣсть ему нечего, самый бѣдный. Тоже не допущенъ. Петръ Федорычъ Куделькинъ, бросилъ семью на Бога; осталась старуха мать, 80 лѣтъ, три внука. Нѣтъ ни скота, ни хлѣба, курицы нѣтъ, а исключили. Гаврила Шинкинъ—два ѣдока; съ осени была лошадь—продаль, съѣлъ. Исключили. Господи! И гдѣ эта самая справедливость живетъ? Какъ Толстовъ ушелъ отъ насъ, такъ съ тѣхъ поръ мы ее и не видали.

Какъ только попали въ эту тѣнь,—лица у всѣхъ отмякли. Одервянѣвшія въ тяжелыхъ размышленіяхъ фигуры зашевелились живѣе. Вспоминаютъ наперебой.

— Хорошій баринъ былъ. Лошадь али корова на его землю

зайдетъ—уваженъе дѣлалъ, отпускалъ. Если Софья Андревна—возьметъ штрафъ. А коли Льву Николаичу доложить, такъ отпустить.

— Теперь, хрестыанскій банкъ—подай ему деньги. А графъ Толстовъ—пшеничку, овцу, лошадь,—все бралъ и въ цѣну клалъ. Выручалъ. Подъ работу денегъ давалъ. И всѣ отработывали. Ни съ кѣмъ не судился...

— А какъ голодъ—онъ первый!...

— Кабы онъ здѣсь былъ,—развѣ мы голодали бы?

— А у меня вотъ восемь человѣкъ дѣтей!...—выкрикнулъ изъ толпы чей-то тоскующій голосъ.

Было слышно, чувствовалось, что этотъ человѣкъ, полный одной гнетущей мыслью о голодающихъ дѣтяхъ, плохо слушалъ посторонніе разговоры, не понималъ ихъ. Выкрикнулъ, опомнился и спрятался за другихъ.

Николай Федорычъ Чирьевъ служилъ у Толстого въ объѣзди-чикахъ. Ему 65 лѣтъ. Лицо сухое; самъ онъ костистый; характеръ имѣетъ увлекающійся. При воспоминаніи о Толстомъ выцвѣтшіе глаза его лучатся. Вспоминаетъ.

— Въ голодный годъ въ Гавриловкѣ мы съ нимъ десятый дворъ описывали. Ходимъ черезъ девять дворовъ въ десятый и выспрашиваемъ. Потомъ-то онъ все это, говорятъ, описывалъ въ газетахъ... Когда бывалъ у насъ недородъ, мы съ нимъ сидимъ въ кабинетъ, должниковъ перебираемъ. На Гавриловкѣ девять тыщъ долгу. Спрашиваетъ онъ меня объ должникахъ по порядку: «Этотъ, какъ, бѣдный?»—«Бѣдный, говорю, Левъ Николаевичъ». Скотить. «Этотъ какъ, кляузникъ?»—«Безъ суда, говорю, не получить, Левъ Николаевичъ».—«А не получить, такъ и съ костей долой». Переберемъ всѣхъ, оставимъ десятую часть... Въ голодный годъ великую помощь народу оказывалъ.

Зашумѣли, наперебой припоминаютъ: телушку, лошадь далъ, овцу. Да и не только *своимъ*, гавриловскимъ. Ыдетъ кто по шляху къ казакамъ. Лошаденка встанетъ. Пошлетъ работника узнать, позвать. Дастъ ему свою лошадь, а его—у себя оставить. «Обратно, говоритъ, поѣдешь—обмѣняешь». Накормить-напоить...

Мнѣ становилось тоскливо и раздражительно. Сначала я не понималъ въ точности, что именно раздражало? Становились неинтересны эти «телушки», «штрафы», «напоить-накормить»... Неужели же, кромѣ «телушки», ничего не усвоили, ничего болѣе

глубокаго и цѣннаго не поняли, не почувствовали? Вѣдь телушку могъ дать и купецъ Субботинъ. А накормить-напоить можетъ и вдова Полубояринова.

— Въ Сибирь его, говорятъ, сослали. За то, что отъ церкви отошелъ.

— Нѣтъ, говорю, въ Сибирь его не ссылали.

А самъ думаю: если отъ нихъ попа въ другой приходъ переведутъ, они всю его біографію до конца жизни потомъ узнаютъ. Перешелъ въ другой уѣздъ, въ Глушицу, въ Мокровку, въ городъ перевелся, дѣтей въ люди вывелъ, большія ужъ стали. И самъ онъ старичокъ теперь, въ Николаевскомъ живетъ. Недавно попадью похоронилъ, царство ей небесное. Шибко убивался, сердяга!..

А вотъ про Льва Николаевича Толстого, который жилъ около нихъ, встрѣчался съ ними, разговаривалъ, даже кормилъ и «долги скащивалъ», каждый шагъ, каждое слово котораго *намъ* такъ интересны и важны,—о Толстомъ они вонъ какой вздоръ услышали, будто его въ Сибирь ссылали...

— А у насъ тоже иной священникъ хулитъ и Бога и церковь. Вотъ ихъ не ссылаютъ небось!..

— Такъ вѣдь этотъ *по неразумію* хулитъ,—объяснилъ сѣдой старикъ.—Какъ же ты не различаешь!

— Очень даже различаю,—закричалъ молодой мужикъ.— При немъ три рубля платили за десятину, а нынѣ—четвертную. Лошади али коровы зайдутъ—три рубля штрафа. Мы различаю, мы понимаемъ!...

— Да, господинъ, когда услышали, что померъ онъ, очень пожалѣли.

— За что же вы пожалѣли?—спрашиваю.—Вѣдь онъ ужъ вамъ *ничего не давалъ*, ничего хорошаго не дѣлалъ?

— Память праведнаго съ похвалами...

Удачныя книжныя слова. А что подъ ними? Можетъ быть, и нѣтъ ничего?

Они-то чувствуютъ, что я не вполне умиленъ «телушкой» и «скощеннымъ долгомъ». Хочется имъ сказать еще что-то, да не выходитъ.

— Какъ тебѣ, господинъ, сказать... Ласковый былъ графъ, простой. Старикъ тутъ былъ у насъ въ Гавриловкѣ, слѣпой ужъ, Лазарь Петровичъ Кушиновъ. Такъ графъ, бывало, какъ пріѣдетъ къ себѣ въ имѣнье, за нѣмъ тарантасъ шлетъ, нето самъ пріѣ-

детъ. «Поѣдемъ, говорить, ко мнѣ». Все нащотъ жизни совѣтовался, какъ раньше жили. А старикъ-то старенькій былъ, съ клюшкой ходилъ. Садится въ тарантасъ, клюшкой туды-суды тычетъ. «Посторонись, говорить, Левъ Николаевичъ, нето клюшкой зашибу тебя».—«Ну ужъ ладно, говорить, ладно. И зашибешь, такъ потерплю».

И ясно, что вся суть этого «событія», весь его смыслъ—въ послѣднихъ словахъ разсказа. *«И зашибешь, такъ потерплю»*. Даже можно сказать, именно въ послѣднемъ словѣ: «потерплю». Графъ, а отъ слѣпого старика деревенскаго претерпѣлъ.

— Не разъ ему графъ-то деньгами помогалъ. *По четвертному билету давалъ*. Добрый былъ!

Услышавъ слова: «добрый», «давалъ» и «четвертной билетъ», невидимый мужикъ опять выкрикнулъ:

— А вотъ у меня ихъ восемь человѣкъ. А хлѣба ни пылинки. Эхъ!..

На ухо мнѣ заговорщицки заговорилъ, почти зашепталъ, съдой мужикъ въ пиджакѣ, вида бывалаго. Онъ и въ тульской губерніи у Льва Николаевича служилъ, знаетъ всю его семью.

— Очень даже хорошо мы, господинъ, понимаемъ нащотъ Толстого. И «Возстановленіе ада», и «Евангеліе» его есть у насъ, читали. Здѣсь въ Гавриловкѣ, въ Покровкѣ, въ Патровкѣ, кругомъ по всѣмъ селамъ много его сочиненіями начитаны. Трудно намъ, а понимаемъ мы. Конечно,—темный народъ...

И какъ бы совсѣмъ некстати, рябой черный мужикъ, сидѣвшій за другими у печки, сталъ разсказывать съ волненіемъ, вынимая и пряча въ карманъ кисетъ съ табакомъ.

— Хахъ ты, господинъ! Да вѣдь какъ тебѣ сказать про графа Толстова? А вотъ какъ! Одна пашу я въ полѣ, вотъ тутъ у дороги. Давно это было, лѣтъ, поди чай, тридцать, а то и больше будетъ. Молодой я былъ тогда,—недавно женился. Гляжу, идетъ онъ по дорогѣ. Мальчикъ съ нимъ и дѣвочка. Сынишка-то въ плисовой одѣвочкѣ, шарфикъ бѣлый. Взялъ дѣтей за руки Левъ Николаичъ, подвелъ ко мнѣ. «Пойдемте, говорить, мужицкую работу поглядимъ. *Надо, говорить, вамъ знать, какъ мужикъ работаетъ*». Остановился я. Взялъ онъ у меня плугъ, повелъ борозду. А сынишкѣ-то погонять лошадей велѣлъ. Полюнь была на картѣ высокая. Бѣжитъ мальчикъ сбоку, погоняетъ лошадей, падаетъ. Встанетъ да опять побѣжитъ, *слушается* отца. Я иду за нимъ по

бороздѣ и дѣвочка за нимъ идетъ, а мальчикъ все погоняетъ. Одевочку себѣ плисовую испачкалъ, исхлестался весь полыню... Провелъ онъ борозду и опять съ дѣтьми по полю пошелъ. Разговариваютъ о чемъ-то. Мальчикъ и дѣвочка его спрашиваютъ, а онъ имъ на ту и на другую сторону отвѣчаетъ. Любопытный былъ...

И слушая этотъ разсказъ, я особенно ясно понималъ, вѣрнѣе—особенно сильно и впервые почувствовалъ, что *для нихъ* въ этомъ все дѣло и весь *главный смыслъ* Толстого: *графъ*, а за *плугъ* взялся, мужицкую работу посмотреть захотѣлъ!..

Все сложное, громадное, глубокое въ его художественныхъ и философскихъ произведеніяхъ, оно во всѣхъ своихъ подробностяхъ *намъ* дорого и важно. А тамъ, въ многомилліонной массѣ русской деревни Толстой *разсказалъ то же самое, но проще*, выразилъ все въ одной самоупрощенной, гениальной схемѣ, какая только могла бы быть придумана, если бы Толстой ее *придумалъ*. *Графъ, а снизошелъ*. Графъ, а простой, ласковый, *телушку далъ*. Не телушка главнымъ-то образомъ дорога, хотя и она—громадная цѣнность въ мужицкомъ быту, а то, что *телушку эту далъ графъ и изъ жалости*.

Конечно, онъ родился графомъ. Но вѣдь и для всякаго генія есть то особое положеніе, въ которомъ онъ родился и изъ котораго онъ исходитъ въ своемъ творчествѣ. И въ томъ, что онъ, родившись графомъ, сталъ простымъ, ласковымъ, пренебрегъ властью богатства и положенія, заключается, конечно, часть его творчества и жизненнаго подвига. Можетъ быть, самая небольшая, но все же существенная, а не второстепенная. И не будь онъ графомъ, онъ никогда не сталъ бы въ такой мѣрѣ обще-народнымъ. Вѣрнѣе онъ, можетъ быть, сталъ бы такимъ черезъ столѣтіе.

И ни «Возстановленіе ада», ни «Евангеліе», ни «Деньги», никакія книги его, никакія писанія не могли для народныхъ массъ съ такой яркостью и полнотой, *въ такой понятной формѣ* выразить сущность его настроеній, даже больше—глубины его ученія; могли сказать народу яснѣе и ярчѣ, чѣмъ, напримѣръ, эта свѣжая, проведенная собственноручно имъ самимъ, мужицкимъ плугомъ борозда. И этотъ мальчикъ его сынъ, падающій въ полынь, содравшій себѣ на рукѣ нѣжную кожу, испачкавшій плисовую одѣвочку, погоняя мужицкихъ лошадей,—онъ въ этотъ моментъ яснѣе всякихъ словъ выразилъ для народныхъ массъ всѣ идеи своего отца.

Можетъ быть и больно ему, графчику, а *слушается отца*, погоняетъ.

Графъ, а напоилъ-накормилъ и телушку далъ. Это *народное изданіе* всѣхъ произведеній Толстого. И не будь онъ графомъ, можетъ быть, для насъ онъ былъ бы чище, яснѣе, цѣльнѣе, но онъ почти не существовалъ бы для народныхъ массъ. Развѣ вотъ еще отлученіе отъ церкви привлекло бы къ нему вниманіе.

Намъ, интеллигенціи, почти неинтересно, *какъ онъ преодолевалъ въ себѣ графа и богатаго человѣка*. Для насъ интересно и важно, какъ онъ углубилъ въ нашемъ сознаніи пониманіе человѣка и человѣчества. Но для народныхъ массъ онъ сдѣлалъ то же самое *именно тѣмъ*, что сбросилъ съ себя графа, скостилъ долги и телушку далъ, *пожалѣлъ* и далъ. Послѣ освобожденія крестьянъ Левъ Толстой именно этой стороною своего гениальнаго творчества, широконародной стороною, *выраженіемъ* сущности своего ученія *въ своей жизни*, въ дѣйствиіи, сдѣлалъ весьма существенное. Онъ, опростившійся графъ, ищущій смысла жизни въ мужицкомъ трудѣ, даже въ мужицкомъ разумѣніи этой жизни, онъ стеръ край послѣдней ступеньки лѣстницы отъ низшихъ къ высимъ. Осталась одна гладкая наклонная и скользкая плоскость, по которой съ имущественныхъ и властныхъ верховъ стали неудержимо скатываться внизъ и тонуть въ демократическомъ морѣ всѣ, кто держался тамъ только богатствомъ и родовой властью.

Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ охотника» сдѣлалъ открытіе, сущность котораго заключалась въ томъ, что у народа *такая же душа*, какъ и у барина. Но для заключительности этой идеи надо было, чтобы пришелъ *графъ Толстой, пожалѣлъ и телушку далъ*, присылалъ бы тарантасъ за слѣпымъ Лазаремъ Кушиновымъ и расспрашивалъ, «какъ раньше жили», и совѣтовался «нашотъ жизни». И не изъ простаго любопытства, а вдумчиво, серьезно, *поучаясь*.

Мы идемъ по селу. И въ толпѣ за мной слышится прежній тоскующій голосъ невидимаго мужика о восьми дѣтяхъ—... И хлѣба ни соринки!...

Интересно бы увидать его въ лицо.

Николай Чирьевъ, всхлипывая отъ холоднаго вѣтра, вспоминаетъ, рассказываетъ другіе случаи и разговоры съ Толстымъ.

— У меня въ дому бывалъ онъ. Разовъ десять былъ. Говорилъ:

«Едва ли уравниенье земли будетъ. Я, говорить, со своей стороны не прочь, только едва ли это когда случится».

— А одна мы съ нимъ такой разговоръ имѣли. Идемъ по полю, онъ меня и спрашиваетъ: «А какъ, говорить, по твоему,—если съ женщиной безъ церковнаго вѣнчанія жить?»—«По моему, говорю, блудъ».—«Если и съ любовью живутъ?»—спрашиваетъ. Говорю: «Все равно—нельзя».—«А если, говорить, и въ церкви вѣнчались, да безъ любви живутъ, это какъ?» Говорю: «Что же, это ничего! Только бы законъ свой исполняли, и дѣтей питали». Помолчалъ онъ, долго молчалъ, думалъ. Потомъ тихо такъ говоритъ. «А по моему, если и безъ церкви, да по любви—все равно, блуда нѣтъ. А нащотъ закона—это вѣрно; законъ надо исполнять. И дѣтей питать».

Около дома Ивана Сучилина 2-го собралась большая толпа. Залила дворъ, всю избу. Семьи у Ивана 9 человекъ: самъ, жена, семь малыхъ дѣтей. Самого нѣтъ,—пошелъ искать хлѣба. Жена съ ума сходила. Теперь лучше. Стоить съ малымъ ребенкомъ на рукахъ около печки, плачетъ.

— Вся кровь у меня отъ этого перемѣшалась. Хлѣбъ не родился. Семеро дѣтей. Чѣмъ кормить будемъ?!

— А у меня вотъ *восемь!*—раздается прежній голосъ. И въ голосѣ этомъ не слышится спора: дескать у тебя семь, тебѣ еще не такъ плохо, какъ мнѣ. Онъ просто заявляетъ о своей нуждѣ, о томъ, что у него восемь человекъ дѣтей, и онъ ни о чемъ кромѣ не можетъ думать. Можетъ быть, уже сходить съ ума?

Женщина, жена Ивана, рассказываетъ:

— Сбираютъ, ходятъ вотъ эти...—Она поочередно, какъ бы съ раздраженіемъ толкнула ладонью головы троихъ дѣтишекъ, обступившихъ мать.—Ино подадутъ имъ кусочекъ—до дому не донесутъ, сами по дорогѣ съѣдятъ. Какъ жить будемъ, ужъ и не знаю. Про столовую говорятъ, и въ столовую насъ не записали.

— Скотины нѣтъ, курицы нѣтъ, продать нечего. Мужъ ушелъ къ тестю, хлѣба попросить. Не знаю—дасть ли? Не ѣли сегодня. Эдакихъ годовъ не было.

— Мужъ-то мой не хуже меня,—гляди и онъ съ ума сойдетъ. Все посылаемъ добывать, а гдѣ добудетъ. Ночь-то лежимъ не спимъ, *молчимъ*. Я знаю—о чемъ онъ думаетъ, слышу, что не спитъ. И онъ знаетъ, а не скажетъ ничего.

Плачетъ.

— Кабы графъ былъ,—не голодали бы мы и въ этотъ годъ,— говорятъ со вздохомъ въ толпѣ.

— У меня вотъ восемь человѣкъ дѣтей!..

Выходимъ и садимся въ тарантасъ. Много народу. Тѣснымъ кольцомъ обступили лошадей, экипажъ. Слышится многоголосый говоръ. Каждый говорить свое, недоговоренное, а всё въ сущности объ одномъ. О томъ, что скоро у девяти домовъ изъ десяти не будетъ хлѣба, что дохнуть лошади и коровы.

— А у меня восемь человѣкъ дѣтей!..

Лошади уже тронулись, перемѣшались лица, и нельзя разглядѣть, кто же это кричалъ все одни и тѣ же слова.

Бду долго, припоминаю разговоры, жесты, лица. Но на душѣ у меня безпокойство, точно въ Гавриловкѣ я забылъ что-то важное. Что это такое?

Догадываюсь: я забылъ познакомиться съ мужикомъ, у котораго восемь человѣкъ дѣтей. Какое у него лицо? А вѣдь онъ хотѣлъ, чтобы я узналъ объ немъ и сказалъ богатымъ и сильнымъ, что въ селѣ Гавриловкѣ живетъ такой-то мужикъ; у него восемь человѣкъ дѣтей и кормить ихъ нечѣмъ.

И мысленно становясь на его мѣсто, я съ тоской думаю о томъ, что *графа ужъ нѣтъ*, и никто не дастъ ему телушку, не напоить, не накормить съ восемью дѣтьми *вотъ сегодня, сейчасъ*, никто не пожалѣетъ, не разспроситъ о женѣ, дѣтяхъ, не утѣшитъ...

С. Кондурушкинъ.

Октябрь 1911 г.

1891—92 гг.

ТОЛСТОЙ ВЪ ГОЛОДНЫЙ 1891—2 ГОДЪ.

Нѣсколько справокъ.

Графиня С. А. Толстая заявила въ газетахъ въ концѣ октября 1891 года, что вся семья ея разѣхалась служить дѣлу помощи бѣдствующему народу, и Левъ Николаевичъ, съ двумя дочерьми, находится въ Данковскомъ уѣздѣ, съ цѣлью устроить наибольшее количество бесплатныхъ столовыхъ или «сиротскихъ призрѣній», какъ прозвалъ ихъ народъ. Два старшихъ сына, служа при «Красномъ Крестѣ», дѣятельно заняты помощью народу въ Чернскомъ уѣздѣ и третій сынъ уѣхалъ въ Самарскую губернію открывать, по мѣрѣ возможности, столовые.

«Принужденная оставаться въ Москвѣ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, я могу содѣйствовать дѣятельности семьи моей лишь матеріальными средствами. Но ихъ нужно такъ много. Отдѣльные лица въ такой большой нуждѣ—безсильны. А между тѣмъ каждый день, который проводишь въ тепломъ домѣ, и каждый кусокъ, который съѣдаешь, служитъ невольнымъ упрекомъ, что въ эту минуту кто-нибудь умираетъ съ голоду. Мы всѣ, живущіе здѣсь въ роскоши и не могущіе выносить вида даже малѣйшихъ страданій собственныхъ дѣтей нашихъ,—неужели мы спокойно вынесли бы ужасающій видъ притупленныхъ или измученныхъ матерей, смотрящихъ на умирающихъ отъ голода и застывшихъ отъ холода дѣтей, на стариковъ безъ всякой пищи? Но всё это видѣла теперь семья моя. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ мнѣ дочь моя изъ Данковского уѣзда, объ устройствѣ мѣстными помѣщиками на пожертвованныя ими средства столовыхъ:

— «Я была въ двухъ. Въ одной, которая помѣщается въ крошечной курной избѣ, вдова готовить на 25 человѣкъ. Когда я вошла, то за столомъ сидѣло пропасть дѣтей и, чинно держа хлѣбъ

надъ ложкой, хлебали щи. Имъ дають щи, похлебку и иногда еще холодный свекольникъ. Тутъ же стояло нѣсколько старухъ, которыя дожидались своей очереди. Я съ одной заговорила, и какъ только она стала рассказывать про свою жизнь, то заплакала, и всѣ старухи заплакали. Онѣ, бѣдныя, только и живы этой столовой,—дома у нихъ ничего нѣтъ, и до обѣда онѣ голодаютъ. Дають имъ ѣсть два раза въ день, и это обходится, вмѣстѣ съ топливомъ, отъ 95 к. до 1 р. 30 к. въ мѣсяцъ на человѣка»...

Слѣдовательно, за 13 рублей можно спасти отъ голода до новаго хлѣба—человѣка. Но ихъ много, и средствъ помощи нужно безконечно много. Но не будемъ останавливаться передъ этимъ. Если мы, каждый изъ насъ прокормить одного, двухъ, десять, сто человѣкъ, сколько кто въ силахъ, уже совѣсть наша будетъ спокойнѣе. И вотъ рѣшаюсь и я обратиться ко всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ и можетъ помочь, съ просьбой способствовать матеріально дѣятельности семьи моей. Всѣ пожертвованія пойдутъ прямо, непосредственно на прокормленіе дѣтей и стариковъ въ устраиваемыхъ мужемъ моимъ и дѣтьми столовыхъ. Пожертвованія можно посылать или прямо на мѣста назначенія: 1) Гр. Татьянѣ Львовнѣ Толстой, Рязанской губ., Данковского уѣзда, Чернявская почтовая станція, въ с. Бѣгичевку, имѣніе Ив. Ив. Раевского. 2) Гр. Сергѣю Львовичу Толстому, Тульской губ., Чернскаго уѣзда, с. Никольское-Вяземское. 3) Гр. Льву Львовичу Толстому, Самарской губ., Бузулукскаго уѣзда, въ Патровское волостное правленіе. Или же 4) Гр. Софіи Андреевнѣ Толстой, Москва, Долгохамовническій пер., 15».

Воззваніе графини С. А. Толстой имѣло живой откликъ. Съ 4-го по 17-ое ноября, въ 13 только дней ею получено около 5¹/₂ тысячъ въ самой Москвѣ, около 3 тысячъ пожертвовано неизвѣстными и около 4¹/₂ тысячъ прислано изъ провинціи. Всего поступило 13.080 р. 82 к. и довольно много разныхъ вещей—полотна, платья, сухарей и т. п. Въ числѣ приславшихъ гр. Толстой пожертвованія находился извѣстный о. Іоаннъ Кронштадтскій, препроводившій 200 рублей.

Не остались глухи къ воззваніямъ супруги Л. Н. и заграницей, особенно въ Англіи, гдѣ движеніе въ пользу сбора пожертвованій для голодающихъ въ Россіи быстро приняло обширные размѣры: кромѣ подписокъ, открытыхъ для этой цѣли редакціей «Nineteenth Century», г-жой Новиковой, романисткой Гесбой Стре-

тамъ и квакерами, которые послали своихъ представителей на мѣста голода въ Россію, основанъ фондъ для оказанія помощи Россіи (Russian Relief Fund), въ которомъ принимали участіе такіа извѣстныя личности, какъ Герцогъ Вестминстеръ, лордъ Абердэръ, лордъ Кольриджъ и др.

Печатая свое воззваніе къ благотворителямъ, учредители этого фонда, лордъ Монксвель и Джильбертъ-Кольриджъ, заявляли, что часть собранныхъ денегъ будетъ роздана на мѣстѣ делегатами квакеровъ, а другая часть послана графу Льву Толстому, письмо котораго къ нимъ было напечатано во всѣхъ газетахъ.

Въ этомъ письмѣ Толстой выражалъ свою радость, что англійскій народъ откликнулся на горе Россіи, доказывая тѣмъ, что братство людей—не пустое слово, а фактъ, и совѣтовалъ англійскимъ жертвователямъ войти въ сношенія съ русскими земствами, которыя принимаютъ наилучшія мѣры въ борьбѣ съ голодомъ, предлагая съ своей стороны раздавать присланную изъ Англіи помощь въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ, а также въ Самарской, гдѣ находится его сынъ.

Живое сочувствіе, проявленное въ Англіи національному бѣдствію Россіи, и довѣріе и вниманіе къ дѣятельности на пользу голодающихъ Льва Толстого имѣли для Л. Н. и его семьи слѣдствіемъ не мало тревогъ.

Когда въ русскихъ изданіяхъ не могли появиться полностью статьи Л. Н. о голодѣ, часть одной изъ нихъ, подъ заголовкомъ «Отчего голодаетъ русскій мужикъ?», была напечатана въ «Daily Telegraph» корреспондентомъ англійскихъ изданій Диллономъ. «Моск. Вѣдомости» перевели съ англійскаго (съ новыми искаженіями) переводъ англійской газеты и создали около словъ Л. Н. шумъ, крайне встревожившій семью Л. Н. и его друзей (см. далѣе письма Л. Н. къ графинѣ С. А. и въ редакціи газетъ). Въ опроверженіе слуховъ о карахъ, направленныхъ противъ Л. Н., въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ помѣщено слѣдующее письмо графини С. А. Толстой:

«М. г. г. редакторъ! Ежедневно получаю я письма и вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ, гдѣ говорится объ арестованіи моего мужа, графа Толстого. Считаю своею обязанностью сообщить всю правду о мужѣ тѣмъ, кто интересуется его судьбой. Графа Толстого правительство не только не тревожитъ, но администрація, на противъ, дѣятельно помогаетъ ему въ его работѣ на пользу по-

страдавшихъ отъ неурожая. Враждебные ему элементы, небольшая горсть, впрочемъ, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, постарались было извратить его статью, написанную для русскаго журнала и далеко не вѣрно переданную въ переводѣ, въ такомъ смыслѣ, что статья противорѣчила всѣмъ взглядамъ графа. Случай этотъ и вызвалъ всѣ разговоры и толки. Въ особенности тяжело мнѣ читать въ иностранныхъ газетахъ, что заточеніе моего мужа произошло по приказанію Высшей власти. Высшая власть была всегда особенно благосклонна къ нашей семьѣ.

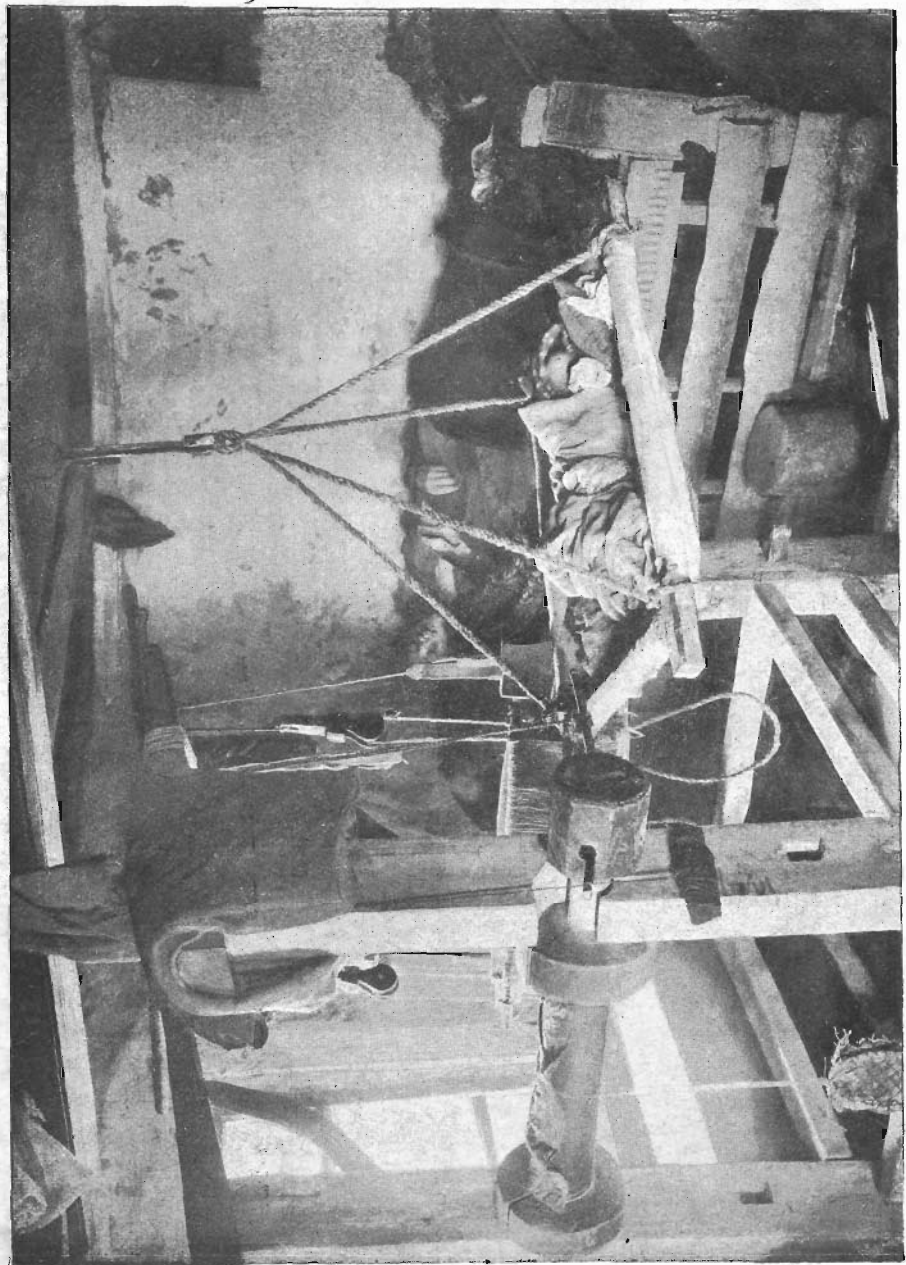
Отношеніе мѣстной власти можетъ быть характеризовано слѣдующимъ письмомъ, напечатаннымъ въ «Рус. Вѣд.» за 1910 годъ № 276:

«Препровождаю при семъ документъ, найденный мною въ бумагахъ одного любителя въ г. Рязани. Документъ этотъ представляетъ собою официальное донесеніе въ формѣ частнаго письма скопинскаго уѣзднаго исправника къ правителю канцеляріи рязанскаго губернатора и относится къ тому времени, когда Л. Н. Толстой устраивалъ въ Рязанской губерніи столовые для голодающихъ крестьянъ въ 1891 г. Мѣстная администрація зорко тогда слѣдила за Толстымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и настоящий документъ. При письмѣ сохранилась и справка помощника правителя канцеляріи о запрещенныхъ изданіяхъ фирмы «Посредника», о которыхъ упоминается въ началѣ письма исправника. С.»

Къ письму приложены слѣдующіе документы:

1) «Многоуважаемый Басилій Ивановичъ. Посылаю вамъ еще 5 книжекъ, розданныхъ гр. Толстымъ. Дознано: Толстой пріѣзжаетъ съ письмоводителемъ, а въ с. Руденку Горновской волости пріѣзжалъ его довѣренный, житель с. Клекотокъ Страхъ, около 30-ти лѣтъ, высокаго роста, борода рыжая; а волосы на головѣ бѣлые. Какъ Толстой, такъ и его письмоводитель и Страхъ не ѣдятъ мяснаго и, когда садятся за столъ, не молятся Богу. Это послѣднее обстоятельство породило въ крестьянахъ подозрѣніе, что Толстой дѣлаетъ это не отъ Бога, а отъ Антихриста. Нотъакого мнѣнія не всѣ, а большинство, не мудрствуя, пользуются столовой и заочно благодарятъ. Надзоръ, самый тщательный, учрежденъ, и мнѣ будетъ извѣстенъ каждый шагъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть готовый къ услугамъ. Д. Г.»

2) «Справка: Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1888 годъ, въ №№ 16, 17, 19, 20 помѣщенъ отзывъ учебнаго комитета при свя-

Тифъ въ с. Наруксовѣ, пукоянов. у.
Изъ альбома „Неурожайный 1891—2 г. въ Нижегород. губ.“.

тѣйшемъ синодѣ о 18-ти брошюрахъ, изданныхъ фирмой «Посредникъ». Изъ означеннаго отзыва видно, что комитетъ призналъ непригодными для народнаго чтенія между прочимъ слѣдующія брошюры: 1) «Христосъ въ гостяхъ у мужика». 2) «Свѣчка». 3) «Первый винокуръ». Помощникъ правителя канцеляріи И.».

Надобность въ подобныхъ перепискахъ, конечно, поддерживалась тѣмъ, что «Московскія Вѣдомости» постоянно доказывали, что вся матеріальная польза, приносимая дѣятельностью Л. Н., съ избыткомъ покрывается причиняемымъ ею вредомъ въ нравственномъ отношеніи (см. объ этомъ далѣе статью К. К. Арсеньева). Одна изъ подобныхъ выходокъ вызвала въ началѣ 1892 г. слѣдующее замѣчательное возраженіе, напечатанное въ той же газетѣ и подписанное епифанскимъ предводителемъ дворянства Н. Протопоповымъ и предсѣдателемъ епифанскаго попечительства «Краснаго Креста» Р. Писаревымъ:

«Правда требуетъ, и мы считаемъ своимъ долгомъ для возстановленія истины засвидѣтельствовать, что дѣятельность графа по оказанію помощи нуждающемуся населенію, не ограничивающаяся однимъ Данковскимъ уѣздомъ, а перешедшая теперь и въ Епифанскій, Тульской губерніи, гдѣ имъ открыто 30 столовыхъ, не возбуждая никакихъ ложныхъ толковъ, вызываетъ въ населеніи однѣ только чувства глубокой благодарности и признательности, а со стороны насъ и всѣхъ стоящихъ близко къ дѣлу, кромѣ этого и чувства глубокаго уваженія».

НАРОДНЫЯ СТОЛОВЫЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

(„Русское Обозрѣніе“, 1891, № 12. Современная лѣтопись).

Отношеніе графа Л. Н. Толстого къ дѣлу пособія голодающимъ важно не только по той непосредственной пользѣ, которую оно можетъ принести, но и по тому влиянію, которое оно можетъ оказать на наше общество; несомнѣнно, что найдется много людей, которые захотятъ послѣдовать его примѣру. Въ дѣлѣ пособія голодающимъ не можетъ быть ни консерваторовъ, ни либераловъ, ни ретроградовъ, оно не касается политическихъ убѣжденій. Могутъ быть только люди, которые хотятъ помочь пострадавшимъ и такіе, которые остаются равнодушны: это вопросъ нравственнаго чувства, а не политики.

Вотъ почему нельзя не порадоваться, когда въ отношеніи подобныхъ вопросовъ сходятся люди самыхъ противоположныхъ направлений и когда необходимость дѣйствовать вмѣстѣ примиряетъ самые противоположные взгляды.

Гр. Л. Н. Толстой одинъ изъ первыхъ принялся за дѣло, которое на этотъ разъ оказалось настоящимъ, въ пользѣ котораго не можетъ быть сомнѣнія, и сразу исчезли всѣ внутреннія противорѣчія, которыя могутъ уживаться только въ теоріяхъ.

Признавъ существованіе голода, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ необходимость борьбы съ нимъ и невозможность этой борьбы безъ нѣкоторой системы, и принялся за дѣло энергически и послѣдовательно.

Во-первыхъ, необходимо было узнать, кому надо помогать, кто наиболѣе нуждается въ помощи и, во-вторыхъ, какъ самымъ цѣлесообразнымъ способомъ организовать эту помощь. Нельзя не признать то рѣшеніе, которое было дано имъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, вполне правильнымъ.

Онъ предпринялъ въ довольно обширномъ районѣ подворный обходъ, который позволилъ ему лично убѣдиться въ степени ну-

ждаемости тѣхъ, кому нужно было оказать помощь; до настоящаго времени въ теченіе двухъ мѣсяцевъ имъ лично осмотрѣно было значительное количество сель Тульской и Рязанской губерній. Конечно, и при подобномъ осмотрѣ полученныя свѣдѣнія не могутъ считаться безусловно точными, но, во всякомъ случаѣ, они значительно точнѣе тѣхъ, которыя можно получить посредствомъ официальныхъ запросовъ волостнымъ правленіямъ, хотя бы даже проверенныхъ земскими начальниками; проверка эта большею частью по самому существу дѣла остается чисто-формальною. Нельзя не признать также вполне цѣлесообразнымъ и тотъ способъ пособія нуждающимся, который избранъ гр. Л. Н. Толстымъ. Народныя столовыя въ той формѣ, какъ онѣ устрояются имъ, являются самымъ легкимъ, самымъ дешевымъ и самымъ вѣрнымъ способомъ помочь голодающимъ, такъ какъ здѣсь цѣль достигается непосредственно и невозможны почти никакія злоупотребленія.

Названіе народныя столовыя можетъ привести въ недоумѣніе того, кто не знакомъ съ ихъ устройствомъ или станетъ судить о нихъ на основаніи подобныхъ столовыхъ, устраиваемыхъ благотворительными обществами въ большихъ городахъ, гдѣ нужно и особое помѣщеніе, спеціально приноровленное къ дѣлу, и особая организація, и сравнительно значительныя затраты.

Для тѣхъ народныхъ столовыхъ, которыя устраиваетъ гр. Толстой, достаточно простой избы, и та же хозяйка замѣняетъ въ ней администрацію, кухарку и прислугу; при учрежденіи такой столовой необходимо запастись только провизіей, достаточною для того, чтобы прокормить до новаго урожая соотвѣтствующее число лицъ. По разсчету гр. Толстого, основанному на опытѣ, для того, чтобы прокормить ѣдока въ такой столовой достаточно 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Въ стряпухи выбираются большею частью вдовы, которыя не получаютъ никакого жалованья, но рады прокормиться со своими дѣтьми при столовой.

Конечно, помощь посредствомъ столовыхъ можетъ быть оказана только самымъ бѣднымъ; для того, чтобы кормить въ нихъ всѣхъ желающихъ, или даже всѣхъ просто нуждающихся, не хватило бы средствъ, поэтому выбираются неимѣющіе никакихъ средствъ къ существованію, преимущественно дѣти, старики и старухи.

Эти бѣднѣйшія лица, нуждаемость которыхъ опредѣляется

не только опросомъ мѣстныхъ сельскихъ властей или сосѣдей, но и личнымъ осмотромъ ихъ дворовъ, заносятся въ списки и ихъ именно должны допускать въ столовые и кормить хозяйки. Пищи дается вдоволь два раза въ день, обѣдъ и ужинъ. Щи или похлебка, свекольникъ, картофель и хлѣбъ съ примѣсю картофеля или отрубей.

Склады устраиваются у помѣщиковъ, и провизія выдается стряпнухамъ разъ или два въ недѣлю, смотря по разстоянію.

Подвозъ, большею частью безплатный, принимаютъ на себя крестьяне.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ дѣйствуютъ устроенныя, такимъ образомъ, столовыя, позволимъ себѣ сообщить здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ писемъ изъ Данковского уѣзда, обязательно сообщенныхъ намъ лицомъ, близко стоящимъ къ дѣлу *).

*Изъ письма Т. Л. **) 2 ноября.*

...Ходимъ по деревнямъ и кое-гдѣ открываемъ столовыя. Особенно жалки вездѣ дѣти, почти у всѣхъ у нихъ то серьезное выраженіе лицъ, какое бываетъ у дѣтей, видѣвшихъ много нужды. И одѣты они всѣ ужасно: у нѣкоторыхъ отъ самага локтя лохмотья и вся юбка такая же. Бабы рассказываютъ, что дѣти прежде не вѣрили, когда имъ давали лебедяный хлѣбъ, что это хлѣбъ, и плакали, говорили, что это земля и кидали его.

4 ноября.

...Устроили пекарни, въ которыхъ пробуютъ печь хлѣбы съ разными суррогатами. По совѣту профессора Эрисмана, пробовали печь хлѣбъ съ отбросками свеклы, которые на сахарныхъ заводахъ продаются по 2 коп. за пудъ и въ которыхъ, по словамъ профессора Эрисмана, очень много питательнаго. Первая проба не удалась, хлѣбъ сѣлъ и вышелъ какой-то мокрый, но сегодня пріѣхалъ пекаръ, который опять сдѣлаетъ этотъ опытъ. Пока лучше всего выходитъ хлѣбъ съ картофелемъ—онъ очень вкусенъ и обходится 78 к. за пудъ.

Тутъ тоже пробуютъ печь хлѣбъ со жмыхами, но не съ подсолнечными, а съ льняными и разными другими. Бѣда вся въ томъ, что хлѣба нѣтъ.

*) Гр. С. А. Толстая, которой адресованы письма.

**) Татьяна Львовна Толстая.

Изъ письма Л. Н. Толстого 7 ноября.

М. *) ѣздитъ каждый день въ три столовые въ Рыхотской волости за четыре версты. Тамъ много дѣла: и въ томъ, чтобы слѣдить за хозяйками (тѣ, у которыхъ столовые), и допускать просящихъ и отклонять попытки злоупотреблений. И тутъ есть. И разумѣется не важно, что поѣстъ тотъ, кто желаетъ, но, во-первыхъ, не достанетъ тѣмъ, кому нужно, и хожденіе въ столовые ненуждающихся возбуждаетъ дурныя чувства къ другимъ. Кромѣ того, со вчерашняго дня тамъ началась выдача муки отъ земства и потому надо было отчислить тѣхъ, которыхъ при этой выдачѣ не нужно, и Т. облюбовала ближнюю большую деревню, гдѣ ужъ получаютъ отъ земства муку, но несмотря на то, остается много бѣдняковъ, которыхъ она и хочетъ кормить. Нынче она хотѣла начать.

Изъ письма Т. Л. 8 ноября.

Сегодня я отпустила запасовъ для своей первой столовой въ Е., которая завтра откроется. Теперь буду ходить дѣлать списокъ села Н., въ которомъ было «призрѣніе», но закрылось потому, что мужики получили земскую выдачу. Но эта выдача очень мала, отъ 1 до 3-хъ пудовъ въ семью на мѣсяцъ. Вчера я ходила въ Е. и тамъ со многими мужиками разговаривала, и они всѣ говорятъ, что къ веснѣ проѣдятъ свою землю, потому и не берегутъ сѣмянъ до весны и лошадей. Положимъ, что еслибъ они и хотѣли ихъ сбечь, то не могли бы.

Изъ письма Л. Н. 9 ноября.

Вчера я съ М. ѣздила на одной лошаdkѣ въ наши столовые въ Т., за пять верстъ, а Т. ходила въ свою ближайшую столовую. У насъ теперь идетъ пертурбація съ тѣхъ поръ, какъ деревни стали получать муку отъ земства. Прежде были опредѣленно и несомнѣнно нуждающіеся, а теперь, съ выдачей, является сомнѣніе, и, казалось бы, должно уменьшиться количество посѣщающихъ столовые, а оно увеличилось. Время идетъ, запасы истощаются, тѣ, которые были ненуждающимися, становятся ими...

... На деньги твои, на 1,100 руб., мы рѣшили купить дровъ, которыя нашлись въ околоткѣ. Это было самое нужное и трудное достать. Хлѣба въ нашей мѣстности, судя по тому, что закуплено теперь земствомъ, должно достать хотя на половину, но топлива

*) Марія Львовна Толстая.

совсѣмъ нѣтъ. Эти же дрова близко и дешево, по 18 р. за сажень. Они пойдутъ по столовымъ и прямо на помощь нуждающимся.

Изъ письма Т. Л. 11 ноября.

Положеніе народа съ каждымъ днемъ ухудшается и приходится въ каждой деревнѣ открывать вторую столовую. Я думаю, что и по три открыть, то не будетъ слишкомъ много. Вчера ходила на ужинъ въ свою столовую. Хозяйка очень проворная, отлично готовить и ласкова съ дѣтьми. Сидятъ крошки, матери ихъ приводятъ и кормятъ—сами не ѣдятъ, всѣ и веселыя и довольныя. Весело смотрѣть на эти обѣды и ужины, и тѣ, которые жертвуютъ на это деньги, были бы вознаграждены за это, еслибы видѣли, какъ жертвованныя деньги идутъ прямо на то, чтобъ утолять голодъ людей. Это была бы хоть маленькая награда тѣмъ, которые хоть иногда и отъ излишковъ жертвуютъ для другихъ.

Изъ письма Л. Н. того же числа.

Ѣздили мы съ М. цѣлый день, и день былъ удачный, и погода была хороша, и всё спорилось. Мы теперь открываемъ столовую около другого центра запасовъ. Прежнія столовыя около склада Е. Тамъ его управляющій будетъ отпускать провизію на открывающіяся вокругъ него столовыя. И теперь очень нужно. Много нужды. М. застала человѣка дѣйствительно не ѣвшаго два дня и ослабѣвшаго. Я вчера устраивалъ двѣ столовыя на новомъ основаніи, именно на томъ, чтобы намъ не отбирать тѣхъ, которыя имѣютъ и не имѣютъ права (по впередъ составленнымъ спискамъ) ходить, а на совѣсть людей предоставить ходить всѣмъ безъ разбора, ограничивая только количествомъ заготовленнаго обѣда. *)

Изъ письма М. Л. 12 ноября.

Столовыя наши процвѣтаютъ. Завтра ѣдемъ открывать еще двѣ и вѣроятно на время остановимся, не будемъ далѣе распространять своей дѣятельности, а то очень уже много будетъ. Сейчас у насъ уже восемь столовыхъ и завтра, и послѣ завтра откроются еще шесть, такъ что если мы будемъ распространять—у насъ денегъ не хватитъ. Столовыя насъ радуютъ. Такъ это просто, легко и скоро дѣлается, и такъ велика помощь. Столовыя—это вѣрное средство, чтобы въ деревнѣ никто не умеръ съ голоду и не былъ бы даже голоденъ. Вчера я ѣздила въ деревню,

*) Способъ этотъ оказался несостоятельнымъ, такъ какъ пришла такая толпа, что удовлетворить ее было невозможно.

которая отсюда въ семи верстахъ. Бѣдность тамъ страшная. Всѣ избы безъ дворовъ, раскрытыя на половину, скотины совсѣмъ нѣтъ; кромѣ мелкихъ, какъ орѣшки, картошекъ, которыхъ тоже чуть-чуть—ничего нѣтъ. Хлѣбъ не сѣдобенъ. Имъ выдали отъ земства, но такое малое количество, что имъ на недѣлю не хватитъ. Крестьяне къ этой мукѣ примѣшиваютъ на половину лебеды, чтобы хотя чуть-чуть протянуть эту муку. Уже теперь есть случаи, что по нѣскольку дней безъ хлѣба сидятъ люди. Теперь жутко—что же будетъ весной? Вчера особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня одинъ дворъ: семья состоитъ изъ старика, его старшей дочери, 14 лѣтъ (еще дочери замужемъ тоже въ очень бѣдной деревнѣ), и двухъ дѣтей, 8 и 6 лѣтъ. Старше этой дѣвочки, которая уже теперь по разуму и по всему настоящая старуха, никого нѣтъ. Мать умерла годъ тому назадъ. Отецъ очень старообразный, слабый и удушливый. Дворъ, изба и всё—въ полномъ разореніи; въ избѣ такъ холодно, что духъ виденъ, у этихъ положительно ничего нѣтъ. Выданный имъ хлѣбъ они должны были отдать за долгъ сосѣду и остались они совсѣмъ ни съ чѣмъ, тоже только нѣсколько мѣръ картофеля. Ѣдятъ они хлѣбъ, который дѣвочка собрала Христа ради. Въ этой деревнѣ всѣ очень плохи, но эта семья особенно страшна именно по этому отсутствію бабы, порядка и уютности. Дѣти голыя, грязныя, столъ не вымытъ, на полу мокро и грязно—ужасно непривѣтливо, мрачно и грустно. Если у васъ будутъ предложенія старья, пожалуйста принимайте и поощряйте, это очень здѣсь нужно...

Изъ письма Т. Л. 17 ноября.

Присланный вами пожертвованный чай и сахаръ многихъ осчастлиливаетъ. Больные и старые очень радуются. Также и холстинки. Сегодня я отрѣзала одному вдовцу четыре аршина холстинки дѣвочкѣ на рубашку, такъ онъ заплакалъ. Платье очень нужно. Третьяго дня была я въ одной деревнѣ очень бѣдной, открыла тамъ столовую и стала ходить по дворамъ узнавать, кто ходить будетъ въ столовую. Въ одномъ дворѣ на семерыхъ одни лапти и одна шуба и два рваные кафтана. Я спросила: «Какъ же дѣти въ «призрѣніе» ходить будутъ?» Мужикъ взялъ дѣвочку на руки, завернулъ полою полушубка и говоритъ: «А вотъ такъ и буду носить ихъ». Я отдала имъ свою шаль, такъ они пришли сперва въ недоумѣніе: не знали, какъ это принять, а потомъ, какъ всегда теперь, котормъ что-нибудь дашь, расплакались.

Изъ письма Л. Н. 19 ноября.

Положеніе становится всё напряженнѣе, и напряженнѣе: проѣдаютъ послѣднія средства и количество совсѣмъ неимущихъ всё увеличивается: главное—топливо и праздность мужчинъ и женщинъ. Нынче пишу В. о высылкѣ намъ лыкъ для работы лаптей. Лѣнь на дняхъ получится. Знаменательный признакъ нужды, что по тремъ небольшимъ деревнямъ въ одинъ день набралось охотниковъ отдать на прокормъ 80 лошадей и приходятъ еще и еще просить взять лошадей. Отдаютъ незнакомому человѣку, неизвѣстно куда своихъ лошадей, и всё хорошихъ, молодыхъ. Очевидно считаютъ этотъ рискъ выгоднѣе, вѣрнѣе гибели, если оставить у себя лошадь...

... Тобой полученныя пожертвованія очень хороши. Поразительно 1.500 арш. матеріи и количество вермишели. Ее надо будетъ раздавать въ большіе праздники. Матеріи же тоже поразительно нужны. Нынче я видѣлъ вдову съ дѣтьми положительно голыхъ. Только одинъ мальчикъ можетъ выходить. Я еще не видалъ такой бѣдности.

Изъ письма Л. Н. 25 ноября.

... Столовые расползаются, какъ сыпь. Теперь уже болѣе 30 и идутъ хорошо. Я вчера вечеромъ посѣтилъ двѣ. Трогательно видѣть, какъ ребята съ ложками бѣгутъ толпой. Попался нищенка—мальчикъ изъ чужой деревни. Его пригласили и накормили, и спать положили въ столовой.

Изъ письма Т. Л. 11 декабря.

Нужда растетъ, это видно изъ того, что теперь въ столовыя стали ходить взрослые бабы и даже мужики (прежде стыдились).

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО.

Н. Я. Гроту. *)

(1891 г., Сент. 22).

Отвѣчаю со станціи. Хотя я и согласенъ, что сравненіе оставляетъ желать лучшаго, но я думаю, что (? будетъ хорошо), если выпустить слово: «неизвѣстное» передъ словомъ *направленіе* и слово «найти» замѣнить словомъ «узнать». Очень, очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь на той недѣлѣ съ вами увидаться.

Вашъ Л. Толстой.

(Бѣгичевка, Ряз. г., 1891 г., осень).

Если можно, то вставьте это, дорогой Николай Яковлевичъ. На 3-й гранкѣ «цѣна колотыхъ дровъ шкаликъ, т. е. $\frac{1}{16}$ кубической сажени, 90 коп.» Слѣдующія за этимъ слова; «шкаликъ хватаетъ на крестьянскій дворъ на недѣлю»—вычеркнуть.

На 4-ой гранкѣ послѣ словъ «замѣнить отчасти посыпку мукой скотинѣ»—прибавить: «такъ это тамъ, гдѣ была хоть солома. Во многихъ же уѣздахъ соломы совсѣмъ не было».

Не помню, на какой гранкѣ 4-ой гл. почти по срединѣ гр., тамъ, гдѣ говорится о совѣтахъ, учрежденныхъ при попечительствахъ, послѣ словъ: «но даже и эти совѣты» слова: «какъ они не похожи на министерства»—выкинуть.

Передъ концомъ, гдѣ рассказъ о маломъ, привезенномъ съ поля послѣ словъ: «одна баба принесла» поставить такъ:—«картошекъ, другая пирожка, третья молока». Тутъ же послѣ словъ: «всѣмъ дорогъ, п. ч. одинъ пожалѣлъ его» **): «Тѣмъ то и важна

*) Рѣчь въ письмахъ Николаю Яковлевичу Гроту о статьяхъ, составившихъ „Письма о голодѣ“, которыя первоначально предназначались для журнала „Вопросы философіи и психологіи“

**) Пропустивъ слова: „спасаетъ людей дѣятельная любовь, п. ч. дѣятельность эта заразителна“. На мѣсто ихъ вставить это“.

(Примѣчаніе Льва Николаевича).

любовная дѣятельность, что она заразительна. Дѣятельность обща, правительственная, выражающаяся въ теперешнихъ обстоятельствахъ даровой раздачей по росписаніямъ и спискамъ хлѣба и денегъ, вызываетъ самыя дурныя чувства: жадность, зависть, притворство, осужденіе; дѣятельность личная вызываетъ напротивъ лучшее чувство—любовь и желаніе жертвы.—«Я работалъ, трудился, мнѣ—ничего, а лѣнтя, пьяницу—награждать. Кто-жъ ему велѣлъ пропивать. По дѣламъ вора и мука» говорятъ богатый и средній мужикъ, которымъ не даютъ пособій. Съ меньшей злобой говоритъ бѣднякъ про богача, требующаго равную долю: «Мы и бѣдны-то отъ нихъ—отъ богачей. Они насъ сосутъ, а имъ еще давай нашу долю. Онъ и такъ гладокъ» и т. п. Такія чувства вызываетъ раздача дарового пособія. Но напротивъ—увидитъ одинъ, какъ другой подѣлился послѣднимъ, потрудился для несчастнаго, и ему хочется сдѣлать то-же. Въ этомъ сила любовной дѣятельности. Сила въ томъ, что она заразительна, а какъ скоро она заразительна, то распространенію ея нѣтъ предѣловъ».

За этими словами слѣдуютъ слова: «какъ одна свѣча зажигаетъ другую» и т. д. Не сердитесь, что утруждаю васъ. Надѣюсь, что вы хорошо доѣхали и нашли вашихъ здоровыми.

Любящій васъ Л. Толстой.

(Бѣгичевка, Ряз. г., осень).

Дорогой Николай Яковлевичъ, если можно успѣть, то будьте добры выключить, при описаніи первой деревни Епифанскаго уѣзда, описаніе двухъ-лѣтняго мальчика на порогѣ. А еще что бы мнѣ очень хотѣлось, это—послѣ словъ «онъ голоденъ, потому что мы слишкомъ сыты»—включить слѣдующее: «Намъ, русскимъ, это должно быть особенно понятно. Могутъ не видѣть этого промышленные, торговые народы, кормящіеся колоніями, какъ англичане. Благосостояніе богатыхъ классовъ такихъ народовъ не находится въ прямой зависимости отъ положенія ихъ рабочихъ. Но наша связь съ народомъ такъ непосредственна, такъ очевидна, что наше богатство обуславливается его бѣдностью или его бѣдность нашимъ богатствомъ, что намъ нельзя не видѣть, отчего онъ бѣденъ и голоденъ»—и за этимъ уже слова: «если мы искренно хотимъ помочь народу, то перестанемъ объѣдать его» или что-то въ этомъ родѣ.

Простите, что утруждаю. Дружески жму руку.

Л. Толстой.

1892, май 22.

Дорогой Николай Яковлевичъ, съ какой бы радостью разска- залъ вамъ свои впечатлѣнія за это время: много новаго отложи- лось въ душѣ, но въ письмѣ не сѣмѣю, да и некогда. Ужасно мнѣ грустно за васъ, за вашу жену. Надо надѣяться, что это только испытаніе легкое по силамъ вамъ обоимъ и что вы хорошо перене- сете его, и выйдете изъ него съ увеличенными духовными силами.

За напечатанное и хлопоты по моей статьѣ очень благодаренъ. Выпуски всѣ очень умѣренные. До сихъ поръ письмо это было написано уже недѣлю тому назадъ. Хотѣлъ что то много сказать. Теперь же наканунѣ отъѣзда спѣшу и заканчиваю безсовѣстной эгоистической просьбой. Я передалъ въ Русск. Вѣд. давно уже разсказъ Семенова. Напечатаютъ ли его и если напечатаютъ, то не пошлютъ ли ему гонораръ: Московск. губ. Волокол. уѣзда, де- ревяня Андреевское.

Завтра ѣду въ Ясную, но не надолго: нашъ главный помощникъ Чистяковъ долженъ уѣхать и оставить дѣло не на кого. А дѣло все растеть. И на будущій годъ будетъ то же бѣдствіе. Какъ мы вый- демъ изъ этого, не могу представить.

Дай вамъ Богъ здоровья, женѣ, и главное—душевнаго спокой- ствія и вслѣдствіе этого работы, которой бы вы были довольны.

Любящій васъ Л. Толстой.

П. И. Бирюкову. *)

(ноябрь 1891 г.).

... Я задержался въ этой работѣ **) теперь статьей о голодѣ, кот. началъ и кот. очень заняла меня. Я ѣздилъ съ Таней и М[ашей] порознь въ самыя голодныя мѣста нашей губерніи и хо- тѣлъ написать о томъ, что по этому случаю пришло въ голову. Вы вѣрно догадываетесь чтò—нашъ грѣхъ разъединенія съ брать- ями—касты интеллигентовъ; и чѣмъ дальше пишу, тѣмъ болѣе кажется нужнымъ то, что пишу и тѣмъ менѣе цензурно. Планъ у насъ былъ съ дѣвочками тотъ, чтобы вмѣсто Москвы поселить- ся въ Епифанскомъ уѣздѣ въ самой серединѣ голодающихъ и дѣ- лать тамъ что Богъ велитъ—кормить, раздавать, если будетъ что...

*) Сообщено П. И. Бирюковымъ.

**) Начало книги „Царство Божіе внутри васъ“.

Н. Н. Ге.

(1891 г., Ноябрь. 6).

Писать некогда и неудобно. Пишу только, чтобы откликнуться...

(1891 г., Ноябрь. 9).

... Тутъ много не то, что тутъ должно быть, тутъ деньги отъ С. А. и жертвованныя, тутъ отношенія кормящихъ къ кормимымъ, тутъ грѣха конца нѣтъ, но не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать, что-то дѣлать. И знаю, что дѣлаю не то, но не могу дѣлать то, и не могу ничего дѣлать. Славы людской боюсь и каждый часъ спрашиваю себя, не грѣшу ли этимъ и стараюсь строго судить себя, и дѣлать передъ Богомъ и для Бога. Написалъ одну статью о голодѣ, въ «Вопросахъ философіи» не знаю, пропустятъ-ли; другую въ «Русскія Вѣдомости». Это, вѣроятно, прочтете. Теперь еще пишу. А не хочется писать объ этомъ, хочется кончить большую статью, которая близка уже къ концу. Мнѣ кажется, что съ этимъ голодомъ что-то важное совершается, кончается или начинается.

Л. Толстой.

М. А. Новоселову.

(Бѣгичевка, ноябрь 1891 г.).

Спасибо вамъ, дорогой М. А., что написали мнѣ.—Все, что вы пишете хорошо, помогай Вамъ Богъ, одно страшно мнѣ—за П. Н. Какъ бы не было ему слишкомъ тяжело тамъ. Я очень его полюбилъ и мы всѣ, съ Ванечкой включительно. Да и нельзя его не полюбить. А впрочемъ мнѣ кажется, что его выздоровленіе прочное и что онъ теперь твердъ. Какъ жаль, что не довелось еще повидаться. Напишите, пожалуйста, о себѣ и о немъ. Я былъ близехонько отъ него, въ Богород. уѣздѣ, куда ѣздилъ. Былъ и въ Ефремовск., и въ Епифанск. уѣздѣ, въ самыхъ дурныхъ мѣстахъ. Пишу теперь о голодѣ. Но выходитъ совсѣмъ не о голодѣ, а о нашемъ грѣхѣ раздѣленія съ братьями.

И статья разрастается, очень занимаетъ меня и становится нецензурною. Цѣлую васъ и всѣхъ друзей.

Какъ хорошо, что вы побывали у насъ и мы повидались.

Л. Толстой.

Гр. А. А. Толстой.

(29 ноября 1891 г.).

Дорогой другъ Alexandrine! Ради Бога простите за то, что пишу въ торопяхъ и только о дѣлѣ.

Я сейчас написалъ письмо Кауфману *), предсѣдателю Общества Краснаго Креста, прося его о бесплатномъ провозѣ лошадей крестьянскихъ изъ голодныхъ мѣстъ въ мѣста богатыхъ кормомъ. Пожалуйста, если можно, попросите его черезъ кого-нибудь исполнить мою просьбу, очень нужную и никому немогущую повредить. Только бы онъ обратилъ вниманіе на это дѣло; онъ, говорятъ, человѣкъ хорошій и умный, и онъ навѣрно исполнить ее. Я теперь ѣду въ Москву на недѣлю. У меня большое горе—умеръ мой другъ, одинъ изъ лучшихъ людей, которыхъ я зналъ, умеръ на моихъ рукахъ въ недѣлю отъ инфлуенцы. **) Мы съ нимъ вмѣстѣ работали и полюбили другъ друга больше, чѣмъ прежде.

Мы здоровы и бодры съ дѣтьми и ѣдемъ къ Сонѣ успокоить ее и повидать. Она, бѣдная, измучилась. Я пишу изъ Тулы. Напишу изъ Москвы болѣе прилично. А пока цѣлую Васъ и прошу—прощать и любить меня.

Левъ Толстой.

Москва, 8 декабря 1891 г.

Благодарю васъ очень, дорогой другъ, за послѣднее письмо ваше, не столько за ваше ходатайство у Кауфмана (Кауфманъ отвѣтилъ не хорошо: нужны были не деньги, а общее распоряженіе о бесплатномъ провозѣ лошадей), сколько за тѣ сердечныя, добрыя слова, которыя вы мнѣ въ немъ говорите о смерти Раевскаго. Я началъ читать вслухъ Сонѣ и не могъ отъ слезъ. Такъ вѣрно вы сердцемъ поняли мое чувство и выразили его. Утѣшительно то, что мы съ нимъ провели мѣсяцъ, который навѣрно и въ моей и его жизни будетъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ—не счастливыхъ веселыхъ, а счастливыхъ значительныхъ и удовлетворяющихъ.

Милая Таня, моя свояченица, вамъ сказала Богъ знаетъ что, если вы послали вещи въ Сызранскій уѣздъ. Мы живемъ въ Данковскомъ уѣздѣ и посылаютъ намъ въ станц. Чернаву, Скопинскаго уѣзда. Поэтому вещей мы не получили еще. Я думаю, что это дѣло поправимое, надо написать на почту въ Сызрань (Симбир. губ.). Очень жаль, что случилась эта ошибка и ваше доброе желаніе до сихъ поръ не принесло своихъ плодовъ. Завтра 9-го мы уѣзжаемъ. Соня очень тревожна, но отпускаетъ меня, и мы съ ней дружны

*) Мих. Петр. фонъ-Кауфманъ (р. 1822, ум. 1902).

**) Ив. Ив. Раевскій.

и любовны, какъ давно не были. Мнѣ ее очень жаль, и я постараюсь поскорѣе вернуться, чтобы успокоить ее. Дѣло наше идетъ такъ хорошо, какъ я не мечталъ, и все дальше и дальше затягивается. Бѣдствіе велико, но радостно видѣть, что и сочувствіе велико. Я это теперь увидалъ въ Москвѣ, не по московскимъ жителямъ, но по тѣмъ жителямъ губерніи, которые имѣютъ связи съ Москвою. Страшно подумать, что бы было, если бы вдругъ прекратилась дѣятельность общества.—Говорятъ, что въ Петербургѣ не вѣрятъ серьезности положенія. Это грѣхъ. Я встрѣтилъ у Раевского моряка Протопопова, съ которымъ мы вмѣстѣ были 35 лѣтъ тому назадъ на Язеновскомъ редутѣ въ Севастополѣ. Онъ очень милый человѣкъ, теперь предсѣдатель управы, хлопочетъ, покупаетъ хлѣбъ. Онъ очень вѣрно сказалъ мнѣ, что испытываетъ чувство, подобное тому, какъ бывало въ Севастополѣ. «Спокоенъ, т. е. перестаешь быть безпокоенъ, только тогда, когда что нибудь дѣлаешь для борьбы съ бѣдой». Будетъ ли успѣхъ,—не знаешь, а надо работать, иначе нельзя жить. Отчего не сдѣлають перепись всему хлѣбу въ Россіи?

Простите, не забывайте меня. Очень люблю васъ.

Л. Толстой.

Адресъ Рѣпина: Калинкина площадь 3/5.

*Переписка Л. Н. Толстого и его семьи съ П. А. Усовымъ *).*

Милостивый Государь!

Отецъ поручилъ мнѣ написать вамъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Москвы обратно въ Рязанскую губ. девятого или десятого Декабря.

Онъ очень благодаритъ васъ за присылку льна. Когда получимъ его, напишемъ, который мы нашли болѣе для насъ подходящимъ.

Готовая къ услугамъ *Марія Толстая.*

Сѣно можно прислать хоть сейчасъ, хотя лучше было бы не раньше 14-го Декабря.

*) Павелъ Александровичъ Усовъ, инженеръ путей сообщенія, управляющій Ряз.-Вяз. ж. д., въ 1891—92 г. жилъ около Калуги въ имѣніи „Лужки“. Онъ познакомился съ Л. Н. на почвѣ народной нужды. Питалъ къ Л. Н.—чу до самой смерти (1896 г.) чувства душевной пріязни и глубокаго почитанія. Помогалъ голодающимъ подъ именемъ неизвѣстнаго. Переписка сообщена намъ П. А. Сергѣенкомъ.

Милостивый Государь, въ предыдущемъ письмѣ я забыла написать вамъ на чье имя выслать сѣно и ленъ. Надо высылать на станцію Клековки, Григорію Алексѣвичу Ермолаеву, для передачи Л. Н. Толстому.

Готовая къ услугамъ

М. Толстая.

10 дек. 1891 г.

Павелъ Александровичъ!

Очень благодаренъ вамъ отъ себя и отъ крестьянъ, кот. ваше пожертвованіе будетъ очень благодарѣтельно, за лыко. Я еще не получилъ его. Сейчасъ посылаю на станцію, гдѣ надѣюсь получить накладную и если получу, то завтра же придетъ и лыко. Если оно по качеству своему будетъ одобрено крестьянами, въ чемъ я не сомнѣваюсь (дешевле оно здѣшнихъ базарныхъ цѣнъ втрое), то я тотчасъ попрошу васъ взять еще одинъ или два вагона и вышлю на нихъ, имѣющіяся у меня свидѣтельства Краснаго Креста.— Ленъ тоже еще не получалъ. И жду полученія, чтобы рѣшить сколько и какого выписать.

Очень очень вамъ благодаренъ за вашу помощь намъ. Дѣло наше растетъ и растетъ. Въ особенности растутъ нужда и требованія, заявляемые къ намъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Вашъ *Л. Толстой.*

91 г. 17 Дек. (почт. шт.).

Уважаемый Павелъ Александровичъ!

Всѣ три пожертвованія ваши я получилъ и приношу вамъ за нихъ сердечную благодарность отъ лица тѣхъ, кто воспользуется вашими благодареніями. Лыко мы продаемъ и потихоньку раздаемъ такъ чтобы не вызвать слишкомъ большую зависть и отдаемъ изъ полу съ тѣмъ чтобы потомъ одѣлять нуждающихся лаптями.

Отъ Владимірова идутъ еще $1\frac{1}{2}$ вагона лыка, такъ что пока мы не будемъ выписывать лыко. Также и со льномъ. Вашъ ленъ расхватали за деньги по вашей цѣнѣ и изъ полу холстомъ. Но теперь идутъ свои купленные вагоны и полвагона Владимірова и потому тоже и льна пока не нужно. Сѣно еще на станціи и такъ хорошо,

что мой комиссіонеръ Ермолаевъ, соблазнившись его добротою и моими, сказанными какъ предположеніе словами, что не выгоднѣ ли будетъ продать его чтобы промѣнять на солому, сталъ безъ моего приказа продавать его, что я остановилъ, рѣшивъ держать его до весны съ тѣмъ, чтобы въ самое критическое время смѣшивая его съ соломою давать погибающему скоту.

Вы такъ добры, что неоднократно предлагали мнѣ свою помощь. Я желаю воспользоваться ею. Теперь нужнѣ всего дрова. Не можете ли вы приторговать намъ на какую-либо станцію дровъ осиновыхъ или березовыхъ. Цѣна 8 осин. и 10 бер. для насъ будетъ доступна и выгодна и мы возьмемъ десятки вагоновъ. 50 вагоновъ, т. е. 100 саж. тѣхъ и другихъ. Нужда въ дровахъ становится все больше и больше.

Дѣло наше все ползетъ врозь, т. е. расширяется независимо отъ нашей воли.

Съ совершеннымъ уваженіемъ Вашъ *Л. Толстой*.

Штемпель 25 дек. 1891 г.

Павель Александровичъ.

Я не получилъ еще дрова ни тѣ, ни другіе и потому не могу судить о томъ, какіе выгоднѣ. Такъ я и отвѣчалъ вамъ телеграммою. Боюсь однако, чтобы очень дешевые не были невыгоднѣ вслѣдствіи стоимости провоза съ желѣзн. дор. И потому предпочелъ бы болѣе дорогіе—березовые. Впрочемъ намъ много нужно будетъ дровъ и для разныхъ потребностей, такъ что сойдутъ всякіе.

Очень благодаренъ вамъ за вашу намъ помощь.

Искренно уважающій васъ *Л. Толстой*.

Почт. штемпель. 29-го янв. 1892 г.

Дешевые дрова получилъ и желалъ бы получить таковыхъ еще 70 сажень. Деньги за дрова мнѣ удобнѣ отдать въ Москвѣ. Прошу счетъ прислать женѣ Соф. Анд. Очень благодарю за помощь.

Л. Толстой.

Дрова эти нужны для раздачи и потому чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. (Почт. штемп. 2 февр. 92 г.).

15 февр.

Не перестаю благодарить отъ себя и тѣхъ многихъ, к-ые пользуются вашей намъ помощью, за все, что вы для насъ дѣлаете.

Дрова получаемъ. Не знаю еще вѣрно, сколько, но кажется всѣ тѣ, на к. у васъ были свидѣтельства. Дубликатовъ только еще нѣтъ. Нынче пишу женѣ, чтобы она выслала еще 20 свидѣт.—

За предложеніе кн. Голицыной очень благодаренъ, но теперь уже такъ мало времени до поднож. корма, что не можемъ воспользоваться.—Что стоила пенька, кот. вы мнѣ прислали? Она теперь пошла въ дѣло.

Дрова очень хороши. Благодарный вамъ *Левъ Толстой*.

Уважаемый Павелъ Александровичъ.

Я забылъ кажется поблагодарить васъ и неизвѣстное мнѣ лицо за послѣднее пожертвованіе два сажня дрова, исправляю эту ошибку.

Дрова я получилъ, кажется, всѣ, жену просилъ послать вамъ еще 20 свидѣтельствъ. Вы совершенно обезпечили насъ дровами. Очень, очень благодарю васъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

15 февр. 1892 г.

Жена пишетъ, что у нея нѣтъ больше свидѣтельствъ. Посылаю тѣ, кот. у насъ есть и вышлю еще, если получу отъ Ряз. Губер.

Милостивый Государь Павелъ Александровичъ.

Только сегодня получила я письмо отъ мужа моего, графа Льва Николаевича, съ отвѣтомъ и просьбой уплатить по вашему указанію деньги за дрова. Завтра же я высылаю Н. К. Рубцову 844 рубля.

Вамъ же Левъ Николаевичъ бесконечно благодаренъ за всю ту помощь и содѣйствіе, которое вы все время ему оказывали въ дѣлѣ помощи бѣдствующему населенію. Онъ мнѣ пишетъ объ этомъ, и проситъ меня вамъ получше передать его чувства.

Дрова, которыя вы доставили ему за такую баснословно-дешевую цѣну, оказали большія благодѣянія. Зима стоитъ до сихъ поръ холодная, и сколькихъ дѣтей, больныхъ и стариковъ согрѣли эти раздаваемые по выбору Льва Николаевича дрова.

Теперь еще пожертвовалъ намъ дровъ Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ, но врядъ ли они пришли.

Такъ какъ и мнѣ приходится хлопотать по дѣлу помощи народу, которое я принимаю, какъ и всѣ, очень къ сердцу, то и я,

присоединяюсь къ мужу, чтобы еще разъ поблагодарить васъ, и прошу принять увѣренія въ моемъ уваженіи и преданности.

С. Толстая.

3 марта. 1892 г. Москва. Хамовническій 15.

5 марта.

Павель Александровичъ, отецъ поручилъ мнѣ написать Вамъ, что всѣ, присланныя вами, дрова онъ получилъ и очень благодарить Васъ за нихъ. Онъ считаетъ ихъ жертвованными Вами, такъ какъ цѣна, по которой Вы назначаете ихъ, баснословно дешева. Вы не можете себѣ представить, до какой степени велика нужда въ топливѣ и какъ дѣйствительна Ваша помощь. Отецъ говоритъ, что онъ взялъ бы еще, т. е. во всемъ, до 70-ти вагоновъ, если возможно. Позвольте поблагодарить Васъ за всѣ Ваши хлопоты.

Готовая къ услугамъ

Марія Толстая.

10 марта.

Уважаемый Павель Александровичъ. Не помню, писалъ ли я вамъ благодарность за дрова, очевидно не продаваемые, но пожертвованныя, и извиненіе за то, что деньги не тотчасъ же были заплачены. (Теперь, вѣроятно, они уже уплачены). Дѣлаю это теперь. И прошу еще выслать и если можно поскорѣе намъ 4 вагона дешевыхъ дровъ на станцію Караси, Елецкой, кажется такъ называется, дороги. 4 свидѣтельства высылаю. Благодарный вамъ и уважающій васъ

Л. Толстой.

17-го мая 1892 г.

Многоуважаемый Павель Александровичъ, отецъ поручилъ мнѣ написать Вамъ, что онъ очень проситъ Васъ, прислать, если можно немедленно, еще 6 вагоновъ дровъ. Посылаю для этого 6 свидѣтельствъ Кр. Креста, которыя только дѣйствительны до 28-го Мая. Отецъ очень благодаритъ Васъ за всѣ Ваши хлопоты для нашего дѣла и шлетъ Вамъ привѣтъ.

Готовая къ услугамъ

Марія Толстая.

Дорогой Павель Александровичъ.

Извините, что потревожилъ васъ понапрасну о сѣмени и теперь опять прошу вашей помощи о дровахъ. Намъ еще нужно въ Кле-

котки 20 вагоновъ дешевыхъ дровъ. Если можно, пришлите намъ пожалуйста, деньги опять въ Москвѣ. Если вы можете добыть свидѣтельства, то дайте своихъ, если же нѣтъ, то мы вышлемъ вамъ. Спѣху особеннаго нѣтъ, но если можно начать высылать недѣли черезъ двѣ, то это было бы хорошо. Еще разъ благодарю васъ отъ души за вашу прежнюю и теперешнюю помощь и остаюсь любящій васъ

26-го Апр. 92 г.

Л. Толстой.

Милостивый Государь Павелъ Александровичъ.

4-го Марта я послала господину Рубцову въ Калугу 844 рубля за дрова. Я вполнѣ была увѣрена, что онъ ихъ получилъ, и вдругъ получаю вчера повѣстку съ почты на эти самыя деньги, возвращенныя мнѣ почтой.

Не поможете ли вы мнѣ разъяснить это дѣло? Находится ли г. Рубцовъ въ Калугѣ? Какой его точный адресъ? Почему Калужскій почтамтъ нашелъ нужнымъ возвратить мнѣ эти деньги?

Очень буду вамъ благодарна, если вы мнѣ поможете разъяснить это обстоятельство, и прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности

Гр. С. Толстая.

28 Апр. 1892 г. Москва, Хамовническій пер. 15. Гр. Софья Андреевнѣ Толстой.

Павелъ Александровичъ. Очень благодаренъ вамъ за 4 вагона дровъ, которые вы вѣроятно уже выслали въ Караси. Сколько мы вамъ должны за нихъ? Еще буду просить васъ выслать намъ 30 (тридцать) вагоновъ, куда, не могу еще сказать; но прошу очень сообщить намъ, можно ли рассчитывать на это количество.

Я теперь въ Ясной. Къ началу же Іюля буду въ Бѣгичевкѣ и тамъ рѣшимъ, куда именно намъ нужны дрова, и тогда вновь напишу вамъ и вышлю свидѣтельства. Хотя вы и отказываетесь отъ моей благодарности, не могу не выражать вамъ то, какъ драгоценна и важна намъ была ваша помощь. Во многихъ мѣстахъ около насъ и нынѣшній годъ очень плохо и нельзя оставить дѣло. Въ особенности нужны будутъ дрова, т. к. соломы 2-й годъ нѣтъ. Дружески жму вашу руку.

27-го Іюня 1892 г.

Вашъ Л. Толстой.

Многоуважаемый Павелъ Александровичъ.

Дрова, присланные Рубцовымъ въ Караси, по ошибкѣ пролежали такъ долго на станціи, что сумма, которую намъ пришлось бы платить за пролежалое, превышала ихъ стоимость, поэтому мы отъ нихъ отказались.

Вѣроятно, еще не разъ придется намъ прибѣгать къ вашей доброй помощи, такъ какъ столовые наши продолжатся еще эту зиму, конечно не всѣ, но порядочная часть ихъ. Уважающая васъ Толстая.

Ясная Поляна. 7-го Іюля.

И. Б. Фейнерману.

(Воронежск. губ., 1891 г., Дек.).

Дорогой Исаакъ Борисовичъ!

Спасибо вамъ, что извѣстили о себѣ. Я очень, очень радъ узнать о всѣхъ васъ, и о томъ, какъ вы живете.

Я живу скверно. Самъ не знаю, какъ меня затянуло въ эту тягостную для меня работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ. Но затянуло такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которой рветъ богачей.

Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниться; не то, что не считаю это нужнымъ,—считаю, что должно мнѣ устраниться, но не достаетъ силъ.

Я началъ съ того, что написалъ статью по случаю голода, въ которой высказывалъ главную мысль ту, что все произошло отъ нашего грѣха—отдѣленія себя отъ братьевъ, и что спасеніе и поправка дѣлу одна: покаяніе, т. е. измѣненіе жизни, разрушеніе стѣны между нами и народомъ и сближеніе, сліяніе съ нимъ, невольное, вслѣдствіе отреченія отъ преимуществъ. Съ статьей этой, которую я отдалъ въ «Вопросы Психологіи», Гротъ возился мѣсяцъ и теперь возится. Ее и смягчали, и пропускали, и не пропускали,—и кончилось тѣмъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ. Мысли же, вызванныя статьей, заставили меня поселиться среди голодающихъ; а тутъ жена напечатала письмо, вызвавшее пожертвованія, и я самъ не замѣтилъ, какъ я очутился въ положеніи распредѣлителя чужой блевотины и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ въ извѣстныя обязательныя отношенія къ здѣшнему народу.

Бѣдствіе здѣсь большое и все растетъ, а помощь увеличиваетъ въ меньшей прогрессіи, чѣмъ бѣдствіе. И потому, разъ попавши

въ это положеніе, уже невозможно, прямо не могу, отстраниться.

Дѣлаемъ мы вотъ что: покупаемъ хлѣбъ и другую пищу и по деревнямъ у самыхъ бѣдныхъ хозяевъ устраиваемъ,—не устраиваемъ, потому что всё дѣлаютъ сами хозяева, а только даемъ средства, т. е. продовольствіе на столовые, и кормятся слабые, старые, малые, иногда и средніе голодные. Много тутъ и дурного, много и хорошаго, т. е. не въ смыслѣ нашего дѣла, а въ смыслѣ проявленія добрыхъ чувствъ.

На-дняхъ калужскій разбогатѣвшій крестьянинъ предложилъ изъ голодной мѣстности послать на зиму въ Масальскій уѣздъ 80 лошадей. Ихъ тамъ прокормятъ зиму и пришлютъ весной. Калужскіе крестьяне предложили, а здѣшніе (воронежскіе) въ одинъ день набрали всѣ 80 лошадей и готовы отправить, довѣряясь чужимъ невиданнымъ братьямъ.

Ну, пока прощайте, передайте мой братскій привѣтъ всѣмъ вашимъ знакомымъ, женѣ и незнакомымъ сотрудникамъ. Пишите подробнѣе о себѣ.

Л. Толстой.

Р. С. Собираемый вами хлѣбъ направьте въ болѣе близкія къ вамъ мѣста. Равно и деньги. У насъ избытокъ ихъ соотвѣтственно не нуждѣ, а силамъ распределенія.

Давно уже получилъ ваше письмо, дорогой Исаакъ Борисовичъ, и тогда не успѣлъ отвѣтить. Очевидно, вы писали подъ впечатлѣніемъ слуховъ, что меня посадили или сдѣлали надо мной какое-либо насиліе. Къ сожалѣнію для меня и къ счастью для дѣлающихъ насиліе, ничего подобнаго не случилось, и я вижу, что вокругъ меня насилуютъ моихъ друзей, а меня оставляютъ въ покоѣ, хотя если кто вреденъ или бы долженъ быть, то это я. Очевидно, я еще не стою гоненія. И мнѣ совѣстно за это.

Хилкова водворяютъ среди духоборцевъ. Это всё, что я знаю про него. Свѣдѣніе это я получилъ черезъ Бирюкова, который теперь въ Самарѣ съ сыномъ, Львомъ. На-дняхъ же узналъ, что Р-на взяли съ жандармами отъ А., у котораго онъ жилъ, и свезли въ Воронежскій острогъ.

Письмо ваше во всякомъ случаѣ было мнѣ радостно, и очень благодарю васъ за него. Кабы привелъ Богъ въ такое положеніе, въ которомъ оно бы было кстати.

Я теперь въ Москвѣ, на святки возвращаюсь въ Бѣгичевку (Ворон. губ.). Друзья наши тамъ живутъ, трудятся и тяготеются той нравственной тяготой, которая связана съ дѣломъ кормленія голодныхъ.

Нельзя представить себѣ, до какой степени тяжело быть въ положеніи распорядителя, раздавателя и по своему выбору давать или не давать. А всё дѣло въ этомъ. Очень тяжело, но уйти нельзя. И я томлюсь поскорѣе выбраться отсюда.

Я всё кончаю свое писанье («Царство Божіе внутри васъ») и всё не могу кончить. Какъ вы живете? Не забывайте меня, пишите хоть изрѣдка.

П. съ вами или нѣтъ? Я получилъ отъ него письмо съ приговоромъ Павловскихъ крестьянъ, но не разобралъ откуда. Передайте ему мой привѣтъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

Изъ статьи В. В. Рахманова.

...Съ осени 1891 года я поселился въ селѣ Богородскомъ, нижегородской губ., чтобы здѣсь всецѣло отдаться медицинской дѣятельности. Но вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей не давали возможности успокоиться, и я съ женой рѣшилъ ѣхать въ лукояновскій уѣздъ, чтобы кормить голодающихъ. Я просилъ практическихъ указаній у Л. Н., который тогда уже открылъ столовые; въ отвѣтъ я получилъ слѣдующее письмо:

«Очень радъ былъ получить отъ васъ извѣстіе, дорогой Владимиръ Васильевичъ. Если вы хотите открыть столовые въ лукояновскомъ уѣздѣ, гдѣ, кажется, положеніе народа очень дурно, то дѣлайте такъ: какъ изберете мѣсто въ серединѣ самыхъ голодныхъ деревень, припасите въ это мѣсто муки, отрубей, картофеля, капусты, свеклы, гороху, чечевицы, овсяной муки, соли или хотя то, что можно изъ этого, и потомъ пойдите въ одну изъ деревень, выберите въ серединѣ деревни, если она не болѣе 30, 40 дворовъ, одну самую бѣдную семью, а то двѣ, если деревня вдвое больше, и предложите хозяевамъ, получая отъ васъ продовольствіе, печь хлѣбы и варить для нуждающихся, старыхъ, слабыхъ, малыхъ, а то и не старыхъ, но голодныхъ, отъ 30 до 40 человекъ. Потомъ перепишите со старостой этихъ людей, выдайте провизію и посящайте столовые, испытывая въ нихъ наилучшую, болѣе питательную пищу, противодѣйствуя злоупотребленіямъ и принимая

тѣхъ, которые пропущены и просятся. Дѣло это такъ просто и такъ легко складывается, какъ какое-то природное явленіе. Въ лукояновскомъ уѣздѣ есть учитель Великановъ, который былъ у насъ лѣтомъ и которому я писалъ недавно, прося его дать мнѣ свѣдѣнія о состояніи населенія, но такъ какъ я наобумъ писалъ адресъ, то письмо, видно, не дошло до него.

Хлѣба, я думаю, не достанетъ, но если сдѣлается то, что богатые почувствуютъ свою вину передъ народомъ, и постараются разрушить стѣну, отдѣляющую ихъ отъ него, то всѣ вмѣстѣ, дѣлясь добровольно, изживутъ бѣду. Если нѣтъ риса и пшеницы, есть овесъ, ячмень, кукуруза, картофель. Изъ Америки уже ѣдутъ 7 кораблей съ кукурузой.

Меня затащило это дѣло. Я чувствую, что дѣлаю не то, что надо, получая пожертвованія, вызванныя письмами жены, и распределяя ихъ все-таки по своей волѣ на покупку продовольствія и устройство столовыхъ, но не могу, не имѣю силъ оторваться отъ этого дѣла, устранившись.

Мы живемъ здѣсь въ имѣніи моего знакомаго, Раевского, очень хорошаго (хорошаго либерала и вмѣстѣ народника) и практическаго человѣка съ двумя дочерьми, Тан. и Маш., и племянницей В. Кузьм. и онѣ усердно работаютъ.

Устроено у насъ 18 столовыхъ, у сосѣдей нашихъ Философовъ—6. Еще на-дняхъ пріѣхали двое—одинъ юристъ, другой естественникъ, кончившіе курсъ. Купцы изъ Москвы тоже открываютъ столовыя. Вездѣ это дѣло распространяется, какъ сѣть. И много есть тутъ хорошаго. Есть и дурное, именно свой произволъ, котораго нельзя вполнѣ устранить, и ложная роль, которую играешь.

Привѣтствую вашу сотрудницу, Сытинскую, и цѣлую васъ

Л. Толстой.

Р. С. Болѣе подробныя свѣдѣнія о веденіи столовыхъ вы, вѣроятно, прочтете въ статьѣ, которую я на-дняхъ напечатаю или въ «Недѣлѣ» или въ «Русск. Вѣд.».

Пріѣхавъ на мѣсто, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, я рѣшилъ столовыхъ не открывать, а раздавать голодающимъ крестьянамъ продукты прямо на руки. Надо замѣтить, что въ лукояновскомъ уѣздѣ, въ отличіе отъ данковскаго, сравнительно много лѣсу, и топливо тутъ у крестьянъ было, такъ что съ нимъ не приходилось очень экономить. Такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ мотивовъ открытія столовыхъ отпадалъ.

Левъ Николаевичъ, услышавъ о моемъ рѣшеніи не открывать столовыхъ, прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

« 21 января 1892 года.

Дорогой Владиміръ Васильевичъ! Читалъ я ваше письмо къ сестрѣ и очень пожалѣлъ, что вы отступили отъ мысли столовыхъ. Я думаю, что это ошибка, ошибка очень обыкновенная и многіе её дѣлаютъ. Мужики, тѣ самые, которые больше говорятъ и которые больше замѣтны, всегда противъ столовыхъ и за выдачу муки. Пойти въ столовую или послать дѣтей не то, что богатому, а такому, который обходится самъ, и совѣстно, и не такъ выгодно, какъ получать муку, и потому большинство всегда за выдачу. Столовые эти, кромѣ того, что онѣ самое лучшее средство распредѣленія—безъ нихъ очень трудно разобраться—главное здоровѣе и дешевле.

Не забывайте, что изъ всѣхъ предметовъ питанія ржаной хлѣбъ теперь самый дорогой. Хлѣбъ стоитъ 2 к. и больше фунтъ, а капуста, картофеля, гороха, чего хотите, фунтъ стоитъ 1 к. и меньше. Напримѣръ, пшено, которое вездѣ есть, развариваясь вчетверо, стоитъ 1 к. ф. каши, и потому, если кормить однимъ хлѣбомъ или хлѣбомъ пополамъ съ кашей, то второй способъ выйдетъ и дешевле и сытнѣе. Эрисманъ пишетъ и читаетъ лекціи о томъ, какъ ошибочно кормить хлѣбомъ, преимущественно въ гигиеническомъ отношеніи. Тоже и въ экономическомъ.

Если вы можете поправить свою ошибку и замѣнить выдачу хлѣбомъ *) столовыми—сдѣлайте это.

Не говоря о всѣхъ другихъ выгодахъ, при столовыхъ устанавливаются самыя хорошія отношенія, какихъ нѣтъ при выдачѣ. Больше хлопотъ только, но за то и больше удовлетворенія нравственнаго.

Я далъ вашъ адресъ въ редакцію «Русск. Вѣд.» съ тѣмъ, чтобы они на ваше имя высылали денегъ. Я надѣюсь, что они сдѣлаютъ это.

Мы пробыли 20 дней въ Москвѣ. ъдемъ завтра назадъ. Пишите. Алехинъ Арк. былъ здѣсь и я просилъ его поѣхать намъ закупать хлѣбъ. Онъ поѣхалъ. У насъ дѣло такъ затянуло насъ, что

*) У Толстого были неточныя свѣдѣнія: я выдавалъ не хлѣбъ, а муку, крупу и горохъ. Картофель и капусту крестьяне имѣли свои, такъ что питались не исключительно однимъ хлѣбомъ.

нельзя отъ него уйти и до сихъ поръ есть средства, такъ что всё распространяется. Теперь около 100 столовыхъ.

Прощайте. Цѣлую васъ. Любящій васъ *Л. Толстой*».

Доводы Толстого мнѣ показались неубѣдительными, и столовыхъ я не открылъ. Когда лѣтомъ того года я проѣздомъ заѣхалъ къ Льву Николаевичу, онъ тотчасъ же сталъ спорить со мною по поводу моего отношенія къ столовымъ. Мы разстались очень на-тянуто. Я опять уѣхалъ въ лукояновскій уѣздъ.

Въ редакцію газеты «Русская Жизнь».

[Редакція «Русской Жизни» издала въ 1892 г. альбомъ автографовъ писателей, художниковъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей подъ заглавіемъ: «Голодному на хлѣбъ». На приглашеніе редакціи принять участіе въ альбомѣ присылкою автографа, Л. Толстой отвѣтилъ письмомъ, которое и было воспроизведено въ альбомѣ факсимиле, въ качествѣ просимаго автографа].

Я не знаю, какъ исполнить ваше желаніе. Французы имѣютъ передъ нами въ этомъ отношеніи то преимущество, что они знаютъ какъ это дѣлать и имъ не совѣстно. Мнѣ же признаюсь такъ совѣстно, что я не могу преодолѣть себя. Кому можетъ быть какая нужда въ моемъ писаніи. Ради Бога не думайте, что я говорю, что не думаю и не чувствую. Не могу и не могъ никогда ни публично читать ни писать въ альбомы. Пожалуйста простите меня и не сердитесь и вѣрьте искреннему уваженію

Льва Толстого.

Гр. С. А. Толстой.

По тону письма я вижу, что я въ чемъ-то провинился и мнѣ передъ кѣмъ-то надо оправдаться.

Этотъ тонъ надо не допускать.

Я пишу, что думаю и то, что не можетъ нравиться ни правительству, ни властнымъ классамъ уже 12 лѣтъ, и пишу не нечаянно, а сознательно и не только оправдываться въ этомъ не намѣренъ, но надѣюсь, что тѣ, которые желаютъ, чтобы я оправдывался, постараются если не оправдаться, то очиститься отъ того, въ чемъ не я, а вся жизнь ихъ обвиняетъ.

Въ частномъ же этомъ случаѣ происходитъ слѣдующее: прави-

тельство устраиваетъ цензуру нелѣпую, незаконную, мѣшающую появиться мыслямъ людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, невольно происходитъ то, что вещи эти въ искаженномъ видѣ являются за границей.

Правительство приходитъ въ волненіе и, вмѣсто того, чтобы открыто разобрать дѣло, прячется за цензуру, вмѣстѣ съ тѣмъ еще чѣмъ-то обижается и позволяетъ себѣ обвинять еще другихъ, а не себя.

То же, что я писалъ въ статьѣ о голодѣ, есть часть того, что я 12 лѣтъ подъ рядъ на всѣ лады пишу и говорю и буду говорить до самой смерти, и что говоритъ со мною все, что есть просвѣщеннаго и честнаго во всемъ мірѣ, что говоритъ сердце каждаго неиспорченнаго человѣка, и что говоритъ то Христіанство, которое исповѣдуютъ тѣ, которые ужасаются.

Можно молчать. Если же не молчать, то можно обвинять не «Московскія Вѣдомости», которыя вовсе не интересны, и не людей, а тѣ условія жизни, при которыхъ возможно все то, что возможно у насъ.

Замѣть при этомъ, что есть мои писанія въ тысячахъ экземпляровъ на разныхъ языкахъ, въ которыхъ изложены мои взгляды, и вдругъ по какимъ-то таинственнымъ письмамъ, появившимся въ англійской газетѣ, всѣ вдругъ поняли, что я за птица!

Вѣдь это смѣшно!

Только невѣжественные люди, изъ которыхъ самые невѣжественные это тѣ, что составляютъ силу, могутъ не знать того, что я писалъ и думалъ; только они могутъ думать, что такіе взгляды, какъ мои, могутъ въ одинъ день вдругъ перемениться и сдѣлаться революціонными.

Все это смѣшно! И разсуждать съ такими людьми для меня и унизительно, и оскорбительно.

Боюсь, что будутъ обвинять меня въ гордости, но это будетъ несправедливо. Не гордость, а тѣ основы, которыми живу, не могутъ подгибаться подъ требованія нехристіанскихъ людей.

Я отстаиваю не себя и оскорбляюсь не за себя, а за тѣ основы, которыми я живу.

Пишу же заявленіе и подписываюсь потому, что, какъ справедливо пишетъ Гротъ, истину всегда нужно возстановлять, если это нужно.

Тѣ же, которые рвутъ портреты, совершенно напрасно ихъ имѣли.

Л. Толстой.

1892.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь
господинъ редакторъ!

Въ отвѣтъ на получаемаыя мною отъ разныхъ лицъ письма съ вопросами о томъ, дѣйствительно ли написаны и посланы мною въ англійскія газеты письма, изъ которыхъ сдѣланы выписки въ номеръ 22 «Московскихъ Вѣдомостей», покорно прошу помѣстить слѣдующее мое заявленіе:

Писемъ никакихъ я въ англійскія газеты не писалъ. Выписка же, напечатанная мелкимъ шрифтомъ и приписываемая мнѣ, есть очень измѣненное (вслѣдствіе двукратнаго—сначала на англійскій, потомъ на русскій языкъ—слишкомъ вольнаго перевода) мѣсто изъ моей статьи, еще въ октябрѣ отданной въ московскій журналъ и не напечатанной, и послѣ того отданной, по обыкновенію моему, въ полное распоряженіе иностранныхъ переводчиковъ.

Мѣсто же въ статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей», напечатанное вслѣдъ за выпиской изъ перевода моей статьи крупнымъ шрифтомъ и выдаваемое за выраженную мной будто бы во второмъ письмѣ мысль о томъ, какъ долженъ поступить народъ для избавленія себя отъ голода,—есть сплошной вымыселъ.

Въ этомъ мѣстѣ составитель статьи пользуется моими словами, употребленными въ совершенно другомъ смыслѣ, для выраженія совершенно чуждой и противной моимъ убѣжденіямъ мысли.

Съ совершеннымъ уваженіемъ
Левъ Толстой.

22 февраля 1892 г. Бѣгичевка.

[Вотъ тѣ строки «Московскихъ Вѣдомостей», о которыхъ упоминается въ письмѣ.

«Письма графа Толстого не нуждаются въ комментаріяхъ. Они являются открытою пропагандой къ ниспроверженію всего существующаго во всемъ мірѣ социальнаго и экономическаго строя, который, съ весьма понятною цѣлью, приписывается графомъ одной только Россіи. Пропаганда графа есть пропаганда самаго крайняго,

самого разнузданнаго соціалізма, предъ которымъ блѣднѣетъ даже наша подпольная пропаганда» и далѣе: «графъ открыто повѣдуетъ программу соціальной революціи».

Послѣ письма Л. Н. «Московскія Вѣдомости», не сознаваясь въ облыжномъ искаженіи словъ писателя, продолжали свою брань и въ № 71 говорили, напр., въ такомъ тонѣ:

«Толстой, авторъ «Войны и міра», авторъ «Анны Карениной» умеръ и не воскреснетъ. Предъ нами другой Толстой,—несчастный старикъ, находящійся въ состояніи умственнаго и нравственнаго распаденія, опустившійся до міросозерцанія малограмотныхъ анархистскихъ листковъ и брошюръ.

«Очевидно, что талантъ автора «Войны и міра» потухъ: лампада догорѣла, драгоценное мвро, заключенное въ ней, истощилось, а фитиль все еще трещитъ и дымить, распространяя чадъ и душье...

«Мы не говоримъ, что графъ Толстой—соціалистъ. Нѣтъ даже этого. Онъ просто подобенъ легкомысленному мальчику, который, первый разъ въ жизни прочтя какую-нибудь анархистскую брошюру, увидѣлъ въ ней какъ бы новое откровеніе и рабски подчинился нелѣпому набору словъ».

Этотъ тонъ въ отношеніи къ человѣку, стоявшему тогда во главѣ огромнаго и отвѣтственнаго благотворительнаго дѣла, возмутилъ даже безусловно консервативный журналъ той поры «Русское Обозрѣніе». Журналъ въ 3-ей книжкѣ того же 1892 года говорилъ:

«У противниковъ графа Толстого, обвиняющихъ его въ анархическомъ образѣ мыслей и въ революціонной пропагандѣ, найдется можетъ быть болѣе общаго съ анархизмомъ, чѣмъ у него самого.

«Конечно, графъ Толстой преимущественно художникъ, а не публицистъ и не общественный дѣятель; но какимъ образомъ «Моск. Вѣд.» объясняютъ себѣ тотъ фактъ, что несчастный, по ихъ словамъ, старикъ, находящійся въ состояніи умственнаго и нравственнаго распаденія, опустившійся до міросозерцанія малограмотныхъ анархистскихъ листковъ и брошюръ, могъ, однако, не только руководить устройствомъ 172 народныхъ столовыхъ, гдѣ кормится въ настоящее время около 10.000 человѣкъ, но и написать статью объ этихъ столовыхъ, которая стала простѣйшимъ руководствомъ для ихъ устройства, какъ частными лицами, такъ и официальными учрежденіями?

«Моск. Вѣд.», которыя имѣютъ повидимому претензію знать образъ мыслей графа Толстого лучше его самого, спрашиваютъ: Неужели графъ Толстой не имѣетъ даже *courage de son opinion*? Не слишкомъ ли это сильно? Невольно подумаешь: *pas trop de zèle, pas trop de zèle!*»]

Е. И. Попову.

Москва, 1892 г., мартъ 23.

Письмо ваше, милые друзья, И. И. и Е. И., посланное вмѣстѣ, и отвѣчать позвольте мнѣ вмѣстѣ. Я получилъ его только вчера. Оно проѣхало изъ Чернавы въ Москву.

1) О книгахъ для воспитанія. Книгъ такихъ много, и надо подумать. «Эмиль» Руссо непременно долженъ стоять въ главныхъ. Эскироса не знаю. Еще не могу вспомнить и многого не знаю. Но если узнаю и вспомню, напишу. Да, В. Гюго: «Бѣдные люди».

Спасибо, что написали о полякѣ. Буду помнить. Сближеніе съ поляками особенно радостно. Они дальше отъ насъ, чѣмъ африканцы, а должны быть близки. Въ столовыхъ въ Моршанскомъ уѣздѣ съ Кисеромъ, другомъ Шаховскаго Д. И., жилъ и работалъ одинъ полякъ. Я нынче это узналъ и такъ было пріятно.

Слышалъ я про статью Щеглова, вспомнилъ про ваше любовное отношеніе къ нему и порадовался за васъ. Нѣтъ, Е. И., это хорошо, хорошо и это хорошо. Самому не надо быть причиной поруганія, а поруганіе безъ причины въ себѣ—баня.

Поша пишетъ изъ Самары. И по письмамъ ихъ, Левы и Поши *), радуюсь на обоихъ.

Знаете вы разсказъ изъ Прологовъ о томъ, какъ монахъ взялъ къ себѣ въ домъ съ улицы нищаго въ ранахъ и сталъ ходить за нимъ, обмывать и перевязывать раны. Нищій сначала былъ радъ; но прошло нѣсколько недѣль, во время которыхъ нищій становился все мрачнѣе и мрачнѣе, раздраженнѣе и раздраженнѣе, и наконецъ, когда въ одинъ день монахъ подошелъ къ нему чтобы перевязывать его раны, нищій съ злостью закричалъ на него: не могу видѣть лица твоего, уйди ты отъ меня, ненавижу тебя, потому что вижу, что то, что ты дѣлаешь, ты дѣлаешь не для меня, ты не любишь меня, а только мной спастись хочешь. Отнеси меня назадъ на уголъ улицы. Мнѣ легче было тамъ, чѣмъ здѣсь принимать твои услуги.

*) П. И. Бирюковъ и Л. Л. Толстой, организовавшіе помощь голодающимъ въ Самарской губерніи.

Вотъ такое же и я чувствую къ намъ отношеніе народа и чувствую, что такъ и должно быть, что и мы имъ спастись хотимъ, а не его просто любимъ, или мало любимъ.

То, что вы думаете о сельской жизни, пишите. Только не программу, а что есть, то выкладывайте. Сейчасъ увидите, есть ли что выкладывать. Я думаю—да.

Цѣлую васъ всѣхъ и люблю.

Левъ Толстой.

*М. В. Алехину *).*

(Весна 1892 года).

Дорогой Митрофанъ Васильевичъ, пришла кукуруза и мы посылаемъ за нее деньги. При этомъ случаѣ пишу вамъ. Денегъ посылаемъ 3700 рублей, рассчитывая на 9 вагоновъ отъ Шпильмана. Если же бы случилось, что Коварскій, которому давно (мѣсяца два тому назадъ) заказанъ 1 вагонъ и которому я писалъ 12-го, чтобы онъ не присылалъ, если бы и Коварскій прислалъ свой 10-ый вагонъ, то заплатите изъ своихъ денегъ. Если удастся кукурузу привезти по зимнему пути, то смоловъ ее выдавайте ее по $\frac{1}{3}$ на муку.

Впрочемъ все вамъ виднѣе. Кукурузу надо будетъ также употреблять взаимнѣ пшена и картошки въ видѣ мамалыги.

Пришло вагоновъ 6, и потому 1200 р. останутся у Ермолаева до тѣхъ поръ пока придутъ остальные. Имѣйте это въ виду.

Еще въ моей комнатѣ осталась въ столѣ крышка отъ сломанныхъ часовъ и книжечка французская «Le devoir present Desjardins». Если ея нѣтъ, то она у Мордвиновыхъ, при случаѣ возьмите ее и пришлите мнѣ. А еще пришлите мнѣ листки нашего дневного журнала, гдѣ записывались всѣ приходящіе за дѣлами. Какъ вы живете? Все также ли ровно, спокойно, ласково къ людямъ и радостно? Когда мнѣ безпокойно, тревожно, вспоминаю васъ. Очень жалѣю, что не успѣлъ поговорить хорошенько по душѣ съ Алексѣвичемъ. Дружески жму ему руку. Надѣюсь, что онъ не раскается въ своемъ переѣздѣ къ намъ. Я видѣлъ Новоселова и на словахъ передавалъ ему, что Ник. Дудченко лучше всего бы-

*) Упоминаемыя здѣсь лица—кромѣ торговцевъ хлѣбомъ Шпильмана и Коварскаго, и Ермолаева, исполнявшаго различныя порученія Л. Н. Толстого и его семьи на станціи Клековки Сызр.-Вяз. жел. дороги, послѣдователи Л. Н. Толстого и его помощники въ организаціи помощи голоднымъ: Митрофанъ Васильевичъ, Алехинъ—одинъ изъ самыхъ раннихъ послѣдователей; Алексѣвичъ—Капитонъ Алексѣвичъ Высоцкій, Михаилъ Александровичъ Новоселовъ, Николай Ивановичъ Дудченко и Петръ Николаевичъ Гастевъ.

ло бы поселиться къ лошадямъ пока. Тамъ нужно большое вниманіе Страшно провиниться передъ довѣрившими. Здѣсь еще не успѣлъ соскучиться, да и слава Богу, работается. Такъ прощайте пока, цѣлую васъ и Высоцкаго, и всѣхъ нашихъ. Я посылалъ много ржи къ Гастеву. Меня постоянно мучаетъ, что я огорчилъ его. А правда, что тамъ, при особенностяхъ характера выдачи, должно выходить больше хлѣба.

Л. Толстой.

П. И. Бирюкову и С. Т. Семенову

1892 г.

Пишу совокупно вамъ, П. И. и С. Т., о нашихъ общихъ дѣлахъ.

1) Свидѣтельствъ я досталъ 40 и на нихъ заказалъ дровъ, изъ которыхъ мнѣ обѣщали по зимнему, а половину уже весной. Деньги за дрова отдалъ. Поэтому раздавайте дрова болѣе щедро, всѣмъ не Епифановскимъ. 2) Отчетъ думаю послать завтра безъ добавленій. Здѣсь я узналъ, что установилось въ Петербургѣ такое мнѣніе, что даровая помощь развращаетъ народъ и потому, если что прибавить къ отчету, то надо не то, что вызываетъ состраданіе, а то чтобы отвѣтило на это справедливое, но неумѣстное во время несчастья мнѣніе, что я, можетъ быть, и сдѣлаю. Не дѣлалъ и даже вамъ не писалъ потому, что продолжаю быть всё также весь поглощенъ своею нескончаемой работой. 3) Денегъ получено еще нѣсколько,—не могу вѣрно сказать сколько, но тысячъ около трехъ и потому можно, гдѣ будетъ крайность, увеличить количество столующихся и столовыхъ. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ мы рѣшили ничего не предпринимать, кромѣ ничтожной помощи безземельнымъ. У насъ дней 6 тому назадъ заболѣла Таня: сильный жаръ до 40 и неспускающійся ниже 38 съдесятыми и кашель, и боль въ груди...

Цѣлую васъ и желаю всего хорошаго и всегда въ душѣ благодарю за помощь. Привѣтъ нашъ С—ко, брату и сестрѣ (Шараповымъ), Рыбакову—я о паспортѣ его говорилъ и мнѣ обѣщаль Зиновьевъ, равно и о паспортѣ А. П. Привѣтъ Л—гу, Гордѣичу. Простите, если что забылъ. Письма товарища Рыбакова возвращаю. Очень жаль людей и тѣхъ, которые страдаютъ, и тѣхъ, которые мучаютъ. Думаю и вѣрю, что это, такой порядокъ вещей, продолжится недолго. Созрѣли уже новые душой люди, которые не могутъ умѣститься въ старыхъ мѣхахъ. Прощайте.

Л. Толстой,

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. И. ЭРТЕЛЯ.

[Извѣстный писатель Александръ Ивановичъ Эртель, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Л. Н. Толстымъ, не будучи толстовцемъ, придавалъ огромное значеніе личности и идеямъ Толстого. Въ 1891 - 2 году Эртель принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ голодомъ въ воронежской губерніи. Вдова А. И. Эртеля, Марія Васильевна Эртель, приняла на себя трудъ пересмотра неизданныхъ писемъ А. И. и сообщила для нашего сборника извлеченія, въ которыхъ идетъ рѣчь о Толстомъ въ связи съ голодовою. Читатель оцѣнитъ эти выдержки, какъ живое отраженіе въ письмахъ замѣчательнаго человѣка дѣятельности и настроеній великаго писателя].

Изъ письма къ И. И. и А. С. Петрункевичамъ, отъ 23 ноября 1890 г.

... О Л. Толстомъ Вы, Ив. Ил., тоже не совсѣмъ правы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, и это хорошо. Если онъ не повернулъ общественнаго теченія туда, куда ему хотѣлось, такъ, вѣдь, это тоже хорошо. Ибо жизнь, во всемъ ея объемѣ, во всемъ разнообразіи ея красокъ, тоновъ, выраженій, не подлежитъ одному знаменателю, хотя бы этотъ знаменатель былъ не токмо Толстой, но даже самъ Христосъ. Но Толстой лишній разъ и съ необыкновенною силою вдвинулъ въ общественное сознаніе понятіе о правдѣ—и, что тамъ ни дѣлай, какъ ни старайся зажать ему ротъ, какъ ни компрометируй его мысли и слова. Правда останется, и въ безчисленномъ количествѣ казусовъ, въ безчисленныхъ проявленіяхъ человѣческаго духа сослужить свою великую службу. Толстой потерпѣлъ фiasco въ той части своей дѣятельности, которая задавалась цѣлью создать и осуществить извѣстный *практическій* идеалъ—фiasco неизбѣжное, но гдѣ онъ отчасти выяснялъ, а отчасти воздвигалъ на невиданную еще высоту незыблемыя понятія Добра, Истины и Красоты, онъ имѣлъ и имѣетъ огромный успѣхъ.

Тифъ въ с. Протасовѣ, лукояновскаго у.
Изъ альбома „Неурожайный 1891—2 г. въ Нижегород. губ.“.

Правда, успѣхъ, мало уловляемый статистикой, какъ это всегда бываетъ въ таинственномъ процессѣ философской мысли и художественныхъ образовъ...

Вл. Гр. Черткову изъ Емпелева, ворон. губ., отъ 2 ноября 1891 г.

... То, что ты пишешь о Л. Н-чѣ очень трогательно, но я не раздѣляю твоихъ опасеній, что его возмуть. Повѣрь, его не возмуть, а въ крайнемъ случаѣ поставятъ вѣжливыя преграды. Не согласенъ я также, что устройство столовыхъ на частныя пожертвованія и писаніе за деньги корреспонденцій въ газеты логически вытекаетъ изъ его ученія,—напр. изъ его понятій о деньгахъ; но такъ какъ эта его непослѣдовательность искренно радуется меня:—я вѣрю, что результаты такой непослѣдовательности непремѣнно будутъ благотворны,—то и не хочется доказывать, что $A=A$ —непослѣдовательность есть непослѣдовательность. Да и вообще теоретическіе споры какъ-то совѣстно вести теперь, если они не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ тому практическому дѣлу, которое пока стоитъ на первомъ планѣ. Пока рѣшительно еще не знаю, что удастся сдѣлать мнѣ для той небольшой мѣстности,—районъ одного прихода,—гдѣ я живу. Будутъ пожертвованія—будетъ и дѣло, но самое несложное: покупка хлѣба на пожертвованныя деньги и раздача его тѣмъ, кто нуждается буквально въ насущномъ хлѣбѣ. Устройство столовыхъ въ деревнѣ я считаю дѣломъ неосуществимымъ, по крайней мѣрѣ, въ нашей мѣстности, по многимъ причинамъ чисто мѣстнаго характера. Можетъ быть у Л. Н-ча эта мысль о столовыхъ высказана какъ-нибудь совсѣмъ оригинально, такъ что ее возможно примѣнить?...

[Какъ видно далѣе, А. И. позднѣе призналъ устройство именно столовыхъ неизбѣжнымъ].

М. В. Эртель изъ Козлова, 7 ноября 1891 г.

....Въ Грязяхъ купилъ номеръ «Русскихъ Вѣдомостей» и прочиталъ статью Толстого «Страшный вопросъ». Сильная, хотя съ наивностями....

Ей же изъ Москвы, отъ 14 ноября.

....Завтра съѣзжу къ графинѣ Толстой и разспрошу у нея о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ содержать одного человѣка стоитъ 90 копѣекъ въ мѣсяцъ. По ея словамъ, Левъ Николаевичъ тратитъ именно такую сумму....

Ей же изъ Москвы, отъ 16 ноября.

....Статья Льва Николаевича и Грота въ ноябрьской книжкѣ «Вопросовъ философіи» не появятся, хотя Гротъ рѣшилъ вести дѣло до комитета министровъ. Воззванія частныхъ лицъ о пожертвованіяхъ запрещены; «Русскимъ Вѣдомостямъ» объявлено, что въ случаѣ появленія статьи, подобной Толстовской, имъ будетъ дано предостереженіе.....

Ей же, 20 ноября 1891 г.

....Сегодня я былъ у графини Толстой...

В. Г. Черткову, отъ 30 ноября.

...не совѣмъ, и даже вовсе не правъ ты, опредѣляя мои отношенія къ Л. Ник. и его «единомышленникамъ», но объ этомъ не хочу спорить. Скажу только, что не признавать въ комъ-нибудь или въ чемъ-нибудь осуществленія истины, еще не значитъ—не понимать, не «отдавать себѣ вѣрнаго отчета», и т. д. Впрочемъ, ты совершенно справедливо замѣтилъ однажды, что переписка многое запутываетъ и вообще можетъ способствовать недоразумѣніямъ...

*М. Н. Чистякову *)*, ст. Углянка, каз.-вор. жел. д., отъ 30 ноября.

....А вотъ гдѣ положеніе ужасно, такъ это въ Лѣвой Россоши Коротоякского уѣзда въ 8 верстахъ отъ станціи Колодезной Ворон.-Рост. ж. д. (прежде Олень-Колодезь). Тамъ уже свирѣпствуетъ тифъ, и народъ разбѣгается куда-зря.....Туда теперь нужно мало того, что хлѣба, но и бѣлаго хлѣба, и чаю, и сахару для больныхъ. Филаретъ Ивановичъ Хрущовъ очень просилъ меня написать о положеніи Лѣв. Россоши Льву Николаевичу. Не найдетъ ли онъ возможнымъ послать туда людей для устройства столовыхъ или, если этого нельзя, то направить часть денежныхъ и пищевыхъ средствъ. Если бы нашлась возможность, то адресъ—г. Воронежъ, д-ру Ф. И. Хрущову, а если найдутся самоотверженные люди, желающіе устроить столовыя въ зараженномъ селѣ и ходить за больными,—тоже пусть обращаются къ Хрущову въ Воронежъ, и онъ устроитъ ихъ въ Россоши. Въ мѣстныхъ священникахъ они встрѣтятъ не помѣху, а всякое содѣйствіе.—Если Левъ Николаевичъ еще не уѣхалъ въ Москву, то поговори съ нимъ объ этомъ... Приѣзжай, голубчикъ. Дѣла и у насъ много. Обнимаю тебя. Сердечный мой привѣтъ Толстымъ.

*) Одинъ изъ помощниковъ Л. Н. Толстого въ дѣлѣ помощи голодающимъ.

В. Г. Черткову, отъ 18 марта 1892 г.

.....Матвѣй Николаевичъ вчера уѣхалъ, но проѣдетъ пока въ Москву (куда отправились на-дняхъ Л. Н. съ дочерьми), п. ч. есть основаніе предполагать, что въ Рязан. губ. въ Бѣгичевку теперь невозможно за ростепелью проникнуть. Въ Бѣгичевкѣ дѣло оставлено Толстыми на рукахъ Митрофана Алехина.—У меня дѣла не уменьшаются, напротивъ: съ каждымъ мѣсяцемъ приходится распространять помощь все шире и шире..... Въ сложности у насъ теперь 700 человѣкъ на столовыхъ и около 1000 снабжаются мукою, а въ послѣднее время устраиваемъ прокормъ лошадей и, какъ можемъ, боремся съ тифомъ (брюшнымъ), который забрался таки въ сосѣднее село..... Къ Пасхѣ, если буду здоровъ, поѣду по дѣламъ будущей моей школы въ Москву и, вѣроятно, повидаюсь со Львомъ Николаевичемъ: мнѣ хочется его увидеть, несмотря на то, что я теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, далекъ отъ нѣкоторыхъ его взглядовъ на жизнь. Послѣднимъ его сочиненіемъ я остался совсѣмъ не удовлетворенъ,—не по его основной мысли—а по исполненію: мнѣ оно представляется очень не равнымъ по силѣ и выразительности, а мѣстами такъ просто слабымъ. Левъ Николаевичъ писалъ на дняхъ Матвѣю *), что кончилъ 8-ю главу....

П. А. Бакунину, отъ 24 декабря 1892 г.

....Л. Толстой кончилъ большое сочиненіе о войнѣ или вѣрнѣе сказать о государственности. Я читалъ 7 главъ изъ двѣнадцати. Есть мѣста поразительныя по вѣрности мысли и силѣ лиризма, но въ общемъ мнѣ не понравилось; однако же, недавно я слышалъ отъ человѣка, прочитавшаго послѣднія пять главъ, что еще никогда Толстой не доходилъ до такой энергіи и красоты выражений и что общая основная его мысль развита здѣсь въ размѣрахъ едва ли не революціонныхъ. Сочиненіе, конечно, не можетъ появиться въ Россіи....

А. В. Погожевой, отъ 26 декабря 1892 г.

....Огромная заслуга Л. Н. Толстого въ томъ и состоитъ, что онъ попытался изъять нравственное *credo* изъ его внѣшнихъ опредѣленій,—попытался обосновать его на камнѣ, а не на песцѣ. Этой работой гениальнаго человѣка слѣдовало воспользоваться, а не

*) М. Н. Чистякову. Рѣчь идетъ о книгѣ „Царство Божіе внутри васъ“, писанной въ голодный годъ. О ней же говорится и въ слѣдующемъ письмѣ.

лаять на нее, какъ на луну. Потому еще слѣдовало воспользоваться, что Толстой исходилъ изъ основной точки, которая такъ же свойственна, близка и понятна простому народу, какъ и образованному человѣку. И затѣмъ, неужто она ужъ такъ противорѣчила философскому *credo* гг. Михайловскихъ. Сомнительно. Толстой въ своемъ философскомъ мышленіи точно также отправляется отъ Канта, какъ отправляются отъ него всѣ самонавѣйшіе *libres penseurs*; точно также въ своихъ первоначальныхъ послылкахъ онъ начинаетъ съ признанія ограниченности разума, съ резиньции въ этомъ смыслѣ....и всѣ его доказательства Бога основаны лишь на великой силѣ и красотѣ его интуиціи, на томъ *художественномъ фактѣ*, что существуетъ, существовалъ и будетъ существовать *положительный типъ*—Христосъ. Вотъ съ этого-то и загорѣлся сыр-боръ. Христосъ сталъ костью въ горлѣ господамъ Михайловскимъ.... А между тѣмъ безъ Христа часовой механизмъ всегда останется безъ главной пружины....

З. С. Соколовой. *) отъ 9 января 1898 года.

....Что касается до меня лично, то нечего грѣха таить, я теперь смотрю на дѣло филантропической помощи крестьянамъ, вовсе не такъ оптимистически, какъ смотрѣлъ въ 91 году. Разумѣется, надо дѣлать добро, насколько можемъ, но чтобы изъ этого вышла какая-либо особая польза—крѣпко сомнѣваюсь. Русскіе мужики голодаютъ и нуждаются въ самомъ необходимомъ постоянно—по крайней мѣрѣ, огромное большинство изъ нихъ—а всякій избытокъ или «излишекъ», разумѣя подъ этимъ то, что придетъ къ нимъ сверхъ жалкаго *минимума*, немедленно высасывается неумолимымъ государственнымъ насосомъ, кабакомъ и кулаками. Я не могу отдѣлаться отъ мысли, что изъ тѣхъ десятковъ тысячъ, что мы истратили въ 91—92 годахъ, дѣйствительно-то сдѣлали доброе дѣло лишь затраченныя на школу, а безъ остальныхъ....было бы холодно, голодно, но, главное, «насосъ» былъ бы принужденъ выкачивать съ меньшей энергіей, по крайней мѣрѣ, года на два, на три. Холодъ и голодъ все равно настали тотчасъ же за прекращеніемъ нашей дѣятельности, а то, что государственный насосъ, кулакъ и кабакъ нашли что выкачивать—это, вѣдь, только грустно. Разумѣется, тогда мною-то двигали и иныя мысли:

*) По письму г-жи Соколовой Львомъ Толстымъ было написано помѣщенное въ предыдущемъ отдѣлѣ письмо въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 4 февраля 1898 г.

казалось возможнымъ заложить нравственныя связи съ окрестностью. Отчасти это и было достигнуто, но надолго-ли? Вотъ я у Хлудовыхъ, и всякія связи поросли быльемъ, а перейдетъ Емпелевка къ другому хозяину—останется лишь одно воспоминаніе объ этихъ связяхъ. У меня воспоминанія—не безъ горечи.....

Существуетъ письмо Л. Н. Толстого, въ которомъ онъ развиваетъ до послѣднихъ границъ ту дѣятельность, которая надлежитъ искреннему и убѣжденному ученику Христа. Вы это письмо, должно быть, читали—ученики Христа въ окончательномъ выводѣ принуждены голодать, мерзнуть, отдаваться на съѣденіе вшамъ.... Нигдѣ съ такой страшной логикой не прослѣжены требованія Евангѣльской морали.

И такихъ вершинъ святости достигали—и мы не можемъ не умиляться столь жестокому самоотреченію, когда читаемъ объ нихъ въ «житіяхъ» или рѣдко-рѣдко видимъ въ дѣйствительности. Но, умиляясь, нельзя не отрѣшиться отъ той мысли, что съ такими подвижниками челоуѣчество, не мудрено, и теперь бы ходило на четверенькахъ; если же не ходитъ, то потому, что, кромѣ такихъ подвижниковъ, были и есть другіе, совсѣмъ не «святые», вроде Бекона или Менделѣва.

Въ сущности, когда душа распалена желаніемъ абсолютнаго добра, безусловнаго и непосредственнаго милосердія—для нея, быть можетъ, самое лучшее уйти вотъ въ эту толстовскую святость. Но у кого «христіанскій» темпераментъ еще не заслоняетъ свободы выбора и спокойнаго размышленія, тотъ, я думаю, лучше бы сдѣлалъ, удержавъ за собою и здоровую пищу, и теплый домъ, и чистое бѣлье—однимъ словомъ все то, безъ чего никогда не могло бы быть ни Бэконовъ, ни Менделѣвыхъ. Онъ можетъ быть спокоенъ, что и при этихъ условіяхъ относительно комфорта дѣло добра и милосердія будетъ подвинуто, хотя и совсѣмъ иными способами,—и добра не абсолютнаго, а тоже относительнаго....

А. И. Эртель.

У ГРАФА Д. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

Разсказъ американца Стадлинга.

Въ январѣ 1892 г., находясь въ Швеціи, я получалъ письма изъ пораженныхъ неурожаемъ губерній Россіи, съ описаніями преимущественно тѣхъ страдальцевъ, которые, по разнымъ причинамъ, не получали официальныхъ вспомоствованій. Небольшія суммы, жертвуемая для ихъ поддержки въ Швеціи, препровождались въ Россію. Такъ какъ нѣкоторые друзья въ Англіи и Америкѣ имѣли въ виду собрать болѣе крупныя пожертвованія, то мнѣ было предложено ѣхать въ Россію, чтобы постараться организовать помощь среди наиболѣе нуждающихся и обойденныхъ. Опасаясь, что иностранцу будетъ трудно, почти невозможно взять выполнение подобнаго плана на свой страхъ, я написалъ къ графинѣ С. Толстой, прося у ней совѣта. Въ отвѣтъ я получилъ слѣдующее письмо на англійскомъ языкѣ:

«М. г. Трудно давать совѣты въ такомъ дѣлѣ, какъ благотворительность. Въ такой нуждѣ всякая помощь является желанной и организація вспомоствованія голодающимъ въ Россіи могла бы сдѣлать много добра. Но организаціи (частныя) не дозволены въ Россіи; каждый дѣлаетъ, что можетъ для помощи народу.

«Если-бъ кто-нибудь захотѣлъ послать крупную сумму денегъ, её можно было бы направить или въ Комитетъ Наслѣдника Цесаревича въ С.-Петербургѣ, или въ Комитетъ великой княгини Елизаветы Оедоровны въ Москвѣ; или же, если вы предпочитаете предоставить деньги въ частное распоряженіе, то мой мужъ и всё мое семейство постараются по мѣрѣ силъ употребить ихъ какъ можно полезнѣе на облегченіе народнаго бѣдствія.

«Я думаю, что если-бъ вы сами пріѣхали въ Россію, вы могли бы оказать большую пользу, такъ какъ личная помощь нужна почти въ такой же степени, какъ и денежная. Но жизнь въ этихъ голодающихъ деревняхъ очень тяжела: приходится терпѣть вся-

кія неудобства, и, если вы никогда не бывали въ Россіи и не имѣете понятія, что такое русская деревня, то вы не вынесете тамошней жизни.

«Голодь ужасенъ. Хотя правительство пытается дѣлать сколько можетъ, но и частная помощь очень важна. Лошади мрутъ отъ недостатка корма, коровы и другой скотъ или избиваются крестьянами, или гибнуть отъ голода. Изъ нихъ останется только самая небольшая доля.

«Мы намѣревались, если получимъ большія суммы денегъ, закупить лошадей, когда наступитъ весна, на югѣ Россіи, чтобы дать нашимъ крестьянамъ возможность работать. Наши крестьяне ничего не могутъ сдѣлать безъ скота. Но это только планы. Пока у насъ и такъ много дѣла, чтобы поддержать жизнь людей. Какъ страшно грустно видѣть нашихъ бѣдныхъ измученныхъ крестьянъ, такихъ безпомощныхъ, но полныхъ надежды, что они встрѣтятъ кого-нибудь, кто проявитъ къ нимъ жалость и сочувствіе! Если вы попробуете сдѣлать хоть что-нибудь, м. г., да благовословить васъ Богъ. Преданная вамъ, графиня С. Толстая».

Января 20-го (ст. стиля) 1892 г.

Въ половинѣ февраля я получилъ изъ Америки телеграмму, рѣшившую мою поѣздку въ Россію. Установлено было, что всѣ пожертвованія отъ моихъ друзей будутъ посылаться или къ графинѣ Толстой для оказанія помощи голодающимъ ея семьею, или же къ надежнымъ лицамъ въ южной Россіи, для вспоможенія семьямъ, страдающимъ отъ неурожая.

Я выѣхалъ изъ Стокгольма 24 февраля. [Стадлингъ рассказываетъ о пріѣздѣ въ Москву и своемъ посѣщеніи графини С. А. Толстой и бесѣдахъ съ нею]. Въ разговорѣ было упомянуто, что иностранные издатели сочиненій графа, не платящіе за авторское право, должны были бы чѣмъ-нибудь помочь графу въ дѣлѣ пособія голодающимъ; я предложилъ напомнить нѣкоторымъ изъ нихъ объ ихъ обязанности и съ удовольствіемъ долженъ сказать, что этотъ призывъ не былъ напраснымъ.

Когда встали изъ-за стола, зашелъ разговоръ о графѣ. «Вы не можете себя представить, сказала графиня,—какъ жестоко и произвольно извращаются цѣли и поступки моего мужа». Я замѣтилъ, что когда дѣлаешь добро, то находишь отраду и успокоеніе даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. «Мой мужъ», продолжала она,—не политическій рево-

люціонеръ, какъ хотятъ представить его враги. Къ чему онъ прежде всего стремится—это къ нравственному возрожденію личности и общества и въ основѣ его словъ и поступковъ лежитъ глубокое, сильное нравственное негодованіе».

Нападки на графа произвели большую сенсацию. Самъ графъ не обращалъ вниманія на эти нападки и продолжалъ свою дѣятельность среди голодающихъ.

Всѣмъ извѣстная энергія графини Толстой и ея необыкновенная способность къ труду были испытаны до крайности во время голода. Она показывала мнѣ груды писемъ и телеграммъ, полученныхъ ею въ этотъ день почти со всѣхъ концовъ свѣта. Нѣкоторыя изъ нихъ относились къ дѣлу помощи голодающимъ, которымъ руководила сама графиня, закупая огромныя количества различной пищи и посылая еѣ въ главную квартиру мужа, въ Рязань, или къ сыну, въ Самару. Во многихъ содержатся воззванія о помощи, посылки денегъ или обѣщанія пособій, разспросы о голодѣ и т. д. У графини нѣтъ секретаря: «у меня вошло въ привычку самой отвѣчать на всѣ письма, объяснила она мнѣ.—Иначе я не могу быть вполне спокойной».

Рѣшено было, что я прежде всего отправлюсь въ Рязань и проведу недѣли двѣ въ главномъ центрѣ дѣятельности графа Толстого, затѣмъ поѣду съ сыномъ его, Львомъ Львовичемъ, въ Самару, гдѣ онъ долженъ былъ продолжать свое дѣло и гдѣ бѣдствіе было ужаснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

5-го марта, вечеромъ, я выѣхалъ изъ Москвы въ Клеветки, куда надѣялся прибыть на другой день; но снѣжная мятель задержала насъ до 8 часовъ слѣдующаго вечера. Съ жгучей головной болью и скуднымъ запасомъ русскихъ фразъ, я вышелъ изъ вагона на пронизывающій холодъ. Войдя въ залъ второго класса, гдѣ множество мужчинъ и женщинъ крестились передъ иконами, я замѣтилъ даму, очевидно изъ общества, сидѣвшую въ одиночествѣ. Я заговорилъ съ ней по-французски и узналъ къ великому удовольствію и удивленію, что она также направляется къ графу Толстому, чтобы участвовать въ его трудахъ. Г-жа Б..., принадлежащая къ извѣстной московской семьѣ, дала мнѣ средство отъ головной боли и познакомила съ г. Ф. С., молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ крестьянскій костюмъ; онъ предложилъ мнѣ ночевать съ нимъ вмѣстѣ. Проѣхавъ версты три по мятели, мы остановились у маленькаго одноэтажнаго деревян-

наго дома, съ одной лишь просторной комнатою, обставленной лавками, большимъ столомъ и съ небольшимъ чуланомъ въ видѣ спальни. Это была камера, гдѣ занимался дядя моего спутника, мировой судья. Мой спутникъ, оказался однимъ изъ горячихъ послѣдователей и поклонниковъ графа Толстого, покинувшій свое имѣніе и слѣдовавшій примѣру своего учителя, живя съ мужиками. Теперь онъ помогаль графу въ дѣлѣ облегченія участи голодающихъ. Было очень поздно, когда мы улеглись спать.

Несмотря на мятель, продолжавшуюся и на другой день, г-жа Б. рѣшилась ѣхать въ Бѣгичевку, отстоявшую на 40 верстъ. Сваливъ нашу поклажу въ розвальни и усѣвшись въ другія, мы пустились въ путь по пустыннымъ равнинамъ. Кое-гдѣ попадались деревья, окружавшія домъ какого-нибудь помѣщика, или позолоченный куполь церкви, возвышавшейся среди рядовъ занесенныхъ снѣгомъ избъ. По дорогѣ мы остановились, чтобы дать лошадямъ отдохнуть, въ одномъ изъ селеній и погрѣлись чашкой чаю. Послѣ часового пути мы достигли рѣки Дона, на противоположномъ берегу котораго увидали усадьбу Бѣгичевку. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ ящикъ остановился передъ простымъ, деревяннымъ домомъ и крикнулъ намъ: «Вотъ домъ Толстого!» Вокругъ дома мы замѣтили множество мужиковъ съ ношами зерна, муки, дровъ и т. д. Войдя въ домъ, мы нашли въ прихожей толпу мужиковъ, стоявшихъ молча, въ ожиданіи графа. Мы прошли по залѣ, просто убранной, но ни графа, ни его дочери тамъ не было видно. Мнѣ сказали, чтобы я вошелъ въ кабинетъ графа, возлѣ залы. Это небольшая комната, обставленная диваномъ, койкой, нѣсколькими простыми, деревянными стульями и большимъ столомъ, покрытымъ бумагами и разсчетными книгами. Черезъ нѣсколько минутъ вошла молодая дѣвушка и радушно привѣтствовала меня. На мой вопросъ, не дочь ли она графа, она отвѣчала: «Нѣтъ, я его племянница, Кузьминская». Пока я бесѣдовалъ съ нею, появилась другая молодая дѣвица съ живыми, выразительными глазами и энергическими чертами лица, и какъ первая, поздоровалась со мной на чистомъ англійскомъ языкѣ.

— Графиня Толстая? освѣдомился я.

— Такъ зовутъ меня, отвѣчала она.

Въ эту минуту я услыхалъ чей-то густой голосъ въ залѣ, и передо мной стоялъ самъ графъ, одѣтый въ овчинный полушубокъ, какіе носятъ мужики. Съ сердечнымъ пожатіемъ сильной руки,

онъ привѣтствовалъ меня, освѣдомился о моемъ путешествіи, полюбовался моимъ лапландскимъ костюмомъ, ввелъ меня въ маленькую комнату, предназначенную для меня. Потомъ онъ самъ стащилъ съ меня лапландскіе сапоги. Всѣ это дѣлалось самымъ естественнымъ образомъ, исключаящимъ всякую мысль о русскомъ аристократѣ или объ аффектаціи со стороны человѣка, который не только проповѣдуетъ, но и самъ живетъ согласно съ евангельскими принципами братской любви и смиренія.

Насъ тотчасъ же позвали обѣдать, и меня представили многимъ помощникамъ графа, молодымъ людямъ обоего пола, хорошо воспитанныхъ и изъ хорошихъ фамилій. Во время обѣда, состоявшаго исключительно изъ овощей, такъ какъ графъ и его послѣдователи—строгіе вегетаріанцы, разговоръ вращался на всепоглощающемъ вопросѣ о голодѣ. Графъ пессимистъ и очень осмотрителенъ въ своихъ сужденіяхъ, но и онъ говорилъ, что бѣдствіе ужасно.

— Вы сами будете имѣть случай всё видѣть, сказалъ онъ.

Говоря о громадныхъ суммахъ денегъ, пожертвованныхъ въ пользу пораженныхъ округовъ, онъ сказалъ: «Я прибѣгну къ маленькой иллюстраціи, чтобы дать вамъ понятіе о положеніи вещей. Представьте себѣ этотъ маленькій круглый столъ, поставленный въ перегонномъ заводѣ и покрытый бутылками разныхъ размѣровъ, наполненныхъ спиртомъ. Подъ столомъ—сильное нагрѣваніе, вслѣдствіе чего содержимое въ бутылкахъ испаряется; затѣмъ въ холодномъ верхнемъ воздухѣ испаренія сгущаются въ два потока, изъ коихъ одинъ течетъ въ большой резервуаръ капиталистовъ, а другой—въ резервуаръ казны. Теперь всѣ эти бутылки опорожнены и, слѣдовательно, не будучи въ состояніи производить болѣе паровъ, онѣ должны быть снова наполнены, до извѣстной степени, такъ или иначе. Тогда берутъ большое ведро, черпаютъ въ резервуарѣ и содержимое разливаютъ по бутылкамъ на столъ. Вотъ мы и стараемся теперь вложить воронки въ бутылки, чтобы жидкость не выливалась мимо».

[Опускаемъ описаніе организованной Толстымъ помощи голодающимъ, такъ какъ объ этомъ подробно рассказано въ статьяхъ самаго Л. Н. Толстого].

По приѣздѣ въ Бѣгичевку, я рѣшилъ на другой же день сопровождать молодую графиню, Марью Львовну Толстую, въ ея поѣздкѣ по деревнямъ. Уже съ шести часовъ утра мужики стали

толпиться вокругъ усадьбы графа, а между восьмью и девятью часами не только дворъ былъ переполненъ, но и самый домъ буквально осаждался людьми, съ изморенными лицами, ввалившимися глазами, жалкими на видъ бабами въ лохмотьяхъ, и бѣдными, маленькими ребятишками, дрожавшими отъ холоду. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, казались издали здоровыми и сильными, но, подойдя ближе, вы убѣждались, что тѣла ихъ опухли . . . Многіе изъ мужиковъ пришли издалека, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ цѣлыхъ общинъ для ходатайства о помощи.

Графъ и его сотрудники были всегда бодры, ласковы и неустрашимы. Ужасные рассказы этихъ людей составляли нескончаемыя варіаціи на одну и ту же тему—голодъ, болѣзнь, смерть и горе. Часто, не успѣвъ еще досказать своей повѣсти, они заливались слезами и кричали: «Христа ради, помоги намъ! Наши кони и скотъ мрутъ съ голоду; мы заложили и землю, и зимнюю одежду, и всё, что у насъ было, теперь намъ ѣсть нечего. Наши бабы и ребятишки умираютъ съ голоду». Или: «мужъ мой умеръ вчера, и у насъ нечѣмъ похоронить его. Весною у насъ отобрали послѣднюю корову и послѣднюю муку въ счетъ податей».

Молодая графиня встала очень рано и наблюдала за хозяйствомъ и, когда стали собираться крестьяне, она занималась съ ними до самаго завтрака и до того часа, когда пора было ѣхать по деревнямъ. Въ девять часовъ подали завтракъ, состоявшій изъ овощей, хлѣба съ масломъ, чаю или кофе—графъ предпочиталъ кофе. Молодая графиня хозяйничала, а за ея отсутствіемъ еѣ замѣняла кузина, г-жа Кузьминская. Марья Львовна или Маша, какъ называетъ еѣ графъ—ревностная послѣдовательница отца. Одѣтая въ платьѣ крестьянской дѣвушки, она слѣдуетъ примѣру отца—трудится и живетъ съ крестьянами. Надѣвъ полушубокъ, валенки и зимнюю шапку изъ сибирскихъ мерлушекъ, она отворила дверь въ мою комнату и крикнула: «готова». Я послѣдовалъ за ней въ сани, первобытныя и некрашенныя, запряженныя сытой и бодрой самарской лошадкой. Одѣтый въ лапландскій костюмъ, я сѣлъ рядомъ съ ней въ сани, но вдругъ замѣтилъ, что забылъ перчатки. «Вотъ возьмите мои», сказалъ графъ, стоявшій возлѣ саней.

Мы тронулись и поѣхали съ головокружительной быстротой; графиня сама правила. Я часто видалъ русскихъ дамъ, которыя правили тройкой, скакавшей во весь опоръ. Молодая графиня, ко-

нечно, умѣла совладать со своей приткой лошадкой. Въ нѣсколь-
ко минутъ мы переправились черезъ Донъ и очутились въ пустын-
ныхъ равнинахъ. Холодъ былъ пронзительный. Ослѣпляющая мя-
тель бушевала по степямъ. Дорога не была намѣчена. Мы скоро
сбились съ пути.

Нѣкоторое время мы ѣхали среди мятели и снѣгъ крутилъ во-
кругъ насъ до такой степени, что мы ничего не могли видѣть впе-
редь дальше лошади. Наконецъ, графиня подобрала возжи и ска-
зала: «кажется намъ придется вернуться домой. Скоро мы ниче-
го уже не будемъ видѣть». «А знаете вы направленіе деревни, ку-
да мы ѣдемъ?» спросилъ я.—«Да».—«Ну, такъ попробуемъ до-
браться туда».—«Хорошо. Пошелъ, мальчикъ!» И мы снова помча-
лись къ западу вдоль обледенѣлой возвышенности. Спустя нѣкото-
рое время мы вновь нашли дорогу.

Графиня, которая бѣгло говоритъ по-англійски, рассказала
мнѣ, что она много лѣтъ работаетъ среди крестьянъ, стараясь
всячески помочь имъ. Она управляла школой для крестьянскихъ
дѣтей въ ихъ помѣстьи, но эту школу духовенство закрыло. Тогда
она стала собирать дѣтей у себя на дому къ чаю и, такимъ обра-
зомъ, продолжала обучать ихъ.

Заговоривъ объ ихъ имѣніи, Ясной Полянѣ, она сказала, что
въ лѣтнее время ихъ посѣщаетъ множество иностранцевъ. «Не
думаете ли вы, спросилъ я, что многіе посѣщаютъ вашего отца
чисто изъ любопытства?»—«Вы это вѣрно замѣтили, отвѣчала
она, смѣясь. Я читала столько описаній моего отца, его бровей,
его носа, его мужицкаго костюма, его сапожничества, что отлично
знаю, что каждый иностранецъ скажетъ и напишетъ про него».
—«Говорятъ, вашъ отецъ отрицаетъ безсмертіе души, замѣтилъ
я, этого я никакъ не могъ понять, такъ какъ оно несомнѣнимо
съ его взглядами на жизнь и съ его собственнымъ образомъ жиз-
ни?»—«Чтобы мой отецъ отрицалъ безсмертіе души! воскликну-
ла она. Жаль, что вы не слыхали, какъ онъ недавно говорилъ въ
кружкѣ друзей: какъ наши призрачныя мечты относятся къ нашей
настоящей жизни, такъ и эта призрачная жизнь относится къ на-
шей будущей жизни».

Между тѣмъ, мы увидали среди мятели длинный рядъ какихъ-
то занесенныхъ снѣгомъ холмиковъ. Подъѣхавъ ближе, мы убѣ-
дились, что это рядъ хижинъ, занесенныхъ снѣгомъ по самыя кры-
ши. Это была деревня. Она имѣла самый жалкій разоренный видъ.

Многія избы стояли безъ кровлей. Кругомъ ни одного живого существа. Изъ трубъ не виднѣлось даже дыма. Всюду разрушеніе и смерть. Мы остановились передъ избой, гдѣ графъ устроилъ школу и столовую. Войдя въ низкую избу, мы сперва ничего не могли различить и только по ощущенію мягкости подъ ногами догадались, что голая земля служить поломъ. Когда глаза наши привыкли къ полумраку, мы увидали нѣсколько лавокъ и около тридцати человѣкъ дѣтей, стоявшихъ молча и смотрѣвшихъ на насъ, между тѣмъ, какъ учитель, интеллигентный молодой человѣкъ, подошелъ къ намъ поздороваться. Двое-трое пожилыхъ людей стояли въ углу. Кашель и тяжелое дыханіе слышалось съ печи, на которой лежало трое дѣтей, покрытыхъ черной оспой. Я замѣтилъ графинѣ, что ихъ слѣдовало бы сейчасъ же удалить оттуда. Она отвѣчала, что это будетъ сдѣлано, какъ только возможно, но въ то же время заявила, что нелегко изолировать больныхъ, такъ какъ нѣтъ больницъ, а почти каждый домъ зараженъ болѣзнями. Эти бѣдныя дѣти были перенесены въ школу, потому что тамъ тепло.

Пока графиня распоряжалась дѣлами школы и столовой, я ходилъ изъ дома въ домъ по всей деревнѣ. Въ своемъ дневникѣ я помѣтилъ слѣдующее: въ избѣ № 1 я нашелъ корову, трехъ пожилыхъ людей, изъ коихъ одинъ лежалъ въ тифѣ, на печи, рядомъ съ двумя дѣтьми въ послѣднемъ градусѣ черной оспы. Въ № 2 я засталъ ребенка въ черной оспѣ, старика, больного тифомъ, и двухъ бабъ, опухшихъ отъ голода, скота никакого, весь вымеръ, ни топлива, ни пищи. Въ № 3 я увидалъ престранное зрѣлище: войдя въ тѣсную хижину, гдѣ было такъ холодно, что земляной полъ замерзъ, я поздоровался, но не получилъ отвѣта, и уже собирался уходить, какъ вдругъ услышалъ тяжелое дыханіе и увидалъ пару ногъ, обернутыхъ тряпками и высовывающихся изъ отверстія печи. Вслѣдъ за тѣмъ большого роста мужикъ вылѣзъ изъ печи, за нимъ выползла оттуда же болѣзненного вида женщина, она дрожала отъ холода и прикладывала руку ко лбу. На мой вопросъ, что съ ней, отвѣчала: «голова болитъ.»—«А дѣти есть?» спросилъ я.—«Да, посмотрите сюда», сказала она, заливаясь слезами и показывая на грудю лохмотьевъ на печи. Тамъ оказалось двое ребятъ, одинъ изъ нихъ былъ, очевидно, близокъ къ смерти отъ изнуренія или отъ голода, а другой отъ черной оспы. Рослый, крѣпко сложенный мужикъ, съ осунувшимся, точно каменнымъ лицомъ

и ввалившимися глазами, съ торчащими во всѣ стороны космами, стоялъ неподвижно на замерзшемъ земляномъ полу, изображая картину безнадежности и апатіи. Ни скота, ни топлива, ни пищи, кромѣ того, что жертвовалось извнѣ. Въ № 4 было двое взрослыхъ и двое больныхъ дѣтей. Приподнявъ тряпки, покрывавшія одного изъ дѣтей, мать разразилась слезами. Крупныя капли слезъ катились также по щекамъ одной изъ обезображенныхъ дѣвочекъ. У меня сдавило въ горлѣ и не могъ выговорить ни слова; я ушелъ, подавъ бѣдной матери серебряную монету. Пройдя мимо нѣсколькихъ домовъ, частью разрушенныхъ и покинутыхъ, я вошелъ въ избу № 5, гдѣ засталъ женщину, обезображенную болѣзью, поразительно распространенною среди крестьянъ, и двухъ болѣзненныхъ, жалкихъ дѣтей. Въ № 6 три семейства, корова, лошадь и двѣ овцы столпились вмѣстѣ, чтобы оградить себя отъ страшнаго холода. Странно было видѣть почтеннаго, славнаго старика-дѣдушку съ волосами и бородой бѣлыми, какъ лунь, вылѣзавшаго изъ закуты, гдѣ привязана была лошадь. Пошатываясь на своихъ старыхъ ногахъ, онъ подошелъ ко мнѣ и отвѣсилъ глубокій поклонъ. «Откуда вы, баринъ, и по какому дѣлу?», спросилъ онъ. Я объяснилъ ему, что друзья мужиковъ въ чужихъ краяхъ послали меня помочь страждущимъ братьямъ, и онъ проговорилъ слабымъ дрожащимъ голосомъ: «Вотъ добрые-то люди, да благословить васъ Богъ!»

Потомъ я вернулся въ школу, превратившуюся теперь въ столовую, гдѣ до сорока человѣкъ старыхъ и малыхъ, помолившись, сѣли за столъ. Обѣдъ, состоявшій изъ чернаго ржаного хлѣба и гороховой похлебки, былъ очень вкусенъ. Графиня распорядилась устройствомъ столовой для маленькихъ дѣтей, и послѣ этого мы поѣхали домой. «Какое впечатлѣніе вынесли вы изъ перваго посѣщенія деревни?», спросила меня графиня.—«Ужасное», было единственное слово, которое я могъ произнести.—«Развѣ вы не боитесь заразиться черной оспой и тифомъ?», освѣдомился я.—«Бояться! Безнравственно бояться. Развѣ вы боитесь?», отвѣчала она.—«Нѣтъ, я никогда не боялся заразительныхъ болѣзней, когда посѣщала бѣдныхъ. Страшно видѣть такую безнадежную нужду. Мнѣ дѣлается дурно при одной мысли о ней!», воскликнулъ я.—«А развѣ не стыдно съ нашей стороны позволять себѣ всякую роскошь, когда наши братья и сестры погибаютъ отъ нужды и неслезанныхъ страданій?», прибавила она.—«Но вы пожертвовали всей роскошью и удобствами, свойственными вашему званію и

положенію, и снизошли до бѣдняковъ, чтобы помогать имъ», возразилъ я.—«Да, отвѣчала она, но взгляните на наше теплое платьѣ и прочія удобства, не знакомыя нашимъ страждущимъ братьямъ и сестрамъ».—«Но какая была бы имъ польза изъ того, еслибы мы одѣвались въ лохмотья и стояли на краю голодной смерти?».—«Какое имѣемъ мы право жить лучше ихъ?» спросила она. Я не отвѣчалъ, но удивленно посмотрѣлъ въ глаза этой замѣчательной дѣвушки и увидалъ дрожавшую въ нихъ крупную слезу. Я почувствовалъ, какъ будто что-то сдавило мое сердце и застряло въ горлѣ.

Когда графъ вернулся домой подъ вечеръ, утомленный и измученный, онъ казался совсѣмъ удрученнымъ.—«Право, я стыжусь всей этой работы, сказалъ онъ. Мы не знаемъ есть ли въ ней настоящая помощь. Мы протягиваемъ на нѣкоторое время существованіе извѣстнаго числа голодающихъ крестьянъ, но бѣдствіе ихъ продолжится тѣмъ не менѣе».—«Но вы все-таки оказываете имъ и матеріальную и духовную помощь. Безъ сомнѣнія, вашъ трудъ полезенъ», замѣтилъ я.—«Я не проповѣдую», сказалъ онъ: «я слишкомъ дурень самъ, чтобы быть въ состояніи проповѣдывать другимъ. И мы не знаемъ что хорошо и что дурно. Когда мы думаемъ, что дѣлаемъ нѣчто очень хорошее, быть можетъ мы дѣлаемъ какъ разъ противоположное. Истинное добро заключается въ доброй волѣ и мотивахъ нашихъ поступковъ».

На другое утро я сопровождалъ г-жу Кузьминскую въ ея поѣздкѣ въ двѣ деревни для распоряженій о раздачѣ дровъ, что и было исполнено по слѣдующему плану: самые нуждающіеся получили дрова бесплатно на домъ; менѣе нуждающіеся получили ихъ безвозмездно на желѣзнодорожной станціи, а болѣе зажиточные платили за нихъ бездѣлицу, но не деньгами, а работой.

Послѣ скорой двухчасовой ѣзды по занесеннымъ снѣгомъ равнинамъ на рѣзкомъ морозѣ, мы достигли первой деревни и остановились въ домѣ старосты.

Войдя, мы нашли старосту, его жену, четверыхъ дѣтей, дѣдушку, корову, жеребенка и трехъ овецъ, скучившихся въ одной комнатѣ, тускло освѣщаемой оконцемъ около 18-ти дюймовъ въ діаметрѣ. На мягкомъ земляномъ полу стоялъ большой столъ, по одной стѣнѣ тянулась длинная деревянная лавка. Послѣ нашего обхода изъ дома въ домъ, былъ созванъ міръ въ избѣ старосты, что собственно легко было сдѣлать, такъ какъ почти всё населеніе

деревни слѣдовало за нами толпой. Скоро изба старосты была биткомъ набита народомъ. Г-жа Кузьминская сѣла за столъ, а меня пригласили помѣститься съ нею рядомъ. Началось разбирательство. Г-жа Кузьминская вынула списокъ наиболѣе нуждающихся. Во-первыхъ, была упомянута бѣдная вдова съ четырьмя дѣтьми; всѣ мужчины закивали въ знакъ согласія. Затѣмъ былъ упомянутъ нѣкій Алексѣй Б. Въ толпѣ пробѣжалъ глухой ропотъ и одинъ изъ мужиковъ сказалъ: «конечно, онъ безъ топлива, но вѣдь и мы всѣ тоже; за то у него есть лошадь». Заговорили про Ивана К.: «Очень бѣдный!» Такъ перебрали весь списокъ, причемъ мужики свободно выражали свои мнѣнія насчетъ каждаго случая; блеяніе овецъ и мычаніе коровы порою примѣшивались къ гулу толпы. Г-жа Кузьминская исполняла свою роль очень умѣло, отъ времени до времени призывая ораторовъ къ порядку, когда они начинали говорить всѣ заразъ или слишкомъ уклонялись отъ предмета. Мужики вели себя очень степенно, и когда разгорячались, то были гораздо менѣе буйны, чѣмъ западные жители на какомъ-нибудь публичномъ митингѣ. Воздухъ въ этомъ помѣщеніи, благодаря нечистотѣ и присутствію скота, былъ удушливъ, и я удивлялся, какъ могла г-жа Кузьминская выносить его больше часа и безъ единой жалобы. Мы нашли множество больныхъ, въ особенности черной оспой и тифомъ.

Въ одно страшно морозное субботнее утро, когда зеленовато-желтая полоса на восточномъ горизонтѣ бросала тусклый свѣтъ на снѣжныя поляны, мы поѣхали съ однимъ изъ помощниковъ Толстого, молодымъ помѣщикомъ, въ отдаленныя деревни, гдѣ требовалась помощь. Наша лошадка скоро заиндивѣла отъ мороза. Скоро проглянуло солнце и позолотило ландшафтъ, но сердце наше переполнилось грустью и отчаяніемъ, когда мы подъѣхали къ деревнѣ. Нигдѣ не виднѣлось дыма изъ трубъ. Кровли большинства избъ были разобраны и употреблены на топливо. Нигдѣ ни живого существа, только двѣ, три лошади, настоящіе скелеты, обтянутые кожей, щипали остатки соломы передъ одной избой, съ которой тоже была снята крыша, да нѣсколько жалкихъ, лохматыхъ собакъ, до того изморенныхъ голодомъ, что онѣ почти не могли двигаться, копошились на кучахъ мусора передъ дверями. Многія изъ избъ были покинуты. Обитатели ихъ или умерли, или побросали свое жилище. Почти въ каждомъ домѣ были больные тифомъ, оспой и т. д. Нигдѣ не оказывалось ни скота, ни пищи.

Пособія, полученныя отъ казны, были уже истреблены, и теперь употреблялась въ пищу капуста, высушенная трава, древесныя листья, мякина и солома. Бѣдный народъ, который мы застали скученымъ вмѣстѣ и дрожащимъ отъ холода въ этихъ жалкихъ логовищахъ, представлялъ самую грустную картину. Кромѣ тѣхъ, которые лежали больны, многіе были до того изнурены голодомъ, что едва могли говорить и двигаться.

Немедленно послѣ нашего возвращенія, подъ вечеръ, приѣхалъ домой и самъ графъ. Всѣ мы были усталые и голодные, но графъ былъ счастливъ и веселъ, какъ дитя. Онъ разговаривалъ и смѣялся, а глаза его, по временамъ столь пронизывающіе, теперь сіяли радостью. Ему наконецъ удалось устроить столовые для маленькихъ дѣтей. Это стоило ему не мало времени и трудовъ.

Позднѣе вечеромъ той же памятной субботы нѣсколько друзей и сотрудниковъ Толстого собрались съ разныхъ сторонъ провести вечеръ и часть воскресенья со своимъ учителемъ въ дружеской бесѣдѣ. Это была крайне интересная группа людей—между ними только двѣ женщины. Изъ нихъ никто не былъ старше среднихъ лѣтъ. Всѣ были люди образованные, принадлежавшіе къ извѣстнымъ семьямъ, иные даже достигли ученыхъ степеней. Одинъ изъ нихъ оказался бывшимъ студентомъ Московскаго университета и готовился занять профессорскую кафедру, но вдругъ покинулъ университетъ и пошелъ въ народъ. Одѣтый мужикомъ, онъ раздѣляетъ образъ жизни и трудъ крестьянъ, всячески помогаетъ имъ. Это не былъ мечтатель, а человѣкъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа, съ здравымъ смысломъ и глубокимъ знаніемъ человѣческой натуры. Два года онъ странствовалъ почти по всѣмъ губерніямъ обширной имперіи, большею частью пѣшкомъ, посѣщая и изучая разнаго рода сектантовъ. Въ одеждѣ простаго мужика онъ ходилъ съ мѣста на мѣсто, работая поденщикомъ у сектантовъ и получая за это только пищу и квартиру.

Въ половинѣ марта я уѣхалъ изъ главнаго центра дѣятельности графа Толстого и отправился въ Самару.

СТАТЬЯ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО И МОСКОВСКАЯ ПЕЧАТЬ.

(«Вѣстн. Евр.» 1891 г., № 12. «Изъ общественной хроники»).

Что могло быть, повидимому, проще и естественнѣе письма графини С. А. Толстой, что могло быть безобиднѣе предложенія, сдѣланнаго въ «Страшномъ вопросѣ»? Не такъ, однако, отнеслись къ тому и другому люди, привыкшіе заподозрѣвать всё сколько-нибудь независимое—и всѣхъ, отказывающихся плыть съ теченіемъ и поклоняться моднымъ идоламъ. Началась травля въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», съ глумленіемъ надъ письмомъ графини Толстой, возвѣщающимъ необычайно важное событіе—«отъѣздъ всего высокаго семейства его сіятельства, для оказанія помощи голодающимъ». Въ настоящее время,—продолжаетъ газета,—«тысячи (?) большихъ и маленькихъ людей въ Россіи посвящаютъ свои силы святому дѣлу, но не кричатъ о себѣ, и если просятъ о помощи, то скромно, на имя какого-либо комитета, въ которомъ ихъ личность стусевывается». Допустимъ, что это такъ, хотя въ существованіи тысячъ, посвящающихъ свои силы заботѣ о голодающихъ, мы очень сомнѣваемся. Молчаливая дѣятельность на пользу ближняго, тихая, безшумная, никому о себѣ не заявляющая, имѣетъ, конечно, и свою прелесть, и свое достоинство, если только имя дѣятеля неизвѣстно, если оно не можетъ, само по себѣ, побудить къ подражанію, воодушевить однихъ, нарушить апатію другихъ, увеличить, однимъ словомъ, шансы успѣшной борьбы съ общественнымъ бѣдствіемъ. Совершенно понятно, что старушка-помѣщица, о трогательномъ усердіи которой говорилъ недавно г. Атава въ «Новомъ Времени» *), не называетъ себя и не хочетъ, чтобы её называли другіе: фамилія ея ничего не прибавила бы къ впечатлѣнію, производимому разсказомъ о ея дѣйствіяхъ.

*) Владѣя небольшимъ имѣніемъ, эта старушка обращаетъ на кормленіе сосѣдей-крестьянъ весь доходъ свой за два года и сама, вмѣстѣ съ двумя внучками, проводить цѣлые дни въ хлопотахъ по приготовленію и раздачѣ нуждающимся горячей пищи.

Иное дѣло—гр. Левъ Толстой; въ самомъ имени его заключается нѣчто чарующее, влекущее за собою. Скрывать или замалчивать его походъ противъ нужды—значило бы уменьшать запасъ боевыхъ силъ, безъ того уже не слишкомъ обильный. Мы знаемъ изъ газетъ, что вслѣдъ за напечатаніемъ письма гр. Толстой къ ней такъ и посыпались отовсюду пожертвованія, мелкія и крупныя; но мы вполнѣ убѣждены, что этимъ не ограничилось вліяніе письма, что оно заставило или заставить многихъ отдать голодающимъ не только часть своихъ средствъ, но и часть своего времени. Графинѣ Толстой ставятъ въ вину, что она просила о пожертвованіяхъ прямо отъ имени своего и своей семьи, а не отъ имени какого-либо комитета; но не было такого комитета, обаяніе котораго могло бы сравниться съ обаяніемъ имени Льва Толстого. Широкому развитію общественной помощи мѣшаетъ, отчасти, именно неувѣренность въ томъ, что данное будетъ употреблено съ наибольшей возможной пользою. Для такой неувѣренности не остается мѣста, когда призывъ къ пожертвованіямъ идетъ отъ Льва Толстого—и вотъ почему графинѣ Толстой не только не было надобности, но и не слѣдовало скрываться за какимъ-нибудь учрежденіемъ, официальнымъ или неофициальнымъ.

Выходка противъ «высокаго семейства его сіятельства» была только прелюдіей къ бурѣ, поднятой въ московской печати противъ самого гр. Толстого. Въ то самое время, когда фельетонистъ одной изъ петербургскихъ газетъ завѣрялъ «честнымъ словомъ», что Л. Н. Толстой не сказалъ, въ «Страшномъ вопросѣ», *ровно ничего*, «Московскія Вѣдомости» усматривали въ этой статьѣ одно изъ звеньевъ обширнаго заговора *). Дѣло въ томъ, что хотя самая мысль Л. Н. Толстого о приведеніи въ извѣстность наличныхъ хлѣбныхъ запасовъ и не отличалась новизною, но новъ былъ предложенный имъ способъ ея осуществленія. Собираніе свѣдѣній частными лицами, соединенными, быть можетъ, въ частное общество

*) Другими заговорщиками, по розыску московской газеты оказывались Вл. С. Соловьевъ, еще какой-то неизвѣстный авторъ статьи, напечатанной въ „Allgemeine Zeitung“, неизвѣстные распространители невѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ по телеграфу, въ англійскія и нѣмецкія газеты, и даже, кажется, Н. Я. Гротъ. Доказательства заговора слѣдующія: статья Л. Толстого помѣчена 1-мъ ноября—въ тотъ же день напечатана предосудительная статья въ „Allgemeine Zeitung“ и посланы лживыя телеграммы—въ тотъ же день должна была выйти (еще невышедшая) книжка „Вопросовъ философіи и психологіи“, съ статьями В. Соловьева, Л. Толстого и Н. Грота!.. Не правъ ли „Кіевлянинъ“, усматривающій въ подобныхъ сопоставленіяхъ признаки „безумія“?

—вотъ что испугало и возмутило московскую газету. «Помощь бѣдствующему народу—поспѣшили провозгласить «Московскія Бѣдомости»,—дѣйствительно частными людьми можетъ быть теперь принесена только вмѣстѣ съ правительствомъ, въ дружномъ ему содѣйствіи и въ указанномъ имъ направленіи, потому что только оно одно имѣетъ и право и возможность руководить общественнымъ дѣломъ». Но развѣ дѣло, намѣченное въ «Страшномъ вопросѣ», идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительственной власти? Весь вопросъ въ томъ, кто можетъ исполнить его быстрѣе и лучше—правительственные агенты или частныя лица. «Для всякаго очевидно,—утверждаетъ московская газета,—что никакой дѣятельный членъ частнаго общества никакихъ точныхъ свѣдѣній (о хлѣбныхъ запасахъ) не получить, если отъ него захотятъ скрыть запасы». Въ томъ-то и дѣло, что это вовсе не очевидно. Мѣстный житель, хорошо знающій населеніе и пользующійся его довѣріемъ, ни на кого не наводящій страха, свободный отъ другихъ занятій, посвящающій себя дѣлу собиранія свѣдѣній добровольно и всецѣло; можетъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ условий, достигнуть гораздо большаго, чѣмъ представитель администраціи, облеченный правомъ требовать и грозить за неисполненіе требованій. Пускай редація «Московскихъ Вѣдомостей» заглянетъ въ статью своего сотрудника, г. Д. Самарина: она увидитъ, что онъ не признаетъ даже за земскимъ начальникомъ возможности узнать что-либо достовѣрное объ имущественномъ положеніи каждаго крестьянина («М. В.», № 320). Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ допросъ можетъ, пожалуй, оказаться дѣйствительнѣе разспроса, но вѣдь частное изслѣдованіе могло бы быть ведено параллельно съ официальнымъ, такъ чтобы результаты одного повѣрялись результатами другого. Допустимъ, наконецъ, что мысль Л. Н. Толстого лишена всякаго практическаго значенія; изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она принадлежала къ категоріи такъ—называемыхъ *idées subversives*, чтобы изъ-за нея можно было заводить рѣчь о «систематическомъ дискредитированіи правительства» и даже о «комитетѣ общественнаго спасенія» (!). Откуда это удивительное смѣшеніе понятій, эта болѣе, чѣмъ смѣлая попытка извратить истинный характеръ вопроса? Ключъ къ загадкѣ мы находимъ въ одной изъ передовыхъ статей московской газеты (№ 313), напоминающей о 1880 годѣ, какъ объ эпохѣ «безумнаго культа общества». Обращеніе къ «общественному содѣйствію» исходило

тогда отъ «диктатуры сердца»—той диктатуры, о которой наши газетные реакціонеры до сихъ поръ не могутъ подумать безъ потери самообладанія, безъ ярости и злобы. Призракъ «общественной самодѣтельности», гдѣ бы онъ ни показался, дѣйствуетъ на нихъ столь же неотразимо, какъ красный цвѣтъ—на разъяреннаго быка.

Для тѣхъ, кто еще способенъ видѣть предметы въ ихъ настоящей окраскѣ, статья Л. Н. Толстого дорога именно какъ будильникъ, какъ призывъ къ живымъ силамъ, таящимся среди русскаго общества. Если бы даже перепись хлѣбныхъ запасовъ, предпринятая по частной инициативѣ, не привела къ своей ближайшей цѣли, она поставила бы массу бодрыхъ, энергичныхъ людей лицомъ къ лицу съ народнымъ горемъ и увеличила бы этимъ самымъ сумму средствъ и силъ, которыми располагаетъ общественная помощь. Желаніе что-нибудь сдѣлать для народа—сдѣлать *самоу*, а не путемъ посылки денегъ въ то или другое благотворительное учрежденіе,—распространено въ нашемъ современномъ обществѣ, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Чѣмъ разнообразнѣе, многочисленнѣе и доступнѣе формы непосредственной, личной дѣятельности на пользу голодающаго населенія, тѣмъ больше будетъ число дѣятелей—а *слишкомъ* большимъ, въ виду громадныхъ размѣровъ бѣды, они ни въ какомъ случаѣ быть не могутъ. Плохую службу народу служатъ, поэтому, тѣ, которые сѣютъ недоувѣріе и подозрѣніе, вездѣ, даже въ словахъ никогда ничего не скрывающаго Л. Н. Толстого, усматривая заднія мысли и опасные планы. Нашему обществу безъ того уже слишкомъ свойственна привычка ожидать событій, дѣйствовать только по приказанію—привычка, болѣе чѣмъ когда-либо вредная въ годину тяжелаго народнаго бѣдствія.

К. К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ВСТРѢЧЪ СЪ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

Первыя встрѣчи мои съ Л. Н-чемъ относятся къ концу 1891 года. Въ этомъ году на одномъ собраніи литераторовъ было выражено желаніе издать сборникъ въ пользу голодающихъ, причемъ издатели *Русск. Вѣд.* заявили о готовности принять всѣ заботы и расходы по изданію такого сборника на себя. Ассигновавъ необходимыя средства на изданіе (сборникъ былъ выпущенъ къ началу 1892 года подъ названіемъ «Помощь голодающимъ» въ 6,100 экземплярахъ, причемъ вся выручка отъ продажи 6,000 экземпляровъ=18,000 рублямъ, была обращена на дѣло помощи пострадавшимъ отъ неурожая), редакція *Русск. Вѣд.* поручила дальнѣйшее веденіе этого дѣла мнѣ. Пришлось вступить въ сношеніе со многими беллетристами, учеными и художниками, которые почти всѣ отнеслись къ приглашенію съ полнымъ сочувствіемъ и предложили безвозмездно такое количество статей и рисунковъ, что пришлось отклонить нѣкоторое ихъ число, тѣмъ болѣе, что сборникъ значительно превзошелъ своимъ объемомъ намѣченные первоначально 30 печатныхъ листовъ. Въ сборникъ приняли участіе многіе изъ лучшихъ нашихъ беллетристовъ, ученыхъ и художниковъ: В. Г. Короленко, А. П. Чеховъ, Г. И. Успенскій, Н. Н. Златовратскій, П. Д. Боборыкинъ, Д. С. Мережковскій, К. М. Станюковичъ, А. М. Жемчужниковъ, А. Н. Плещеевъ и др., Вл. С. Соловьевъ, Н. К. Михайловскій, И. Е. Забѣлинъ; профессора: И. И. Мечниковъ, И. М. Сѣченовъ, М. М. Ковалевскій, И. И. Янжулъ, Н. С. Тихонравовъ, и др.; художники: И. Е. Рѣпинъ, В. Е. Маковский, В. М. Васнецовъ, В. Д. Полѣновъ и т. д. Нельзя было обойтись въ такомъ сборникѣ и безъ имени Л. Н. Толстого, и мнѣ по необходимости пришлось обратиться къ нему съ просьбой дать что-нибудь для сборника, хотя мнѣ и говорили, что онъ вообще неохотно даетъ свои произведенія въ подобныя изданія. Л. Н. жилъ тогда зимой въ Москвѣ, въ своемъ домѣ въ Хамовникахъ, а такъ какъ я нанималъ тогда квартиру недалеко отъ него, въ началѣ

Дѣвичьяго поля, то намъ было и удобно вести сношенія по этому дѣлу. Л. Н. на мою просьбу сначала отвѣтилъ, что у него нѣтъ ничего, что бы онъ могъ дать. Тогда я сталъ его просить, не можетъ ли онъ позволить перепечатать какое-либо изъ его произведеній, вышедшихъ за границей и не пропущенныхъ русской цензурой, хотя бы и съ неизбѣжными сокращеніями и измѣненіями. На это Л. Н. согласился, предоставивъ мнѣ полную свободу выбора и измѣненія. Я остановился тогда на мысли воспользоваться сказкой «Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ», замѣнивъ только выведеннаго тамъ «царя»—«воеводой» и поставивъ въ названіи просто «Сказка». Противъ этого Л. Н. ничего не возражалъ, и сказка въ такомъ видѣ была напечатана. Послѣ я слышалъ, что цензурный комитетъ, разсматривавшій сборникъ, имѣлъ сужденіе, между прочимъ, и объ этой «Сказкѣ», но, хотя и увидѣлъ, что она составляетъ передѣлку считавшейся тогда нецензурною вещи, тѣмъ не менѣе въ такой формѣ не счелъ нужнымъ или возможнымъ препятствовать ея появленію. Цензура вообще отнеслась къ сборнику сравнительно благожелательно и настояла только на исключеніи напечатанной уже фототипіи «Христа» съ картины Полѣнова.

Отказавъ въ предоставленіи чего-либо беллетристическаго, Л. Н. заявилъ мнѣ потомъ, что онъ готовъ помѣстить въ сборникъ статью о кормленіи голодающихъ. Я, конечно, былъ этому радъ, и статья была напечатана подъ заглавіемъ: «О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая» («Помощь голодающимъ», стр. 569—586) и съ подписью «Левъ Толстой.—26-го ноября 1891 года. Бѣгичевка, Данковского уѣзда». Статья была написана, слѣдовательно, еще въ деревнѣ, гдѣ Л. Н. занимался лично организаціей помощи голодающимъ, особенно въ Епифанскомъ уѣздѣ. Тѣмъ не менѣе изъ проходившихъ чрезъ мои руки гранокъ набора статьи, съ поправками автора, я могъ убѣдиться, какъ тщательно Л. Н. отдѣлываетъ свои писанія: многія гранки оказывались сильно перечеркнутыми; цѣлые пассажи выбрасывались и замѣнялись на поляхъ новыми, фразы передѣлывались, представлялись, отдѣльныя слова вычеркивались, на ихъ мѣсто вставлялись другія и т. д. Крупный почеркъ Л. Н.-ча виднѣлся почти на каждой гранкѣ, свидѣтельствуя о томъ стараніи, съ какимъ авторъ выправлялъ для печати всё имъ написанное.

Л. Н. ходилъ тогда зимою въ полушубкѣ и валенкахъ. Въ такомъ видѣ явился онъ въ первый разъ и ко мнѣ, когда меня не

было дома. Отворявшая ему дверь прислуга была очень недовольна, что въ парадное крыльцо звонится какой-то мужикъ, и сдѣлала ему соотвѣтственное внушеніе. Въ отвѣтъ она получила: «Скажите, что былъ графъ Толстой»; прислуга отнеслась къ этому скептически и послѣ рассказывала объ этомъ съ ироніей. Она была немало поражена, узнавъ, что это дѣйствительно графъ и знаменитый человѣкъ. Л. Н. тогда часто отправлялся на прогулку по Дѣвичьему полю, и я видалъ неоднократно, какъ къ нему обращались нищіе за подаваніемъ. Л. Н. обыкновенно не отказывалъ, и мнѣ пришлось разъ видѣть, какъ онъ давалъ серебряную монету. Въ то время Л. Н. уже былъ вегетаріанцемъ, но, кажется, еще не полнымъ; такъ, напр., онъ уже бросалъ курить, но иногда окруженный курильщиками, бралъ у нихъ папиросу и для себя. Изъ бесѣдъ съ нимъ въ то время у меня осталось въ памяти очень мало. Помню, какъ онъ доказывалъ мнѣ, что женщинѣ трудно «спастись» въ мірѣ; она болѣе мужчины привязывается къ мужу, дѣтямъ; только женщина нерожавшая способна къ любви въ Богѣ.

Помню также смутно нѣкоторые ироническіе отзывы его объ ученыхъ, увлекающихся спеціальными вопросами и думающихъ видѣть въ нихъ суть и цѣль жизни.

Д. Анушинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Д. Н. ТОЛСТОМЪ.

... Моя счастливая судьба свела меня со Львомъ Николаевичемъ въ 1891 году въ Рязанской губ., во время его дѣятельности среди голодающаго населенія.

Въ то время начали расходиться общины, въ которыхъ я участвовалъ,—въ Смоленской и Тверской губ. Нѣкоторые изъ общинниковъ были въ Рязанской губ., у Толстого и помогали ему. Я направился на дальній югъ и зашелъ провѣдать заболѣвшаго въ то время тифомъ друга своего Новоселова, который тоже помогаль Толстому. Въ 7 верстахъ отъ больницы жилъ временно Левъ Николаевичъ и пригласилъ меня къ себѣ. Никогда не изгладится изъ моей памяти наша первая встрѣча, его глубоко проникательный взглядъ, и скоро послѣдовавшая задушевная бесѣда наединѣ съ нимъ о семейной жизни. Мы обсуждали и сравнивали наши положенія; и мнѣ ясно стало, какія громадныя усилія воли нужно было сдѣлать надъ собой Льву Николаевичу, чтобы правильно, по христіански, разрѣшить вопросъ своей семейной жизни и не уходить въ ту жизнь, куда его влекло. Онъ такъ опредѣлилъ свое состояніе: «Какъ гиря часовъ притягивается къ центру земли, такъ и я стремлюсь измѣнить свой образъ жизни на простой трудовой, а когда чувствую, что вотъ-вотъ достигаю цѣли, Софья Андреевна опять подведетъ меня на прежнее мѣсто; и я вижу, что моя работа здѣсь незакончена; нельзя обрывать, надо развязывать, надо внимательно и чутко прислушиваться ко всѣмъ соблазнамъ удовлетворенія своихъ личныхъ желаній и постоянно провѣрять себя, чтобы никому не причинить зла, чтобы не сдѣлать своимъ поступкомъ другому того, чего ты не хочешь для себя. Это тѣмъ болѣе должно соблюдаться по отношенію къ своимъ семейнымъ въ повседневной жизни».

Эту свою внутреннюю работу онъ продолжалъ до послѣднихъ дней, не обращая вниманія на всѣ сыпавшіеся съ разныхъ сторонъ упреки. Только тогда, когда онъ почувствовалъ въ себѣ полное

примиреніе съ близкими и любовь ко всѣмъ, онъ ушелъ въ тотъ міръ, куда его тянуло: «какъ гири часовъ къ центру земли».

Левъ Николаевичъ придавалъ значеніе не столько трудовому образу жизни, который я велъ, сколько побуждающимъ къ тому внутреннимъ мотивамъ.

Сначала, когда онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ дѣлѣ кормленія голодающихъ, я отказался, потому что считалъ это дѣло нехорошимъ,—лицемѣрнымъ. Какая-то бессмыслица: праздные богачи кормятъ голодный рабочій народъ.

На законномъ основаніи владѣнія землей и подъ предлогомъ разнообразнаго служенія на пользу и благо трудящагося народа, они отняли отъ этого народа насущный хлѣбъ, сработанный этимъ же народомъ, и отдають отъ своихъ избытковъ жалкіе крохи, чтобы работающіе на нихъ труженики не пропадали съ голоду. Стыдно участвовать въ такомъ дѣлѣ.

Я это и высказалъ Льву Николаевичу. Онъ совершенно со мной согласился и сказалъ, что смотреть на эту свою дѣятельность среди голодающихъ, какъ на грѣхъ, въ который его вовлекають жертвователи и которымъ онъ не находилъ силъ, въ своей отзывчивой душѣ отказать, чтобы не обидѣть ихъ и сознательно брать на себя чужой грѣхъ, совершенный тѣми безсознательно.

Началось съ того, что самъ Левъ Николаевичъ съ дочерью Марьей Львовной, взявшей небольшую сумму денегъ, поселились въ наиболѣе нуждающейся деревнѣ и взяли на свое попеченіе нѣсколько заброшенныхъ дѣтей. Не кормить голодныхъ, а голодать вмѣстѣ съ голодными. И въ годину несчастія терпѣть вмѣстѣ нужду жаждала чуткая душа великаго старца. Въ это время Софья Андреевна напечатала въ газетахъ воззваніе о пожертвованіи. Послѣ этого стали присылать на имя Льва Николаевича съ разныхъ сторонъ: деньги, хлѣбъ, лыки, сукно, дрова, старую ненужную барскую одежду, поношенное тонкое бѣлье, дамскія платья, шляпы и т. п. Жертвовали отъ щедраго сердца праздные богачи.

Чуткая душа Льва Николаевича не нашла въ себѣ силъ отказать быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы не обидѣть людей, живущихъ во тьмѣ своего мнимаго просвѣщенія. Левъ Николаевичъ считалъ это свое дѣло дурнымъ, потому что жертвователи заглушаютъ въ себѣ голосъ своей совѣсти своими пожертвованіями, а трудящійся народъ остается въ заблужденіи относительно своего положенія.

Онъ сталъ просить меня, чтобы помочь ему перенести это тяжелое дѣло, такъ какъ пожертвованій такъ много, что прїѣхавшіе помогать ему друзья не могутъ со всѣмъ справиться и приходится прибѣгать къ наемнымъ людямъ, которые часто относились къ дѣлу недобросовѣстно. Тогда я согласился. Съѣздить по его порученію въ общину въ Полтаву и пригласить еще пятерыхъ общинниковъ, которые прїѣхали вмѣстѣ со мной въ Рязанскую губ. и приняли на себя каждый сколько смогъ столовыхъ.

Людей я все-таки отказался кормить, но мнѣ поручили лошадей, которыхъ въ двухъ пунктахъ набралось около 800 штукъ.

Левъ Николаевичъ почти каждый день ѣздить большею частью верхомъ на своемъ Мухортѣ, по разнымъ пунктамъ, входилъ въ мельчайшія подробности нужды и распредѣленія пожертвованій; старался всегда устроить такъ, чтобы была достигнута возможно большая польза, и обо всемъ этомъ всегда совѣтовался съ самими крестьянами. Съ этой цѣлью ходили мы иногда со Львомъ Николаевичемъ пѣшкомъ по сосѣднимъ деревнямъ и по дорогѣ обсуждали какой-либо житейскій вопросъ, который онъ всегда разрѣшалъ съ христіанской точки зрѣнія.

Разъ въ недѣлю всѣ мы съѣзжались въ Бѣгичевку, гдѣ жилъ Толстой, съ отчетами и за указаніями. Онъ писалъ въ это время: «Царство Божіе внутри васъ есть». Вечеромъ онъ прочитывалъ намъ въ слухъ написанное за недѣлю, просилъ cadaго дѣлать свои замѣчанія; иногда возникали споры, онъ дѣлалъ замѣтки, потомъ передѣлывалъ написанное и слѣдующій разъ снова прочитывалъ въ исправленномъ видѣ. Такимъ образомъ небольшая первоначально статья разрослась въ цѣлую книжку.

Отзывчивый, чуткій, увлекающійся всѣмъ, что только могло способствовать совершенствованію и приближенію къ истинѣ, онъ все хотѣлъ воплотить въ себѣ и готовъ былъ всѣмъ и каждому служить, чѣмъ могъ.

Приведу нѣсколько случаевъ изъ его жизни у голодающихъ.

Приходитъ разъ изнуренный крестьянинъ съ 12-ти лѣтнимъ сыномъ. Нужда и голодъ привели его. Левъ Николаевичъ выходитъ къ нему въ переднюю, тотъ начинаетъ просить помочь его нуждѣ и становится съ мальчикомъ на колѣни передъ Львомъ Николаевичемъ и не хочетъ вставать. Тогда Левъ Николаевичъ самъ становится передъ нимъ на колѣни и со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ начинаетъ его просить не унижать себя ни передъ кѣмъ;

онъ всѣми силами души хотѣть вызвать человѣка въ этомъ забитомъ нуждою несчастномъ. Мужикъ растерялся, самъ заплакалъ, но продолжалъ стоять на колѣняхъ. Присутствовавшіе тутъ чуть не насильно подняли его, тогда всталъ весь взволнованный и Левъ Николаевичъ и, разобравъ въ чемъ дѣло, удовлетворилъ, какъ могъ просьбу его. Въ другой разъ пишетъ Льву Николаевичу какая-то знатная дама изъ Петербурга, что она лично хотѣть пріѣхать кормить голодныхъ, привезетъ для этого 3000 руб. и можетъ пожертвовать цѣлый мѣсяцъ своей жизни на такое благое дѣло. Левъ Николаевичъ смущенъ, зная эту даму и всю ея непригодность къ данному дѣлу. Онъ мучается: «Ахъ, Боже мой, ну что я съ ней тутъ буду дѣлать? ну зачѣмъ она ѣдетъ?»—Предлагаютъ ему отказать этой барынѣ или посовѣтовать еѣ ѣхать въ другое мѣсто. «Нѣтъ, нѣтъ, нельзя этого дѣлать—обидится и не пойметъ, а обижать нельзя, грѣхъ». Такъ шикарная барыня и пріѣхала. Поручилъ Левъ Николаевичъ мнѣ познакомить ее съ дѣломъ. Повезъ ее въ деревню и пошли съ ней по хатамъ. Въ первой же хатѣ съ ней отъ душнаго воздуха чуть не сдѣлалось дурно; дальше она отказалась ходить. Случайно узнали, что не подалеку ея знакомая, жена шталмейстера Вальцева, тоже пріѣхала въ свое имѣніе и собирается кормить голодныхъ. Къ ней мы и поѣхали. Тамъ онѣ завели такой способъ кормленія, что мужики приходили ко Льву Николаевичу жаловаться и просить: нельзя ли какъ-нибудь такъ сдѣлать, чтобы барыни не кормили, самимъ же имъ отказаться нельзя, потому что находятся въ земельной зависимости и боятся обидѣть барыню. Оказалось, что эти дамы распорядились печь хлѣбъ для голодающихъ дѣтей въ своей экономической пекарнѣ. Староста, съ бляхой на груди, долженъ былъ приводить каждый день (это во всякую погоду, зимой, версты за 3) по очереди, по 50 душъ дѣтей, за получкой хлѣба. Барскій приказчикъ въ ихъ присутствіи выдавалъ развѣшанный хлѣбъ, а барыни провѣряли списки, чтобы кто не смошенничалъ. Слушая это, Левъ Николаевичъ волновался: «Ахъ, Боже мой, ну что это онѣ тамъ дѣлаютъ? ну развѣ можно такъ унижать людей и такъ мучить дѣтей? И вѣдь никто изъ нашихъ не хотѣть имѣть съ ними дѣло. А надо уладить, жаль мужиковъ, а больше ихъ самихъ—не вѣдаютъ, что творятъ».

Въ это время Л. Н. уѣзжалъ на короткое время въ Ясную Поляну и потому поручилъ мнѣ наладить тамъ столовую по заведенному типу.

Вскорѣ по возвращеніи Льва Николаевича пріѣхалъ къ нему шведъ, старикъ лѣтъ 70-ти. На немъ былъ надѣтъ какой-то сѣрый плащъ, соломенная шляпа, опорки на босу ногу, длинная рубаха и подштаники; длинные сѣдые волосы ложились по плечамъ, и лицо обрамлено большой сѣдой бородой; изъ подъ нависшихъ бровей смотрѣли ясные вдохновенные глаза. Съ собой у него былъ джутовый мѣшокъ, служившій ему постелью, и пустая бутылка вмѣсто подушки и для воды. Такъ онъ пришелъ со станціи верстъ за 30, по морозу, пѣшкомъ. Онъ разсказалъ, что давно уже посвятилъ свою жизнь исканію истины и съ этой цѣлью путешествовалъ по всему міру. Познакомившись по книгамъ съ міровоззрѣніемъ Толстого, онъ почувствовалъ свою духовную близость къ нему и теперь пріѣхалъ для того, чтобы прожить остатокъ дней своей жизни въ братскомъ трудѣ со Львомъ Николаевичемъ и осуществить свою завѣтную мечту добывать себѣ хлѣбъ собственными руками, не насилуя никого, даже животныхъ, при помощи лопатной культуры. Шведъ этотъ, когда говорилъ, напоминалъ собою вдохновеннаго пророка. Онъ произвелъ огромное впечатлѣніе на Льва Николаевича, который почувствовалъ какъ бы укоръ совѣсти за то, что онъ не вполне проводитъ въ жизни то, что ему уяснилось. Съ юношескимъ увлеченіемъ Левъ Николаевичъ сталъ хлопотать объ томъ, чтобы съ открытіемъ весны начать проводить на дѣлѣ то, что предлагалъ ему братъ по духу. Шведъ этотъ оказался строгимъ вегетарьянцемъ, питался только фруктами, овощами и лепешками изъ толченаго, а не молотаго зерна, а пилъ только воду. Когда за завтракомъ подали большой самоваръ, шведъ поднялся и, какъ пророкъ, съ укоризной произнесъ, указывая на самоваръ: «И вы поклоняетесь этому идолу! Я имѣю миссію отъ китайцевъ, которые страдаютъ отъ того, что лучшія ихъ земли заняты чайными плантаціями и негдѣ имъ сѣять хлѣба насущнаго. Это происходитъ отъ спроса на чай. Вы должны отказаться отъ употребленія чая, если вы знаете, что, употребляя чай, вы этимъ участвуете въ отнятіи насущнаго хлѣба у нашихъ братьевъ китайцевъ». Левъ Николаевичъ со смущеніемъ перевелъ намъ это съ англійскаго и предложилъ послѣдовать этому призыву.

Пересталъ самъ пить чай, его замѣнили ячменнымъ кофе, и самоваръ былъ убранъ. Когда Левъ Николаевичъ предложилъ ему чашку кофею, объяснивъ, что это мѣстный продуктъ, то шведъ,

остудивъ предварительно, попробовалъ и сказалъ: «Грѣшно портить такъ хлѣбъ!» и не сталъ пить.

Левъ Николаевичъ окончательно смутился и постепенно довель свою скромную вегетарьянскую пищу почти до того же, какъ и шведъ. Его организмъ не могъ перенести такой грубой пищи. Въ то время Л. Н. страдалъ отъ камней въ печени, болѣзнь усилилась, и, послѣ мучительныхъ припадковъ, онъ съ большимъ прискорбіемъ долженъ былъ снова вернуться къ менѣе строгому вегетарьянству, допуская молоко и яйца. Весной они таки устроили хлѣбный огородъ, но шведа этого выслали изъ Россіи, т. к. онъ не признавалъ паспорта.

Пять мѣсяцевъ пробылъ я тамъ, пока закончилась кормежка лошадей. За это время очень сблизился со Львомъ Николаевичемъ, и онъ помогъ мнѣ разрѣшить много жизненныхъ вопросовъ.

Я понялъ, какую громадную внутреннюю работу онъ дѣлаетъ, оставаясь жить въ барской обстановкѣ, отшельникомъ отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, посвятивъ всего себя на служеніе истинѣ.....

В. Скорыходовъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Зимою 1891 г. мнѣ сообщили, что въ Москву пріѣзжаетъ Л. Н. Толстой, съ которымъ я не видался уже года два и только изрѣдка переписывался. Я рѣшилъ воспользоваться его появленіемъ въ Москвѣ, что бы повидаться съ нимъ и самъ поѣхалъ въ Москву.

Прошедшее лѣто въ черноземныхъ губерніяхъ было неурожайное. Могли быть недостатки и хлѣба и корма. Но наша мѣстность, находящаяся въ иныхъ климатическихъ условіяхъ, оказалась болѣе счастливой и у насъ все обстояло благополучно. Я ѣхалъ въ Москву, мало думая, что дѣлается въ нашей мѣстности, но, подъѣзжая къ Москвѣ, изъ газетъ и разговоровъ узналъ о начавшихся голодовкахъ среди крестьянъ многихъ губерній и о томъ, что эти голодовки однимъ годомъ не кончатся, такъ какъ и озимь, посѣянная у нихъ, взошла плохо. Когда я пріѣхалъ въ Москву и пришелъ въ Хамовники, то домъ Толстыхъ былъ полонъ заботами о голодѣ. Левъ Николаевичъ передъ пріѣздомъ въ Москву обследовалъ нѣсколько мѣстъ, страдающихъ отъ неурожая, и ужасался тому положенію, въ которомъ очутилось трудовое крестьянство. Крестьянство, своими трудами поддерживавшее всю жизнь государства, добывающее для всѣхъ сословій продукты первѣйшей и важнѣйшей необходимости, вдругъ само оказалось безъ хлѣба, безъ корма для скота, безъ топлива. Льву Николаевичу казалось естественнымъ что вся интеллигенція тревожились этимъ, помѣщали корреспонденціи въ газетахъ, статьи въ журналахъ, описывавшія деревенскія бѣдствія, но его вниманіе привлекало въ этомъ главнымъ образомъ не то, что занимало другихъ, а совершенно особое. Страшнымъ, по его мнѣнію, было не одно то, что у крестьянъ не уродилось, и они могли не доѣдать, а и то, что въ каждой пострадавшей отъ неурожая деревнѣ, есть амбары, гдѣ хлѣба полны закрома, гдѣ стоятъ еще старые невымолочные копны ржи и пшеницы, живутъ помѣщики, у которыхъ идетъ привычная

роскошная жизнь, и люди другихъ сословій, не только не страдающіе, глядя на страдающихъ вокругъ, но есть изъ нихъ такіе, что не брезгаютъ строить свое благополучіе на народномъ несчастіи. Наступило время для обязательнаго проявленія жалости и любви, но это проявленіе выступало слабо...

Но вотъ въ газетахъ появилось письмо Софьи Андреевны, говорившее о нуждѣ и бѣдствіи несчастныхъ и призывавшее къ пожертвованіямъ,—и въ домъ Толстыхъ широкой волной стали поступать пожертвованія. Присылались и приносились деньги, вещи, товары, документы. Пожертвованія поступали щедро, на крупные суммы, когда это выяснилось, то Левъ Николаевичъ нѣсколько смягчился и въ одинъ изъ вечеровъ, когда я зашелъ къ нему, онъ подробно разсказалъ, что у нихъ получается и изъ какихъ слоевъ населенія идутъ пожертвованія, и въ тонѣ его чувствовалось умиленіе. Между прочимъ онъ сказалъ, что его теперь нѣкоторые осуждаютъ за непослѣдовательность, такъ какъ онъ недавно еще отвергалъ всякую благотворительность, написалъ причту о двухъ братьяхъ и золотѣ, а теперь самъ участвуетъ въ этомъ дьявольскомъ дѣлѣ.

— Я совсѣмъ не отрекаюсь отъ своего утвержденія, что деньгами нельзя доставить истиннаго блага людямъ, но въ этомъ случаѣ охотно допускаю всякую жертву; она знаменуетъ собой очень важное для меня выраженіе свойства человѣческой души—способность къ закхейству; а Закхеи недалеко отъ царствія Божія. А это для меня очень дорого. Пусть меня обвиняютъ въ непослѣдовательности, я этимъ нисколько не смущаюсь.

И онъ любовно принималъ каждую вещь, будь то тряпье, золото, одежда. Многія вещи онъ осматривалъ самъ, соображая, какъ съ ними поступить, чтобы выгоднѣе обмѣнять на деньги. Помню, среди пожертвованныхъ вещей былъ старый лисій мѣхъ, его показали старьевщикамъ-татарамъ. Татары оцѣнили его что-то дешево. Л. Н. удержался отъ продажи мѣха татарамъ и убѣдилъ кого-то изъ живущихъ въ домѣ взять его чуть не за двойную противъ тараръ цѣну.

И такого рода заботы такъ его занимали, что когда изъ Петербурга въ Воронежскую губернію проѣзжалъ В. Г. Чертковъ и мы вышли на Николаевскій вокзалъ встрѣчать его, то Левъ Ник., увидавши, что сопровождавшій Черткова Ив. Ив. Горбуновъ былъ одѣтъ въ старый черный полушубокъ, засмѣявшись, проговорилъ:

— А у меня для васъ шуба есть изъ пожертвованныхъ, не пожелаете ли купить?

Ив. Ив. сказалъ, что у него есть шуба. Левъ Николаевичъ сейчасъ же проговорилъ:

— А коли есть, то не настаиваю, но я не могу отрѣшиться отъ заботы, какъ лучше устроить получаемыя вещи. Настоящимъ торгашемъ сталъ, и нахожу, что торговля очень интересное дѣло и далеко не глупое, оно требуетъ большой работы ума.

Въ слѣдующій мой прїѣздъ въ Москву уже въ половинѣ этой зимы, я, прежде чѣмъ повидаться со Л. Н-чемъ, зашелъ къ нашимъ общимъ знакомымъ курянамъ Анненковымъ, остановившимся на Воздвиженкѣ. Мы вышли съ Анненковымъ, чтобы пройти, и только вышли на улицу, какъ встрѣтили Л. Н-ча. Л. Н. шелъ одѣтый по обыкновенію въ свой старый полушубокъ, съ нимъ шелъ Н. Я. Гротъ. Л. Н-чъ остановился, громко здороваясь съ нами, и узнавши, что Анненковы живутъ неподалеку, выразилъ желаніе зайти къ нимъ.

Мы вернулись къ Анненковымъ. Левъ Николаевичъ, скидывая свой полушубокъ, заявилъ, что онъ все возится съ пожертвованиями. Одна госпожа пожертвовала свои брилліанты, и онъ ходилъ къ ювелиру, чтобы узнать имъ цѣну. Когда онъ снялъ полушубокъ, то оказалось, что брилліанты въ платочкѣ висѣли у него на узенькомъ ременномъ поясѣ; онъ сталъ поправлять узелокъ, и вдругъ открылось, что пряжка пояса чуть держится на одной ниточкѣ. Левъ Николаевичъ ахнулъ, снялъ поясокъ и попросилъ г-жу Анненкову пришить ему пряжку. Онъ выразилъ большое удовольствіе, что зайдя къ Анненковымъ, онъ, кромѣ удовольствія пріятнаго свиданія, спасся отъ большой непріятности: пряжка каждую минуту могла бы оторваться, и тогда бы онъ потерялъ чужіе брилліанты.

На этотъ разъ Левъ Николаевичъ недолго былъ въ Москвѣ, а скорѣе уѣхалъ въ Рязанскую губернію, гдѣ у него устраивались столовыя для помощи голодающимъ. Столовыя эти существовали не только эту зиму, но и слѣдующую и были прикрыты только въ половинѣ 1893 года.

С. Семеновъ.

НА ГОЛОДѢ СЪ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ ВЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ сентябрѣ 1891 года мы съ Н-вымъ пріѣхали ко Льву Николаевичу. Сердце у меня трепетало, когда я готовился встрѣтить его въ первый разъ. Не прошло и трехъ минутъ, какъ я увидаль Льва Николаевича, бѣгущаго къ намъ сверху по лѣстницѣ. Онъ поцѣловался съ нами, выразивъ непринужденную намъ радость, и мы заговорили какъ давно знакомые.

Прожили шесть дней, проводя время въ чтеніи разныхъ статей Л. Н-ча, а въ свободное время разговаривали со Л. Н-чемъ и его семейными, изъ которыхъ были только Татьяна Львовна, Марья Львовна и маленькія тогда еще дѣти—Саша и Ванечка. Софьи Андреевны не было дома—она была въ Москвѣ.

Какъ-то за вечернимъ чаемъ разбирали привезенныя съ почты письма. Одно изъ нихъ было отъ Лѣскова, въ которомъ онъ просилъ Льва Николаевича написать что-нибудь о предстоящемъ голодѣ. Другое—отъ Софьи Андреевны, которая тоже просила Л. Н-ча принять какое-нибудь участіе въ голодающихъ. Левъ Николаевичъ молчалъ. Мы съ своей стороны спросили его: что онъ думаетъ относительно этого вопроса? Онъ опредѣленно отвѣтилъ, что ни писать и никакого участія въ этомъ дѣлѣ принимать не будетъ. И вопросъ этимъ исчерпался.

Затѣмъ дня черезъ два онъ насъ отвезъ на вокзалъ въ Тулу, самъ правилъ лошадьми, сидя на козлахъ, и, распростившись, отправился обратно.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, находясь безъ дѣла, послѣ распавшейся общины, мы опять встрѣтились въ Москвѣ съ Н-вымъ и отправились въ Хамовники ко Л. Н-чу, который пріѣхалъ изъ голодающихъ мѣстъ и проводилъ въ печать свою статью о голодѣ, которой всячески мѣшала цензура появиться въ ея настоящемъ видѣ.

Л. Н. опять съ радостью встрѣтилъ насъ, далъ намъ почитать свою статью въ корректурѣ, попросивъ насъ въ то же время внести въ нее поправки. Затѣмъ, когда мы предложили свои услуги въ кормленіи голодающихъ, онъ воскликнулъ: «вась-то мнѣ и надо! Пожалуйста, отправляйтесь сейчасъ же въ Рязанскую губ., а то тамъ остался одинъ человѣкъ, а нужды.... но вы тамъ увидите!»

Мы отправились. Приѣхали въ Бѣгичевку.

Насъ познакомилъ съ дѣломъ оставшійся тамъ человѣкъ, и мы порознь—одинъ по одному радіусу, другой по другому, начали каждый день ѣздить по деревнямъ, въ которыхъ были устроены столовые.

Помню какъ теперь, что въ головѣ получался какой-то хаосъ отъ этихъ закоптѣлыхъ сырыхъ хатъ съ закоптѣлыми же ихъ обитателями—мужиками, бабами и особенно отъ ихъ толковъ, въ которыхъ хотѣлось поскорѣе разобраться.

Было открыто столовыхъ до 20. Обѣдешь ихъ, посмотришь хлѣбъ, свекольникъ, щи, а иногда и кашу, отправляешься дальше, тамъ уладишь какое-нибудь недоразумѣніе, и такъ ѣздишь до самаго вечера, сдѣлавъ верстъ 40—50.

А вставъ рано поутру, уже видишь толпу мужиковъ и бабъ около барскаго дома, и вышедшаго къ нимъ сразу же встрѣчаютъ пѣвучіе голоса бабъ, приговаривающихъ: «отцы вы наши родные, благодѣтели, не оставьте, помогите»...

— Ну, довольно, довольно,—начинаешь унимать ихъ, спрашивая о дѣлѣ, чуя фальшивость ихъ голосовъ, наводящихъ на раздумье: какой я благодѣтель?

И хаосу въ головѣ прибавляется больше.

Наконецъ приѣзжаетъ Левъ Николаевичъ. Денежныхъ средствъ съ каждой почтой прибываетъ все больше. Шлется со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, особенно, когда была тамъ напечатана статья Л. Н-ча о голодѣ.

Кромѣ денежныхъ средствъ стали получаться и другія пожертвованія: сукно, валенки, разная одежда и даже убранства (это голодающимъ-то!), ни къ чему не пригодныя въ крестьянскомъ обиходѣ.

Чтобы занять чѣмъ-нибудь праздный народъ, мы выдавали лыки для плетенія лаптей, ленъ для прядева, требуя за стоимость лыкъ извѣстное количество лаптей, извѣстное число фунтовъ прядева, а потомъ эти лапти и пряжу отдавали тѣмъ, кто особенно

нуждался и самъ не могъ производить это. И вотъ, расширивъ такъ дѣятельность, стало трудно со всѣмъ этимъ справляться и не столько физически, сколько нравственно.

Особенно было трудно тогда, когда приносили обратно лапти и прядево, и явно лгали: одинъ, говоря, что у него много ребятенокъ, другой—что ему попали плохія лыки и вышло мало лаптей. «А у меня мало пряжи», ноетъ баба, придумывая разныя причины, почему у нея мало пряжи и т. д.

Слушая всѣ эти выдумки, только и думаешь о томъ, какъ бы поскорѣе отъ нихъ отвязаться; кто ихъ можетъ провѣрить, да и что я ихъ буду провѣрять, сытый, одѣтый, и зачѣмъ я буду писать точный отчетъ тѣмъ, которые отъ избытка своего слали все это, и, махнувъ рукой на эту отрасль помощи, носишь въ душѣ тяготу, отъ сознанія развивающейся лжи вокругъ тебя и паденія глубже человѣка. А приманки въ видѣ поддевокъ, валенокъ и разной одежды въ кладовыхъ растутъ, слухъ о нихъ распространяется, и тянетъ къ нимъ голодный, раздѣтый народъ.

Вотъ стоятъ у дверей съ буквально голыми ребятишками въ зимнюю стужу какіе-нибудь «пьянковскіе», дожидаясь «графа», желая такимъ видомъ вызвать жалость у него и его помощниковъ, не щадя своихъ дѣтей.

— Идите домой, говоришь, на дому будетъ помощь,—и обезкураженные идутъ домой, завертывая въ лохмотья дѣтишекъ.

А вотъ случайно замѣченная такая картина: въ передней стоитъ на колѣняхъ мужикъ, а передъ нимъ Л. Н-чъ и тоже на колѣняхъ съ словами: «Ну, и я также!» Пристыженный, смущенный мужикъ встаетъ и, наконецъ, слушаетъ доводы Л. Н-ча.

Такого рода случайная помощь, въ видѣ лыкъ, поддевокъ, прядева, повидимому и разумная, какъ Л. Н-чу, такъ и намъ, была не по душѣ. Отъ этой помощи поднимались самыя низкія страсти: мелкая ложь, надувательство, хвастовство другъ передъ другомъ, что пришлось надуть «графа» или кого изъ его помощниковъ, а всю ихъ фальшь Л. Н-чъ видитъ и только страдаетъ душой...

Поэтому, чтобы не возбуждать такъ открыто низкія страсти, приходилось помогать какъ бы украдкой. Я обыкновенно, да такъ дѣлали и другіе, когда проходилъ по деревнѣ, чтобы устроить столовую, увидавши въ какомъ-нибудь домѣ вопіющую нужду, отмѣчалъ у себя въ книжкѣ, а потомъ, при случаѣ, привозилъ и давалъ то, что считалъ нужнымъ. Конечно, этимъ себя не застраховывали

отъ посѣщенія такихъ лицъ, которыя приходили и просили хоть «чего-нибудь». А это «чего-нибудь» рѣзало по сердцу и говорило о степени тобою развращенія народа.

Но вотъ еще родъ помощи, употребленный Л. Н-чемъ и, повидимому, благоразумный—это продажа ржи по своей цѣнѣ. И опять надувательство. Каждому хочется купить рожь подешевле. Болѣе состоятельному хозяину приходится въ голову закупить у насъ ржи больше, чтобы съ нея получить выгоду, продавая самымъ бѣднымъ по пуду. Ложь ясна. Отказываешь ему совсѣмъ или предлагаешь пудъ—два, что для него равносильно отказу. Опять съ одной стороны обманъ, а съ твоей—ловля людей въ нехорошихъ помыслахъ и поступкахъ. Опять страданіе, опять тоска...

Дѣятельность наша въ помощи голодающимъ людямъ, расширялась еще помощью сохранившимся тѣмъ «конягамъ», которые несутъ весь трудъ вмѣстѣ со своимъ братомъ мужикомъ.

Накупили соломы, жмыховъ и устроили «столовые» и для нихъ.

Помощниковъ ко Л. Н-чу собралось порядочно и изъ отживающихъ общинъ, и округу захватили на нѣсколько уѣздовъ въ Рязанской и Тульской губ., каждый имѣя подъ своимъ вѣдѣніемъ до 20 и болѣе столовыхъ. Столовыми-то и была главная помощь народу. Хотя и онѣ не представляли собою идеаль въ кормленіи, судя съ нравственной точки зрѣнія, но все-таки это было то, что могло поддерживать сейчасъ умирающаго отъ голодной смерти. Разъ устроена въ деревнѣ или селѣ столовая, то всякій голодный могъ пойти туда и поѣсть, даже кромѣ тѣхъ, кто въ нихъ былъ записанъ.

Столующіеся, обыкновенно, дѣлали такъ. Положимъ, что въ столовой изъ дома записано 2, а ихъ въ домѣ 4 или 6,—тогда два пойдутъ пообѣдать, а два поужинать. И вотъ, такое-то чередованіе часто смущало кормящихъ тѣмъ, что много выходило хлѣба, и даже самого Л. Н-ча навело на мысль устроить нѣкоторую норму при выдачѣ столовщикамъ муки. У насъ съ нимъ даже по этому случаю произошло нѣкоторое недоразумѣніе, которое кончилось тѣмъ, что Л. Н-чъ позволилъ мнѣ поступать такъ, какъ я нахожу лучшимъ. Но, чтобы обрисовать нашу дѣятельность съ столовыми яснѣе, отправимся въ деревню, хотя бы такъ называемые «Прудки».

Подѣѣзжаемъ къ деревнѣ, занесенной со всѣхъ сторонъ снѣгомъ. Соломы у ригъ и дворовъ нѣтъ, а они стоятъ раскрытые, выставивъ свои скелеты. Безъ верховъ стоятъ и нѣкоторые дома. Проходя чрезъ сѣни, видно, что на дворѣ ничего нѣтъ, кромѣ ка-

кой-нибудь клячки, а то и той нѣтъ, нѣтъ ни коровъ, ни овецъ. Въ домѣ сыро. Дверь изнутри покрыта снѣгомъ, заиндивѣла—видно, что топки не хватаютъ. Въ хатѣ не видать никого. Но вотъ на твой голосъ откликается или съ печи какой-нибудь слабый голосъ или изъ печи, показавшись головой и увидавъ свѣжаго чело-вѣка въ романовскомъ полушубкѣ, начинаетъ вылѣзть худой, за-копѣлый остовъ чело-вѣка и отвѣчаетъ безучастно на твои раз-спросы, и мало бы чего отъ него добился, если бы не голосъ бабы, слѣзающей съ печи, приговаривающей: «Ахъ, родные! ахъ, благодѣ-тели! Все проѣли: ни лошади, ни коровы, ни сѣмьянъ, и землю про-ѣли (отдавъ за дешевую цѣну мѣстному богатѣю), не знаемъ, какъ будемъ зиму доживать и чѣмъ сѣять»...

Наконецъ, выслушавъ всѣ причитанія, задаешь вопросъ: сколько васъ?

— Семеро, батюшка, шутка что ли? Прокормить надо.

И вотъ для доказательства показываются ребятишки: кто съ полатей, кто съ печи, а кто изъ печи.

— И меня не забудьте!—слышится гробовой голосъ оставша-гося на печи старика.

— Ужъ не взыщи, батюшка, не слѣзаю... Влѣзть самъ не могу, такъ ужъ отошаль...

Записывешь у себя въ книжкѣ двоихъ, троихъ, идешь въ слѣ-дующій домъ.

Въ слѣдующемъ домѣ на столѣ стоитъ лукошко въ полторы мѣры лебеды и четверка муки.

— Это для чего?

— А вотъ хлѣбушекъ будемъ печь,—отвѣчаетъ опухшая, по-чернѣвшая баба.—Ничего не подѣлаешь, наказалъ Богъ, вотъ ужъ двоихъ Богъ прибралъ, видно за грѣхи наши!..

Опять запишешь и идешь дальше.

Въ этомъ уже домѣ на столѣ лежитъ хлѣбъ, черный, какъ черноземъ, на которомъ онъ росъ, видно, что испеченъ изъ того матеріала, который былъ приготовленъ въ предыдущей хатѣ. А въ слѣдующемъ домѣ застаешь уже бабу у квашни, протирающую чрезъ рѣшето съ очистками картошку, подбавивъ къ которой вся-каго суррогата, она завтра будетъ печь такъ называемый хлѣбъ.

Но довольно поднимать въ воспоминаніи минувшій годъ, хотя я увѣренъ, что такія картины подъ небомъ Россіи не переводятся ежегодно.

Пройдя такъ деревню изъ дома въ домъ дворовъ 40—50 и больше, помѣтивъ у себя въ книжкѣ виданную нужду, собираешь сходъ.

Начинаешь совѣтоваться, сколько человѣкъ можно записать въ столовую изъ такого-то дома и такого-то. Всѣ сосредоточенно взвѣшиваютъ каждаго, и, наконецъ, составляется списокъ для столовой въ 40—50 человѣкъ.

Теперь вопросъ за столовой. Гдѣ открыть ее? Предлагаютъ хату самага богатаго, часто этому человѣку почти всѣ должны, за долги отдали ему часть своихъ полосокъ земли.

Начинаешь имъ возражать и говоришь, что нужно выбрать такого, чтобы и бѣденъ былъ, и у котораго была бы хоть какая-нибудь лошаденка, чтобы на ней можно было съѣздить въ складъ за дровами, мукой, пшеномъ, горохомъ, свеклой и проч., и чтобы за труды свои ему было тепло, а лошадка поддержалась бы объѣдками отъ столующихся.

— И то правда!—слышится голоса.

Требованія твои поняты и общими силами подбирается такой хозяинъ. Выдается ему книжка для записи забора и столовая черезъ два дня начинаетъ функціонировать.

При такомъ оборотѣ дѣла чувствуешь себя еще сносно. Тутъ тебѣ всѣ являются искренними совѣтниками и думаешь, что не пропала у народа душа, есть Богъ, жизнь и радуешься, спѣша открывать столовую за столовой.

Заѣдешь дня черезъ два - три въ новую столовую. Тепло. Пахнетъ свѣжимъ хлѣбомъ. За столами сидятъ человѣкъ 40—50 ребятишекъ, стариковъ, старухъ, кормящихъ бабъ. На лицахъ довольство смѣнило безнадежную угрюмость.

Выходятъ изъ-за стола, крестятся, поминаютъ за здравіе «графа» и «его помощниковъ».

Вотъ выдѣляется степенный старикъ и спрашиваетъ: можно ли отслужить молебенъ за здравіе «графа» и «его помощниковъ?»

— Конечно, можно.

Почему, подумаешь, задается такой вопросъ?

Конечно, не трудно отвѣтить на него, если вспомнить, что нѣкоторыми людьми серьезно распространялись такія слухи, что Л. Н-чъ кормить изъ-за того, чтобы обратить въ свою вѣру, заставляетъ каждаго новообращеннаго расписываться своей кровью...

Были недоразумѣнія и съ земскими начальниками. Одинъ, напримеръ, послѣ того, какъ начали выдавать правительственную

дачку, состоящую изъ 30 ф. муки и 10 ф. отрубей, за которой нужно было ѣхать нѣсколько верстъ, и изъ этого же пая безлошаднымъ (а ихъ доходило до половины) приходилось уплачивать за привозъ нѣкоторую долю, началъ лишать этой дачки ходящихъ въ столовая. Такимъ распоряженіемъ земскій начальникъ парализовалъ мою дѣятельность. Народъ былъ въ раздумьи. Если отказаться отъ выдачи—столовая не прокормитъ всѣхъ, если не ходить въ столовая—не хватитъ выдачи.

Съ письмомъ Л. Н-ча я отправился къ земскому начальнику, прося его не обращать вниманія на нашу помощь, такъ какъ она незначительна въ сравненіи съ нуждою. Онъ, прочитавши письмо Л. Н-ча, обѣщалъ поступать такъ, какъ поступалъ раньше.

Крестьяне сами придумали способъ для своей выгоды. Они ѣли выданный хлѣбъ числа до 20-го, а съ 20-го до конца мѣсяца ходили въ столовую, а ко времени выдачи прекращали хожденіе въ столовую и потому не числились пользующимися столовой.

Вотъ вкратцѣ мое воспоминаніе о голодномъ, 1891 годѣ, проведенномъ со Л. Н-чемъ.

Когда я садился писать, то и не думалъ, что я приду къ отрицанію нашей дѣятельности, но перечитавъ письмо отъ Льва Николаевича, писанное мнѣ въ отвѣтъ на мое по поводу помощи духовобрамъ въ 1897 г., я увидѣлъ, что и Л. Н-чъ въ принципѣ относился отрицательно къ кормленію голодающихъ, и изъ этого же письма ясно видно, почему онъ занимался этимъ дѣломъ.

...«Я былъ противъ, такъ же какъ былъ даже противъ помощи голодающимъ въ той формѣ, въ какой мы ее производили, но, когда вамъ говорятъ: есть дѣти, старики, слабыя, брюхатые, кормящія женщины, которые страдаютъ отъ нужды и вы можете помочь этой нуждѣ своимъ словомъ, или дѣломъ, скажите это слово или сдѣлайте это дѣло, согласиться, значить стать въ противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ, высказаннымъ о томъ, что помощь настоящая, всѣмъ всегда дѣйствительная состоитъ въ томъ, чтобы очистить свою жизнь отъ грѣха и жить не для себя, для Бога и что всякая помощь чужими, отнятыми отъ другихъ трудами есть обманъ, фарисейство и поощреніе фарисейства; не согласиться, значить отказать въ словѣ, поступкѣ, который сейчасъ можетъ облегчить страданія нужды. Я по слабости своего характера всегда избиралъ второй выходъ и всегда это мнѣ было мучительно».

1912 года 18 января.

П. Гастевъ.

1898—99 г.г.

ПИСЬМО Л. Н. ТОДСТОГО.

Гр. Софьѣ Андреевнѣ и гр. Ильѣ Львовичу.

Милые друзья Соня и Илья.

Пожалуйста, продолжайте дѣло, какъ начато, и даже расширьте, если есть настоящая необходимость. Я могу прислать еще 300 руб. Тысячу же пятьсотъ я оставляю, такъ какъ написалъ объ этомъ жертвователямъ, 2,000 же еще не получалъ. Я послалъ свою статью и отчетъ о 3,000 съ чѣмъ-то рублей. Расхода тамъ выведено около 2,500. Пожалуйста, пришлите мнѣ, Илюша, расчетъ остальныхъ денегъ поаккуратнѣе, такъ чтобы можно было послать въ газеты.

Очень мнѣ оставило хорошее впечатлѣніе мое пребываніе у васъ. Я ближе васъ узналъ, понялъ и полюбилъ.

Здоровье мое лучше, но не могу сказать, чтобы было хорошо. Все еще очень слабъ.

Л. Т.

Внучатъ милыхъ и Анночку очень цѣлую. Кто изъ нихъ у бабушки?...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ ОТЦѢ.

Это было въ началѣ 1898 года.

Въ то время я жилъ въ своемъ имѣніи «Гриневка», на границѣ Чернскаго и Мценскаго уѣздовъ.

Послѣ недорода двухъ предыдущихъ лѣтъ уже къ началу зимы стало ясно, что въ нашихъ мѣстахъ надвигается новая голодовка и что благотворительная помощь народу необходима.

Я обратился къ отцу.

Къ веснѣ ему удалось собрать денегъ, и въ началѣ апрѣля онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ.

Надо сказать, что отецъ, бережливый по природѣ, въ дѣлахъ благотворительности былъ чрезвычайно остороженъ и, скажу, даже почти скупъ. Конечно, это понятно, если взвѣсить то безграничное довѣріе, которымъ онъ пользовался среди жертвователей, и ту большую нравственную отвѣтственность, которую онъ не могъ передъ ними не чувствовать. Поэтому, прежде чѣмъ что-нибудь предпринять, ему надо было самому убѣдиться въ необходимости помощи.

На другой день послѣ его пріѣзда мы осѣдлали пару верховыхъ лошадей и поѣхали. Поѣхали, какъ когда-то, лѣтъ 20 до этого, съ нимъ же ѣзжали въ наѣздку съ борзыми,—прямокомъ, полями.

Мнѣ было совершенно безразлично, куда ѣхать, такъ какъ я считалъ, что всѣ окрестныя деревни одинаково бѣдствуютъ, а отцу по старой памяти захотѣлось повидать Спасское-Лутовиново, которое было отъ меня въ 9-ти верстахъ и гдѣ онъ не былъ со временъ Тургенева. Дорогой, помню, онъ рассказывалъ мнѣ про мать Ивана Сергѣевича, которая славилась во всемъ околоткѣ необыкновенно живымъ умомъ, энергіей и сумасбродствомъ. Не знаю, видалъ ли онъ ее самъ, или передавалъ мнѣ слышанныя имъ преданія.

Проѣзжая по тургеневскому парку, онъ вскользь вспомнилъ, какъ изстари у него съ Иваномъ Сергѣевичемъ шелъ споръ: чей паркъ лучше, спасскій или яснополянскій. Я спросилъ его:

— А теперь какъ ты думаешь?

— Все-таки яснополянскій лучше, хотя хорошъ, очень хорошъ и этотъ.

На селѣ мы побывали у сельскаго старосты и въ двухъ или трехъ избахъ и уѣхали разочарованные. Голода не было.

Крестьяне, надѣленные полнымъ надѣломъ хорошей земли и обеспеченные заработкомъ, почти не нуждались.

Правда, нѣкоторые дворы были послабѣе, но того остраго положенія, которое считается голодомъ и которое сразу бросается въ глаза,—этого не было.

Помнится мнѣ даже, что отецъ меня слегка упрекнулъ за то, что я забилъ тревогу, когда не было для этого достаточно основанія, и мнѣ одно время стало передъ нимъ какъ-то стыдно и неловко.

Конечно, въ разговорахъ съ каждымъ изъ крестьянъ отецъ спрашивалъ ихъ, помнятъ ли они Ивана Сергѣевича, и жадно ловилъ всякія о немъ воспоминанія. Нѣкоторые старики его помнили и отзывались о немъ съ большой любовью.

Изъ Спасскаго мы поѣхали дальше.

Въ двухъ верстахъ отсюда намъ попалась по пути заброшенная въ поляхъ маленькая деревушка «Погибелка».

Заѣхали.

Оказалось, что крестьяне живутъ на «нищенскомъ» надѣлѣ, земля неудобная, гдѣ-то въ сторонѣ, и къ веснѣ народъ дошелъ до того, что у восьми дворовъ всего одна корова и двѣ лошади. Остальной скотъ весь проѣденъ. Большіе и малые «побираются».

Слѣдующая деревня «Большая Губаревка»—то же самое.

Дальше—еще хуже.

Рѣшили, не откладывая, сейчасъ же открывать столовые. Работа закипѣла.

Самую трудную работу,—распредѣленіе количества ѣдоковъ изъ каждой крестьянской семьи,—отецъ почти вездѣ производилъ самъ, поэтому цѣлые дни, часто до глубокой ночи, разъѣзжалъ по деревнямъ. Раздача провизіи и заготовка лежала на обязанности моей жены. Явились и помощники. Черезъ недѣлю у насъ уже дѣйствовало около 12-ти столовыхъ въ Мценскомъ уѣздѣ и столько же—въ Чернскомъ.

Такъ какъ кормить весь народъ безъ обезпеченія намъ было не по средствамъ, мы допускали въ столовыя преимущественно дѣтей, стариковъ и больныхъ, и я помню, какъ отецъ любилъ попадать въ деревни во время обѣда и какъ онъ умилялся тѣмъ благоговѣйнымъ, почти молитвеннымъ отношеніемъ къ ѣдѣ, которое онъ подмѣчалъ у столующихся.

Къ сожалѣнію, дѣло не обошлось и безъ административныхъ непріятностей.

Началось съ того, что двухъ барышень, пріѣхавшихъ изъ Москвы и завѣдывавшихъ одной изъ большихъ нашихъ столовыхъ, просто прогнали, подъ угрозой закрытія столовой. Затѣмъ явился ко мнѣ становой съ требованіемъ дать ему разрѣшеніе начальника губерніи на открытіе столовыхъ.

Я сталъ убѣждать его въ томъ, что не можетъ быть закона, воспреещающаго благотворительность.

Конечно, безуспѣшно.

Въ это время въ комнату вошелъ отецъ, и между нимъ и становымъ завязался дружелюбный разговоръ, въ которомъ одинъ доказывалъ, что нельзя запрещать людямъ ѣсть, а другой просилъ войти въ его положеніе чловѣка подневольнаго, которому такъ приказываетъ начальство.

— Что прикажете дѣлать, ваше сіятельство?

— Очень просто: не служить тамъ, гдѣ васъ могутъ заставить поступать противъ совѣсти.

Послѣ этого мнѣ все-таки пришлось во имя сохраненія дѣла съѣздить къ орловскому и тульскому губернаторамъ и въ заключеніе послать министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбой «устранить препятствія, которыя ставятъ мѣстныя власти дѣлу частной благотворительности, закономъ не возбраняемой».

Такимъ образомъ, удалось спасти существующія у насъ столовыя, но новыхъ открывать мы уже не рѣшались.

Отъ меня отецъ поѣхалъ въ восточную часть Чернскаго уѣзда, гдѣ хотѣлъ посмотрѣть состояніе посѣвовъ, но дорогой онъ заболѣлъ и нѣсколько дней пролежалъ у моихъ друзей Л.

Многіе, вѣроятно, помнятъ относящуюся къ описываемому времени статью моего отца «Голодъ или не голодъ».

Нарисованная имъ яркая картина положенія народа, къ сожалѣнію, до сего времени измѣнилась мало.

Вспыхнувшій въ этомъ году на востокѣ голодъ снова подтверждаетъ, что «хроническое недоѣданіе народа все усиливается», и мучительные вопросы, поставленные тогда моимъ отцомъ, «Какъ сдѣлать, чтобы нужда не повторялась?», остаются до сего времени безъ отвѣта.

Илья Львовичъ Толстой.

1907.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО КЪ ДУХОБОРАМЪ.

[Письма къ духоборамъ сообщены для сборника Г. С. Рябовымъ.—«Затѣя» С., о которой Л. Н. упоминаетъ во второмъ письмѣ состояла въ томъ,—пишетъ г. Рябовъ:—чтобы объединить въ общину послѣдователей Д—ва, жившихъ разобщенно, по разнымъ деревнямъ. Духоборы, насколько мнѣ извѣстно, отвѣтили въ томъ смыслѣ, что они прислали деньги въ полное распоряженіе Л. Н-ча и что онъ воленъ поэтому распорядиться деньгами по своему усмотрѣнію. Намѣреніе С. не могло осуществиться, такъ какъ самъ Д—въ, сначала какъ будто ничего неимѣвшій противъ мысли С., вскорѣ горячо воспротивился предпочтенію его единомышленниковъ другимъ нуждающимся, вполне раздѣляя послѣднюю мысль Л. Н-ча, выраженную во второмъ изъ прилагаемыхъ писемъ, т. е., что въ нуждѣ жить для души лучше].

11 апрѣля 1907 г.

Милые братья: Николай Зибаровъ, Василій Потаповъ, Семенъ Рыбинъ.

Вчера получилъ вашъ драфтъ на пять тысячъ долларовъ. Постараюсь наилучшимъ образомъ исполнить желаніе вашей общины. Я уже говорилъ съ однимъ братомъ, Николаемъ С., исповѣдующимъ ту же, какъ и мы, христіанскую вѣру, и онъ обѣщалъ мнѣ пригласить съ собой единовѣрныхъ товарищей поѣхать въ Самарскую губернію и тамъ употребить эти деньги на устройство столовыхъ для нуждающихся. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла извѣщу васъ. Благодарю васъ сердечно отъ имени тѣхъ, которые воспользуются вашей помощью, и отъ себя. Отъ всей души желаю вамъ всѣмъ духоборамъ преуспѣвать на томъ единомъ истинномъ пути христіанской жизни, который вы избрали.

Братъ вашъ *Левъ Толстой*.

23 мая 1907 г.

Милые друзья и братья, вы получите письмо отъ Н. С. Онъ, близкій мнѣ и вамъ по духу человѣкъ, поѣхалъ по моему указанію въ Самарскую губернію, чтобы раздать, распредѣлить между нуждающимися пожертвованныя вами деньги. Въ газетахъ писали, что нужда тамъ очень велика. Поѣхавъ же на мѣсто, Н. С. увидалъ, что хотя и большая, но и правительствомъ и Краснымъ Крестомъ такъ много устроено столовыхъ для питанія нуждающихся, что для этого ничего уже дѣлать не нужно. Сначала мы съ нимъ рѣшили, что онъ будетъ помогать деньгами потерявшимъ скотъ, жилища, сѣмена. Но онъ придумалъ другое, о чемъ будетъ писать. Знаю я, что тѣ люди, о которыхъ онъ будетъ писать вамъ, Д е братья, люди истинно христіанскаго духа и жизни, знаю, что самъ С. такой же человѣкъ; можетъ ли выйти изъ его затѣи то, чего онъ ожидаетъ, никто знать не можетъ, но желаніе хорошее. Отъ васъ зависитъ рѣшить, какъ ему поступить: продолжать ли разузнавать самыхъ бѣдныхъ и помогать имъ или сосредоточить всѣ силы на осуществленіи его предположенія. Братски привѣтствую васъ. Передайте также мой привѣтъ Петру Васильевичу и Планидину. Помогай вамъ Богъ по христіански съ покорностью волѣ Божьей и кротостью и любовью къ тѣмъ, которые хотѣли вамъ дѣлать зло, переносить ваше испытаніе. Христіанинъ можетъ жить и въ достаткѣ и въ нуждѣ. Въ нуждѣ для души лучше.

ПОСЛѢДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ДѢЛѢ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМЪ.

Какъ извѣстно, Л. Н. сыгралъ самую видную роль въ исторіи духоборовъ. Главнымъ образомъ онъ своимъ «обращеніемъ къ обществу» 19/III 1898 г. и способствовалъ ихъ переселенію въ Канаду. Матеріальная помощь съ его стороны выразилась въ томъ, что онъ продалъ «Воскресеніе» Марксу въ «Ниву», предназначивъ весь гонораръ въ пользу духоборовъ.

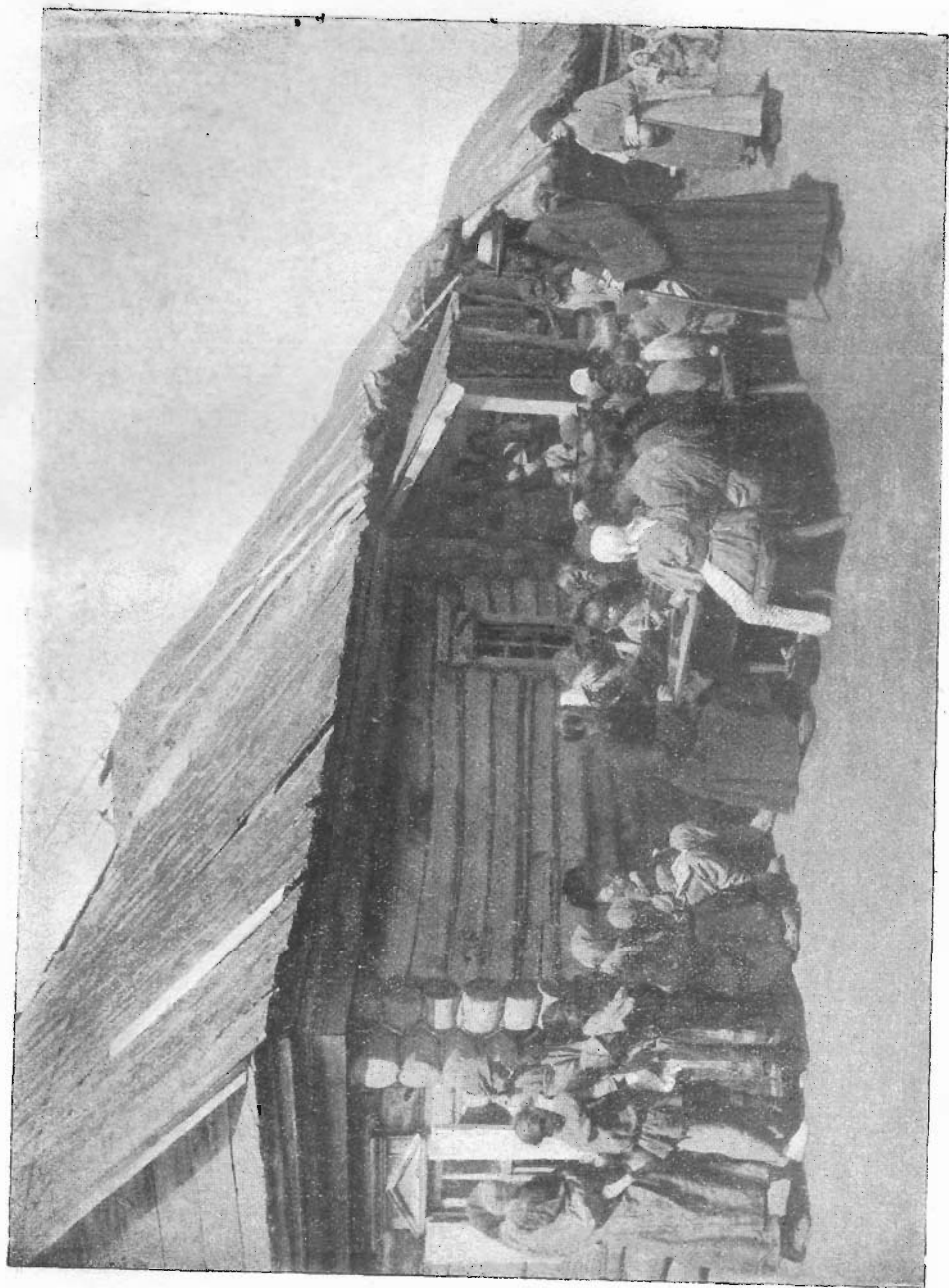
Разумѣется, духоборы не могли забыть, что сдѣлалъ для нихъ «дѣдушка Толстовъ».

И вотъ, какъ только въ ихъ общинной Канадской кассѣ появились деньги, они, услышавъ о недородѣ на родинѣ, перевели 5.000 долларовъ на имя Л. Н-ча въ пользу голодающихъ, полагая, что это будетъ лучшей благодарностью Л. Н. Толстому и тѣмъ русскимъ людямъ, которые способствовали ихъ переселенію.

Считаю своимъ долгомъ рассказать, что мнѣ извѣстно по этому поводу, такъ какъ, кромѣ краткаго сообщенія въ газетахъ о присылкѣ духоборами Л. Н-чу 5.000 долларовъ, ни одного слова объ этомъ дѣлѣ не появлялось въ печати.

Въ послѣдніе годы жизни Л. Н. былъ очень далеко отъ всѣхъ практическихъ вопросовъ. Его мысль все время работала на самыхъ вершинахъ человѣческаго познанія. Естественно, что неожиданно очутившіяся у него въ рукахъ 10.000 рублей жгли ему руки и онъ нетерпѣливо сталъ искать подходящаго человѣка среди своихъ молодыхъ друзей, которому можно было бы поручить дѣло помощи. Выборъ его палъ на С.

С. рѣшилъ поѣхать въ Самарскую губ. на границу Бузулукскаго и Николаевского уѣздовъ. Это мѣсто онъ выбралъ потому, что въ деревняхъ этихъ уѣздовъ были послѣдователи извѣстнаго ему Д-ва, которые могли оказать неоцѣнимую услугу въ правиль-

Народная столовая въ с. Черновскомъ, сергачскаго уѣзда.
Изъ альбома „Неурожайный 1891—92 г. въ Ниж. г.“.

ной оцѣнкѣ матеріальнаго положенія крестьянъ. Тогда, собственно говоря, не было голода, извѣстія о которомъ нынче леденятъ кровь. Тогда былъ недородъ. Къ веснѣ у многихъ крестьянъ вышелъ весь хлѣбъ.

И вотъ задача С. состояла въ томъ, чтобы, помогая дѣйствительно нуждающимся, поддержать ихъ до новаго хлѣба.

Не безъ содѣйствія Л. Н-ча, С. получилъ бумагу отъ Самарскаго губернатора, въ которой было сказано, что разрѣшается «послѣдователю графа Л. Н. Толстого, дворянину С.» оказывать помощь населенію такихъ-то уѣздовъ.

Сфера, въ предѣлахъ которой производилась помощь, была, конечно, невелика, а именно: главнымъ образомъ, въ деревняхъ—Росташихѣ, Богдановкѣ и Патровкѣ, а отчасти и въ Утеvkѣ, Дмитріевкѣ и др. С. помогалъ больше хлѣбомъ. Обыкновенно онъ ѣздилъ въ село Утевку на базаръ, закупалъ тамъ зерно, везъ его въ Богдановку, мололъ на мельницѣ и здѣсь же раздавалъ становившимся въ очередь бабамъ съ мѣшками, приходившимъ и пріѣзжавшимъ и изъ другихъ деревень. Также онъ раздавалъ и крупу. Съ большою осторожностью онъ давалъ и деньги, больше бѣднымъ вдовамъ.

Помогая такимъ образомъ, отъ середины мая до конца іюня онъ израсходовалъ около половины всѣхъ денегъ, переведенныхъ Л. Н. въ одинъ изъ Самарскихъ банковъ.

Съ начала іюля С. съ согласія Л. Н-ча, передалъ дѣло помощи своимъ друзьямъ—К - о и мнѣ, такъ какъ самъ онъ долженъ былъ уѣхать по неотложнымъ личнымъ дѣламъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ Самару, мы съ К - о заѣхали къ Л. Н.

Л. Н. встрѣтилъ насъ просто и привѣтливо.

— Очень радъ, спасибо, что заѣхали. Спасибо, что взяли помощь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Оно меня очень мучаетъ...

Л. Н. повелъ насъ на веранду, предложилъ чаю.

— И рассказывайте, что писалъ вамъ С. Онъ прислалъ мнѣ нѣсколько обстоятельныхъ писемъ. Я очень доволенъ имъ и благодаренъ ему. Онъ такой милый и серьезный человѣкъ и такъ хорошо все дѣлаетъ...

Мы рассказали Л. Н., что намъ извѣстно отъ С. и что мы собираемся продолжать дѣло такъ, какъ велъ его С.

Затѣмъ Л. Н. много говорилъ о Д-вѣ и выразилъ радость, что

мы проживемъ среди единомышленниковъ Д-ва, «этихъ людей, удивительныхъ по глубинѣ и силѣ духа».

Въ теченіе дня, который мы пробыли въ Ясной, Л. Н. неоднократно возвращался въ разговорѣ къ цѣли нашей поѣздки.

— Трудное дѣло. Я, вѣдь, давно и хорошо знакомъ съ нимъ. Часто дѣйствительная нужда не удовлетворяется, остается невыясненной, а помощь получаютъ болѣе смѣлые, хитрые и, главное, менѣе уважающіе себя. Я не расхолаживаю васъ, избави Богъ—это великое дѣло—накормить голоднаго, я только хочу предупредить васъ о трудности и сложности вашей работы. Да и наше дѣло, такъ сказать, подначальное. Насъ просятъ истратить деньги на помощь нуждающимся крестьянамъ—и мы должны это сдѣлать возможно лучше.

На нашъ вопросъ, нельзя ли предпочтительно передъ другими поддержать посильнѣе людей, близкихъ по духу духоворамъ, такъ какъ такіе люди, окрѣпнувъ матеріально, сами будутъ помогать другимъ,—Л. Н. горячо возразилъ:

— Нѣтъ, нельзя! Это заблужденіе. Въ такомъ дѣлѣ не мѣсто разсудочности. Я вижу нужду и помогаю, чувствуя жалость къ человѣку. Тутъ ужъ я не могу, да и не долженъ разсуждать, слѣдуетъ ли этому помочь, не лучше ли другому. Я прямо даю по первому побужденію сердца. Разумѣется, я говорю про несомнѣнную нужду.

Въ Самарской губ. мы пробыли не больше трехъ недѣль, такъ какъ крестьяне скоро собрали новый хлѣбъ. На покупку хлѣба мы потратили только нѣсколько сотъ рублей. А больше раздавали деньги, всего роздали около 3.000 рублей. Передъ нашимъ приходомъ, въ селѣ Богдановкѣ сгорѣло 160 дворовъ. Первымъ дѣломъ мы рѣшили помочь погорѣльцамъ. Достали изъ волостного правленія списки хозяйственного инвентаря и обсудили, совмѣстно съ тремя крестьянами, матеріальное положеніе каждаго погорѣльца. Въ результатѣ немедленно выдали 83 семьямъ по 5 руб., а 13—по 10 руб. Потомъ пришлось еще выдавать, такъ что на погорѣльцевъ ушло не менѣе 1000 рублей. Затѣмъ въ селѣ Патровкѣ истратили на помощь безлошаднымъ до 1000 руб. Тамъ, въ минувшую зиму былъ падежъ лошадей и потому было очень много безлошадныхъ. Для покупки лошадей мы помогали отъ 10 до 30 руб. на семью.

Дѣло не обходилось и безъ курьезовъ.

Такъ, одна баба, узнавъ отъ какого-то отшельника, что «Толстой—конопатый и вельзевуль, а прїѣзжіе братья—студенты, слуги его, мелкіе бѣсы», вернула 5 руб., выданныя ей на погорѣлое.

Извѣстно было, что нѣкоторые изъ получившихъ муку продавали ее и покупали на вырученныя деньги другую муку.

Закончивъ дѣло, мы заѣхали ко Л. Н-чу и передали ему подробные списки выдачъ и тратъ. Л. Н. поблагодарилъ насъ за помощь ему въ этомъ дѣлѣ и написалъ письмо духовоборамъ о томъ, что сдѣлано на ихъ деньги.

Вопросъ мы считали поконченнымъ. Но осенью Л. Н. получилъ одно за другимъ нѣсколько писемъ изъ с. Патровки о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ семей, собравшихъ очень мало хлѣба и корма скоту и въ только что минувшее лѣто.

Тогда Л. Н. рѣшилъ помочь нуждающимся на оставшіяся деньги *) и вновь предложилъ С. поѣхать туда же. Ни К., ни я не могли уже ѣхать, о чемъ и извѣстили Л. Н., предлагая ему нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ въ Самарѣ, на имя которыхъ можно было перевести деньги.

Скоро я получилъ письмо отъ доктора Д. П. Маковицкаго:

«Дорогой другъ, Л. Н. поручилъ мнѣ написать С., что онъ желалъ бы, чтобы все-таки кто-нибудь изъ васъ поѣхалъ въ Самару. Я сейчасъ написалъ С. Л. Н. здоровъ и занятъ «Кругомъ Чтенія».

Привѣтъ. Я. Поляна 17/IX 07.»

Получивъ это письмо, я рѣшилъ оставить свои дѣла и вновь поѣхать въ Самару, не желая ставить Л. Н. въ затруднительное положеніе и вполне понимая его настойчивое желаніе послать одного изъ насъ. Въ этомъ смыслѣ я и собирался написать Л. Н-чу, но медлилъ, такъ какъ Д. П. Маковицкій вскорѣ вновь написалъ мнѣ, извѣщая, что «въ Самару раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ ѣхать не нужно, такъ что времени достаточно для рѣшенія, кому же поѣхать. Когда и какъ Л. Н. рѣшитъ, я напишу Вамъ». Вскорѣ С. согласился поѣхать, о чемъ Д. П. и извѣстилъ меня. Въ началѣ ноября С., прїѣхавшій въ Самарскую губ. налегкѣ съ юга, попалъ подъ ужасный восточный снѣжный буранъ, сразу же простудился и, больной, черезъ нѣсколько дней поѣхалъ назадъ. Все-таки онъ по-

*) Съ согласія духовоборовъ, имъ предполагалось дать уже другое назначеніе.

видался съ чловѣкомъ, писавшимъ Л. Н-чу, роздалъ, а отчасти поручилъ раздать, переданную ему Л. Н. сумму денегъ. И этимъ закончилась помощь самарскимъ крестьянамъ на духоборческія 5.000 долларовъ.

23/XII 1911.

Г. Рябовъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ОТЧЕТУ Д. Н. ТОЛСТОГО

О ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМЪ *).

Двухлѣтнее занятіе наше распредѣленіемъ между нуждающимся населеніемъ шедшихъ черезъ наши руки пожертвованій больше, чѣмъ что-либо другое, подтвердило наше давнишнее убѣжденіе въ томъ, что главная доля той нужды, лишеній и соединенныхъ съ ними страданій и горя, которымъ мы почти тщетно старались внѣшнимъ образомъ противодѣйствовать въ одномъ маленькомъ уголкѣ Россіи, произошла не отъ какихъ-либо исключительныхъ, временныхъ, независящихъ отъ насъ, а отъ общихъ, постоянныхъ и вполне зависящихъ отъ насъ причинъ, заключающихся только въ антихристіанскомъ, не братскомъ отношеніи насъ, людей образованныхъ, къ бѣднымъ, чернорабочимъ, несущимъ всегда ту нужду и лишенія и связанныя съ ними страданія и горести, которыя только были болѣе, чѣмъ обыкновенно, замѣчены нами въ эти послѣдніе два года. Если мы въ нынѣшнемъ году можемъ не услышать про нужды, холодъ и голодъ, вымираніе замученныхъ работой взрослыхъ и недоѣдающихъ старыхъ и малыхъ сотенъ тысячъ людей, то это произойдетъ не отъ того, что этого не будетъ, но отъ того, что мы не будемъ видѣть этого, будемъ забывать про это, будемъ увѣрять себя, что этого нѣтъ, а если и есть, то это такъ и должно быть и не можетъ быть иначе.

Но это неправда: этого не только можетъ не быть, но этого не должно быть и этого не будетъ, и скоро не будетъ.

Какъ ни кажется намъ хорошо спрятанной наша вина передъ

*) Настоящее „Заключение“, пропущенное при печатаніи книги по недосмотру, должно было быть помѣщено послѣ стр. 87.

рабочимъ народомъ, какъ ни искусны, давнишни и общеприняты тѣ отговорки, которыми мы оправдываемъ свою роскошную жизнь среди замученнаго работой и недоѣдающаго и служащаго этой нашей роскоши рабочаго народа,—свѣтъ все болѣе и болѣе проникаетъ эти наши отношенія къ народу, и мы уже скоро окажемся въ томъ постыдномъ и опасномъ положеніи, въ которомъ находится преступникъ, когда неожиданный имъ разсвѣтъ застаетъ его на мѣстѣ преступленія. Вѣдь, если можно было прежде говорить купцу, сбывавшему рабочему народу ненужный, а часто вредный и негодный товаръ, стараясь взять какъ можно больше, или даже хорошій и нужный рабочему хлѣбъ, но купленный по дешевымъ и продаваемый по дорогимъ цѣнамъ, что онъ честной торговлей служить нуждамъ народа; или фабриканту ситцевъ, зеркалъ, папирсъ, или заводчику спирта или пива—говорить, что онъ кормитъ народъ, давая ему заработокъ; или чиновнику, получающему тысячу жалованья, собираемаго изъ послѣднихъ грошей народа, увѣрять себя, что онъ служить для блага этого народа; или—что въ эти послѣдніе годы было особенно очевидно въ мѣстахъ, постигнутыхъ голодомъ—если можно было прежде землевладѣльцу, за безцѣнокъ, меньше, чѣмъ за хлѣбъ, обрабатывающему свою землю голодными крестьянами или отдающему эту землю тѣмъ же крестьянамъ за доведенную до послѣдней высоты цѣну, говорить, что онъ, вводя усовершенствованное земледѣліе, содѣйствуетъ благоденствію сельскаго населенія,—то теперь, когда народъ умираетъ съ голода отъ недостатка земли среди огромныхъ полей помѣщиковъ, засаженныхъ картофелемъ, продаваемымъ на спиртъ или для крахмала, уже нельзя говорить этого. Нельзя уже теперь среди этого вырождающагося отъ недостатка пищи и излишка работы, со всѣхъ сторонъ окружающаго насъ народа не видѣть того, что всякое поглощеніе нами произведеній работы народа, съ одной стороны, лишаетъ его того, что ему необходимо для его питанія, съ другой—увеличиваетъ его, и такъ уже доведенную до послѣдней степени, напряженность работы. Не говоря уже о безумной роскоши парковъ, цвѣтниковъ, охотъ,—всякая поглощенная рюмка водки, всякій кусокъ сахара, масла, мяса есть, съ одной стороны, столько-то отнятой пищи отъ народа и столько-то прибавленнаго ему труда.

Мы, русскіе, находимся въ этомъ отношеніи въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ для того, чтобы ясно видѣть наше положеніе.

Помню, какъ разъ, гораздо прежде голодныхъ лѣтъ, посѣтившій меня въ деревнѣ молодой, нравственно чуткій пражскій ученый, выйдя зимой изъ избы сравнительно зажиточнаго мужика, въ которую мы входили и въ которой, какъ и вездѣ, была замученная работою, преждевременно состарѣвшаяся женщина въ лохмотьяхъ, накричавшій себѣ грыжу больной ребенокъ и, какъ всегда къ веснѣ, привязанный теленокъ и обмягившаяся овца, и грязь, и сырость, и зараженный воздухъ, и унылый, придавленный жизнью хозяинъ,—помню, какъ, выйдя оттуда, мой молодой знакомый началъ мнѣ говорить что-то, и вдругъ голосъ его оборвался, и онъ заплакалъ. Онъ въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ, проходя по асфальтовымъ тротуарамъ мимо роскошныхъ магазиновъ изъ одного богатаго дома въ другой, изъ одного роскошнаго музея и библіотеки, дворцовъ въ другія такія же великолѣпныя зданія,—въ первый разъ увидалъ тѣхъ людей, на трудѣ которыхъ стоитъ вся эта роскошь, и его ужаснуло и поразило это. Ему въ своей богатой и грамотной Чехіи, какъ всякому европейцу, въ особенности шведу, швейцарцу, бельгійцу, можно думать, хотя онъ и будетъ неправъ, что тамъ, гдѣ есть относительная свобода, гдѣ распространено образованіе, гдѣ каждому дана возможность вступить въ ряды образованныхъ,—что роскошь есть только законная награда труда и не губитъ чужія жизни. Можно забыть какъ-нибудь про тѣ поколѣнія людей въ копяхъ того угля, на которомъ сдѣлана большая часть предметовъ его роскоши, можно забыть, не видя ихъ, другой породы людей, которые въ колоніяхъ вымираютъ, работая на наши прихоти; но намъ, русскимъ, никакъ нельзя думать такъ: связь нашей роскоши съ страданіями и лишеніями людей одной породы съ нами, народа, слишкомъ очевидна. Мы не можемъ не видѣть той цѣны прямо человѣческой жизни, которую покупаются у насъ наши удобства и роскошь.

Для насъ солнце уже взошло, и скрывать очевидное уже нельзя. Нельзя уже прятаться за правительство, за необходимость управлять народомъ, за науки, искусства, необходимыя будто бы для народа, за священныя права собственности, за необходимость поддерживать преданія и т. п. Солнце взошло, и всѣ эти прозрачныя покровы ничего уже ни отъ кого не скрываютъ. Всѣ видятъ и знаютъ, что люди, которые служатъ правительству, дѣлаютъ это не для блага народа, который не проситъ ихъ объ этомъ, а только по-

тому, что имъ нужно жалованье; и что люди, занимающіеся науками и искусствами, занимаются ими не для просвѣщенія народа, а для гонорара и пенсіи; и люди, удерживающіе отъ народа землю и возвышающіе на нее цѣны, дѣлаютъ это не для поддержанія какихъ-либо священныхъ правъ, а для увеличенія своего дохода, нужного имъ для удовлетворенія своихъ прихотей. Скрываться и лгать уже нельзя.

Передъ правящими, богатыми, нерабочими классами только два выхода: одинъ—отречься не только отъ христіанства въ его истинномъ значеніи, но отъ всякаго подобія его,—отречься отъ челоувѣчности, отъ справедливости и сказать: я владѣю этими выгодами и преимуществами и во что бы то ни стало удержу ихъ. Кто хочетъ ихъ отнять у меня, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной. У меня сила въ моихъ рукахъ: солдаты, висѣлицы, тюрьмы, кнуты и казни.

Другой выходъ—въ томъ, чтобы признать свою неправду, перестать лгать, покаяться и не на словахъ, не грошами, тѣми самыми, которые съ страданіями и болью отняты у народа, придти на помощь къ нему, какъ это дѣлалось эти два послѣдніе года, а въ томъ, чтобы сломать ту искусственную преграду, которая стоитъ между нами и рабочими людьми, не на словахъ, а на дѣлѣ, признать ихъ своими братьями и для этого измѣнить свою жизнь, отказаться отъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя мы имѣемъ, а отказавшись отъ нихъ, встать въ равныя условія съ народомъ и съ нимъ уже вмѣстѣ достигнуть тѣхъ благъ управленія, науки, цивилизаціи, которыя мы теперь извнѣ и не спрашиваясь его воли будто бы хотимъ передать ему.

Мы стоимъ на распутьи, и выборъ неизбеженъ.

Первый выходъ означаетъ обреченіе себя на постоянную ложь, на постоянный страхъ того, что ложь эта будетъ открыта, и все-таки сознаніе того, что неминуемо рано или поздно мы лишимся того положенія, котораго мы такъ упорно держимся.

Второй выходъ означаетъ добровольное признаніе и проведеніе въ жизни того, что мы сами исповѣдуемъ, чего требуютъ наше сердце и нашъ разумъ и что рано или поздно если не нами, то другими будетъ исполнено, потому что только въ этомъ отреченіи властвующихъ отъ своей власти—единственный возможный выходъ изъ тѣхъ мукъ, которыми болѣетъ наше лжехристіанское челоувѣчество. Выходъ только въ отреченіи отъ ложнаго и въ признаніи истиннаго христіанства.

28 октября 1893 года.

ИЗЪ ПИСЬМА Д. Н. ТОЛСТОГО НЕИЗВѢСТНОМУ*).

Начало осени 1891 г.

.... На вопросъ, который вы дѣлаете мнѣ о голодѣ, очень бы хотѣлось сумѣть ясно выразить, что я по отношенію этого думаю и чувствую. А думаю и чувствую я объ этомъ предметѣ нѣчто очень опредѣленное; именно: голодъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не у насъ, но вблизи отъ насъ—въ нѣкоторыхъ уѣздахъ: Епифановскомъ, Ефремовскомъ, Богородицкомъ) есть и будетъ еще сильнѣе, но голодъ—то-есть большій, чѣмъ обыкновенно, недостатокъ хлѣба у тѣхъ людей, которымъ онъ нуженъ—отвратить никакъ нельзя тѣмъ, чтобы собрать, занять деньги и купить хлѣба и раздать его тѣмъ, кому онъ нуженъ.

Я думаю, что надо всѣ силы употребить на то, чтобы противо-дѣйствовать,—разумѣется, начиная съ себя,—тому, что производить этотъ голодъ. А взять у правительства или вызвать пожертвованія, я думаю—не нужно, и ничего, кромѣ грѣха, не произведетъ. Дѣлать этого рода дѣла есть тѣмъ охотниковъ,—людей, которые живутъ всегда не заботясь о народѣ, часто даже ненавидя и презирая его, которые вдругъ возгораются заботами о меньшемъ братѣ,—и пускай ихъ это дѣлаютъ. Я же думаю, что добрыхъ дѣлъ нельзя дѣлать вдругъ по случаю голода, а что если кто дѣлаетъ добро, тотъ дѣлалъ его и вчера, и третьяго дня, и будетъ дѣлать его и завтра, и послѣзавтра, и во время голода, и не во время голода. И потому противъ голода одно нужно, чтобы люди дѣлали какъ можно больше добрыхъ дѣлъ,—вотъ и давайте стараться это дѣлать и вчера, и нынче, и всегда. Доброе же дѣло не въ томъ, чтобы накормить хлѣбомъ голодныхъ, а въ томъ, чтобы любить и голодныхъ, и сытыхъ. И любить важнѣе, чѣмъ кормить, потому

*) Къ стр. 137. „Рус. Обозр.“, 1891 г., № 9.

что можно кормить и не любить, то-есть дѣлать зло людямъ, но нельзя любить и не накормить.

Пишу это не столько вамъ, сколько тѣмъ людямъ, съ которыми безпрестанно приходится говорить и которые утверждаютъ, что собрать денегъ или достать и раздать—доброе дѣло, не понимая того, что доброе дѣло только дѣло любви, а дѣло любви всегда дѣло жертвы. И потому, если вы спрашиваете: что именно вамъ дѣлать? я отвѣчу: вызывать, если вы можете (а вы можете), въ людяхъ любовь другъ къ другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и вездѣ; но, кажется, будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ голода написать то, что тронуло бы сердце богатыхъ. Какъ вамъ Богъ положить на сердце—напишите, и я бы радъ былъ, кабы и мнѣ Богъ велѣлъ написать такое.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

Отъ редакціи	I
Нѣсколько словъ о неурожаѣ въ нижегородской губ.—Г. И. Сергѣева	III
Левъ Толстой и голодъ—Ч. Вѣтринскаго	X

I. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Статьи о голодѣ.

1873 г.

О самарскомъ голодѣ	3
-------------------------------	---

1891—92 г.г.

Страшный вопросъ	8
О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая	18
Письма о голодѣ	37
Среди нуждающихся. Отчетъ по 15 янв. 1892 г.	74
Среди нуждающихся. Отчетъ по 12 іюля 1892 г.	81

1898—1899 г.г.

Къ редактору „Русск. Вѣд.“	88
Голодъ или не голодъ	90

II. Письма Л. Н. Толстого. Воспоминанія и др. матеріалы.

1873 г.

Письмо Л. Н. Толстого къ гр. А. А. Толстой	107
Графиня С. А. Толстая въ 1873 г.	109
Въ голодовку 1873-74 г.г.—А. С. Пругавина	100
Тѣнь Толстого.—С. С. Кондурушкина	115

1891—1892 г.г.

Толстой въ голодный 1891-2 г. Нѣсколько справокъ	125
Народныя столовыя Л. Н. Толстого	130

Письма Л. Н. Толстого:

Н. Я. Гроту	137
П. И. Вирюкову	139
Н. Н. Ге	140
М. А. Новоселову	—
Гр. А. А. Толстой	—
Переписка Л. Н. Толстого и его семьи съ П. А. Усовымъ	142
И. Б. Фейнрману	148
В. В. Рахманову	150
Въ редакцію „Русск. Жизни“	153
Гр. С. А. Толстой	—
Письмо въ редакцію	155
Е. И. Попову	157
М. В. Алехину	158
П. И. Вирюкову и С. Т. Семенову	159
Изъ писемъ А. И. Эртеля	160

У графа Л. Н. Толстого въ голодный годъ. Разсказъ американца Стадлинга	166
Статья гр. Л. Н. Толстого и московская печать.—К. К. Арсеньева	178
Изъ встрѣчъ съ Л. Н. Толстымъ.—Д. Н. Анучина	182
Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.—В. И. Скороходова	185
Изъ моихъ воспоминаній.—С. Т. Семенова	191
На голодъ съ Л. Н. Толстымъ.—П. Н. Гастева.	194
1898—1899 г.г.	
Письмо Л. Н. Толстого	201
Отрывокъ изъ воспоминаній объ отцѣ.—И. А. Толстого	202
1907 г.	
Письма Л. Н. Толстого къ духоборамъ	206
Послѣднее выступленіе Л. Н. Толстого въ дѣлѣ помощи голодающимъ. Г. С. Рябова	208
Приложеніе къ стр. 87. Заключеніе къ послѣднему отчету Л. Н. Толстого 1893 г.	
Приложеніе къ стр. 136. Письмо неизвѣстному	213
	217

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА ТОЛСТОВСКАГО МУЗЕЯ

ВЫХОДИТЬ 10 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

С.-Петербургъ, Толстовскій Музей, Вас. Остр., 1 линія, д. № 24, кв. 8.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Россіи съ пересылкой на годъ	4 руб. — коп.
” ” ” ” ” полгода	2 ” — ”
Заграницей ” ” ” годъ	5 ” — ”
” ” ” ” ” полгода	2 ” 50 ”

За отдѣльный номеръ—50 коп. За перемѣну адреса—20 коп.

Въ журналѣ, помимо официальныхъ документовъ, исходящихъ отъ общихъ собраній, комиссій и совѣта общества, знакомящихъ съ ходомъ работъ Музея, по мѣрѣ возможности будутъ печататься еще до сего времени не опубликованныя произведенія Л. Н. Толстого, а также статьи, воспоминанія, дневники и пр., такъ или иначе связанныя съ личностью и дѣятельностью Л. Н. Толстого. Кромѣ того, въ „Извѣстіяхъ“ возможно полно будетъ регистрироваться текущая, русская и иностранная, библиографія, касающаяся Л. Н. Толстого. Каждый номеръ „Извѣстій“ будетъ иллюстрированъ нѣсколькими снимками.

Содержаніе № 1 (іюль) „Извѣстій“:

Отъ редакціи.—Письма (13) Л. Н. Толстого къ М. В. Алехину—Предисловіе и примѣчанія къ нимъ Влад. Бончъ-Бруевича.—Толстовскій Музей (Докладъ, прочитанный на первомъ общемъ собраніи Московскаго отдѣленія Общества Толстовскаго Музея). П. И. Бирюкова.—Четыре фотографическихъ снимка двухъ залъ музея.—Къ рисункамъ.—Памяти Владимира Михайловича Войнова, Мих. Стаховича— и пр.

Содержаніе № 2 (сентябрь) „Извѣстій“:

Опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты по дѣлу о наложеніи ареста на № 1 „Извѣстій Общества Толстовскаго Музея“.—Свѣдѣнія для посѣтителей Толстовскаго Музея.—Письма Л. Н. Толстого: 1) къ Н. П. Вагнеру; 2) къ В. И. Ламанскому; 3) къ Е. В. Святловскому.—По поводу письма, Е. В. Святловскаго.—Кабинетъ Льва Николаевича Толстого въ Ясной Полянѣ, П. И. Бирюкова.—Фотографическій снимокъ кабинета Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.—Толстовская выставка въ Москвѣ Л. Гальберштадта.—„Толстовскій Музей“, т. I. Переписка Л. Н. Толстого съ графиней А. А. Толстой (1857—1903) В. И. Срезневскаго.—Къ рисункамъ.—Воззваніе Толстовскаго Музея къ Первому всемірному конгрессу расъ въ Лондонѣ.—Конфискованныя произведенія Л. Н. Толстого (по 1-е іюня 1911 г.), В. Д. Бончъ-Бруевича.—Хроника.—Библиографія.

При №№ 3 и 4, которые печатаются, будетъ данъ большой альбомъ (32 снимка) Толстовской выставки въ Москвѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ „Извѣстій Общества Толстовскаго Музея“. Петербургъ, Толстовскій Музей, Вас. Остр., 1 линія, д. № 24, кв. 8 и во всѣхъ главн. книжныхъ магаз.

Издатель: О-во Толстовскаго Музея.

Редакторъ: Влад. Бончъ-Бруевичъ.

Брошюры и книги Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чехихина).

Имѣются въ продажѣ у автора (Н.-Новгородъ, Новобазарн. пл. д. Васильевой), въ книжномъ складѣ „Наука“ (Москва, В. Никитская, 10) и въ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Общедоступный историческій очеркъ съ 6 портретами. Изданіе 3-е. Ц. 5 к. (Изд. Дороват. и Чарушн.).

Историческою коммиссіею Учебн. Отд. О. Р. Т. З. въ Москвѣ признана заслуживающею рекомендаціи и распространенія. (Рус. Вѣд. 1911. № 28). См. также отзывы: „Рус. Мысль“, 1911, № 3 (проф. Кизеветтера) и многіе другіе.

Левъ Николаевичъ Толстой. † 7 ноября 1910 г. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ 5-ю рисунками. Изданіе 4-е. Цѣна 5 коп. (Изд. Дороват. и Чарушн.).

Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина. Ц. 20 коп. (Дороватовскій и Чарушниковъ). **Общедоступные очерки: Бѣлинскій, — Некрасовъ, — Гоголь, — Тургеневъ** по 20 к. (Изд. „Прометей“). **Т. Г. Шевченко.** Ц. 15 коп. (Изд. Сытина).

Среди латышей. Очерки. Изд. 2-е. Ц. 25 коп. **Божьи дѣти.** Сборникъ. Ц. 7 коп. (Изд. Доров. и Чарушн.).—Обѣ брошюры допущены въ библіотеки среднихъ и низшихъ училищъ.

Н. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобранныхъ произведеніяхъ. „Историко-литературная библіотека“. VI вып. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1911 г. Цѣна 80 коп.

Герценъ. Жизнь. Мысли. Дѣятельность.—Съ 4 фототипіями и 16-ю автотипіями на мѣловой бумагѣ. Приложение: **А. Г. Фоминъ.** Библіографія—XVI+532 стр. Спб. Изданіе библіотеки „Свѣточа“ (С. А. Венгерова). 1908. Цѣна 3 руб.

С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ редакціей **Ч. Вѣтринскаго.** Съ очеркомъ жизни и дѣятельности С. Т. Аксакова и съ приложеніемъ объяснительнаго словаря именъ, портрета Аксакова и рисунковъ. Спб. 1909. Стр. XLVIII+612. Цѣна 1 руб. 50 к. (Изд. О. Н. Поповой).

Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Изданіе второе. Спб. Цѣна 1 руб. 60 к. (Изд. О. Н. Поповой).

Гуманистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). М. 1906. Цѣна 15 коп. (Изд. т-ва Сытина).

Учитель русскаго общества (В. Г. Бѣлинскій). М. 1907. Цѣна 25 к. (Изд. т-ва Сытина).

Шериданъ. Школа злословія. Комедія въ 5 дѣйств. Пер. съ англійскаго, съ біографіей автора. Дешев. библіотека № 317.

Шериданъ. Соперники. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. съ англійскаго. Деш. библіот. № 309.

Ф. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ его. Серія „Историко-литературная библіотека“ подъ редакціей А. Е. Грузинскаго (печатається).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „Нижегородскій Ежегодникъ“

Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина.

Ч. Вѣтринскій. Общедост. очерки жизни и дѣятельности русскихъ писателей:

I. **А. С. Пушкинъ.** Съ портр. и видомъ памятника въ Москвѣ. Ц. 6 к.

II. **И. А. Гончаровъ.**—*Готовится къ печати.*

Его-же.

Нижегородскіе портреты. Сборникъ статей о М. Я. Чаадаевѣ, А. Н. Муравьевѣ, П. И. Мельниковѣ, А. С. Гацискомъ, Л. Г. Граве, В. Г. Короленкѣ и др., съ 5 портр.—*Готовится къ печати.*

„Нижегородскій Ежегодникъ“ на 1911 г. Подъ редакціей **Г. И. Сергѣева** и **В. Е. Чешихина** (**Ч. Вѣтринскаго**). Годъ изданія первый. Ц. 40 к. (*Разошелся*).

ОТЗЫВЫ: Соед. засѣд. II и III секцій Областн. Агроном. Съѣзда въ Москвѣ (21—28 февр. 1911 г.) **привѣтствовало** появленіе „Нижег. Ежег.“, какъ полезное изданіе для населенія.

... **Это цѣлая маленькая энциклопедія**, составл. при участіи мѣстн. специалистовъ и культурн. работников... Отъ всей души надо пожелать чтобы книжка эта нашла себѣ мѣсто въ каждомъ домицѣ и каждой избушкѣ Ниж. г.“ (*СПБ. „Совр. Сл.“* № 1101, 1911 г.).

... Мы не можемъ не пожелать успѣха прекрасному начинанію г.г. Сергѣева и Чешихина“ (*СПБ. „Земское Дѣло“* № 5, 1911 г.).

... Рекомендуемъ цитируемый „Ежег.“ не только для Нижегород. губ., но и всякому русскому читателю, интер. жизнью нашихъ родныхъ губерній“ (*М. „Нужды дер.“* № 1—1911 г.).

Кромѣ того, отзывы помѣщены въ *„Нижег. Лист.“* (№ 356—1910 г.), *„Воляръ“* (№ 354—1910 г.), *„Ст. Влад.“* (№ 36—1911 г.), *„Вѣстн. сельск. хоз.“*, *„Чернил. сб.“* (№ 6—1911 г.) и др. изданіяхъ.

„Нижегородскій Ежегодникъ“ на 1912 г. Подъ редакціей **Г. И. Сергѣева** и **В. Е. Чешихина** (**Ч. Вѣтринскаго**). Годъ изданія второй. Ц. 40 к.

изъ отзывовъ печати. „Изданія этого рода, оч. распространенныя въ Германіи, у насъ составляютъ большую рѣдкость, несмотря на очевидную ихъ пользу“ (*„Вѣстн. Европы“*—Февр. 1912 г.).

„Вотъ оч. хорошее изданіе, которое просматриваешь съ большимъ удовольствіемъ. Составлено оно съ большой любовью, тщательностью, какъ научный трудъ. А, вѣдь, это календарь, которому суждено существовать только годъ“ (*„Ниж. Лист.“* № 348—1911 г.).

Кромѣ того, отзывы даны въ *„Самарск. газ. д. вс.“* (№ 251—1911 г.), *„Рижской Мысли“* (№ 1334—1912 г.), *„Совр. Сл.“* (№ 1438—1912 г.) и др. изданіяхъ.

главный складъ въ Н.-Новгородѣ, у издателей: **Г. И. Сергѣева** (Губернская Земская Управа) и **В. Е. Чешихина** (Новобазарная пл., д. Васильевой).

Складъ въ Москвѣ: Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Нижегородскій Ежегодникъ“

Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина.

Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ

„Нижегородскій Ежегодникъ“

выйдетъ на 1913 годъ (третій годъ изданія).

Содержаніе „Ежегодника“ будетъ обновлено, введены новые отдѣлы и расширены отдѣлы: сельскаго хозяйства, техники, городского дѣла, законовѣдѣнія, справочный и др.

„Нижегородскій Ежегодникъ“, между прочимъ, широко распространяется *бесплатно* въ средѣ торгово-промышленнаго класса нижегородской ярмарки, въ коммерческихъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ города и ярмарки и передается также *бесплатно* въ приемныя врачей, конторы нотаріусовъ, гостиницы, номера, и т. д. *для пользованія публики.*

Въ губерніи „Ежегодникъ“ разсылается и расходится въ большомъ количествѣ экземпляровъ, между прочимъ, по волостнымъ правленіямъ (*бесплатно*), въ средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ и служащихъ, землевладѣльцевъ, духовенства, учителей и т. д., разсылается въ библіотеки губерніи, сельско-хозяйственнымъ корреспондентамъ губернскаго земства (*бесплатно* отъ земства) и т. д.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

	въ одну краску:		въ двѣ краски:
	впереді текста.	позади текста.	только передъ текстомъ.
Цѣлая стр. .	80 р.	60 р.	100 р.
$\frac{1}{2}$ „ .	45 р.	35 р.	55 р.
$\frac{1}{4}$ „ .	25 р.	20 р.	32 р.
$\frac{1}{8}$ „ .	15 р.	12 р.	20 р.

Объявленія на обложкѣ—по соглашенію.

Пріемъ объявленій въ Н.-Новгородѣ, у издателей: Г. И. Сергѣева (Губернская Земская Управа, тел. 1—21) и В. Е. Чешихина (Новобазарная пл., д. Васильевой).